

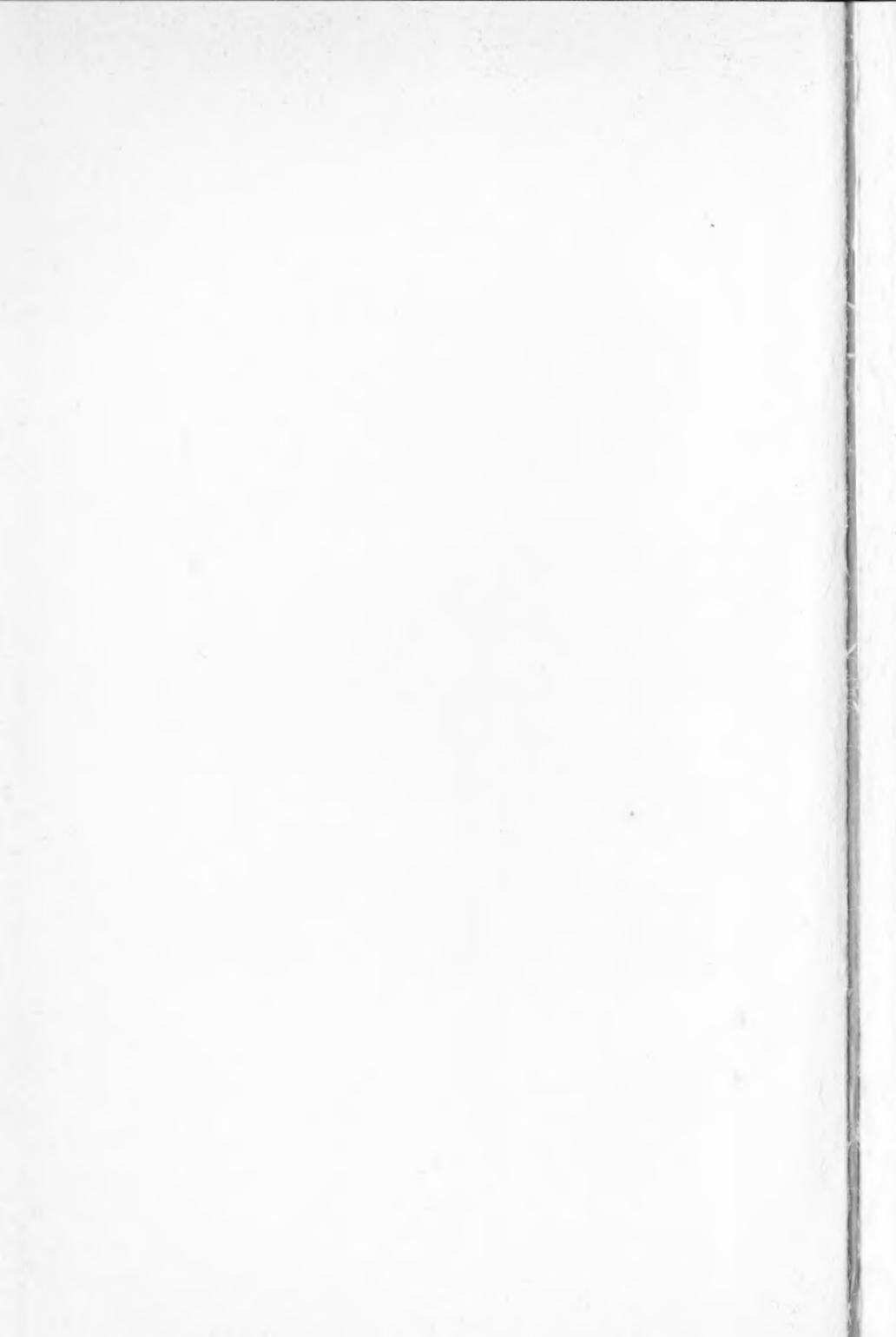
П.А.Хромов

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
СССР**

**Первобытно-общинный
и феодальный способы
производства в России**

*учебное пособие
для вузов*

П.А.Хромов
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
СССР
Первобытно-общинный
и феодальный способы
производства в России

*Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов экономических
специальностей университетов*

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1988

ББК 63.3(2)2
Х 94

Рецензенты:
кафедра истории народного хозяйства
и экономических учений
(зав. кафедрой д-р экон. наук, проф. В. А. Жамин);
д-р экон. наук, проф. Д. Ф. Вирник

Хромов П. А.

Х 94 Экономическая история СССР: Первобытно-общинный и феодальный способы производства в России: Учеб. пособие для экон. спец. ун-тов.— М.: Высш. шк., 1988.— 272 с.

Учебное пособие посвящено анализу производительных сил и производственных отношений первобытного и феодального обществ на Руси. Основную часть работы составляет характеристика экономики феодально-крепостнического периода, длившегося в нашей стране около 1000 лет: основные этапы феодализма, феодальная собственность на землю, докапиталистическая рента, формы промышленности, внутренний и внешний рынки, финансово-денежная и кредитная системы.

Х 0505010000(4309000000)—087 21—88
001(01)—88

ББК 63.3(2)2
9 (С)1

© Издательство «Высшая школа», 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исторический подход при изучении общественных явлений — неперемнная и важнейшая черта научного взгляда. Лишь сочетание теоретического анализа с историческим обеспечивает всестороннее и глубокое изучение общественной проблемы, поэтому значение истории, в частности экономической, трудно переоценить. Так, Энгельс считал, что теория Маркса «...представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии...»¹. В. И. Ленин указывал, что самое надежное в вопросе общественной науки, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, т. е. не забывать основной исторической связи.

Экономическая история тесно связана с экономической теорией, в частности, особенно тесная связь существует между курсом истории народного хозяйства и такими предметами, как политическая экономия и история экономических учений. Исторический подход к экономическим явлениям — неперемнное условие научного метода познания. Экономическое развитие общества, производительных сил и производственных отношений составляют основу всякого исторического процесса.

Настоящее учебное пособие написано по курсу «История народного хозяйства СССР». В нем освещаются две общественно-экономические формации: первобытно-общинная и феодальная.

Первая часть книги посвящена характеристике первобытно-общинного строя, через который прошли все народы, в том числе и славянские. В результате разложения первобытно-общинного строя у славян, как и у некоторых других народов, возникает не рабовладельческий строй, а феодальные отношения, рассмотрению которых посвящена вторая часть книги. В отличие от прочих работ по истории народного хозяйства СССР, в предлагаемом учебном пособии феодализм рассматривается в его хронологическом развитии, подробнее анализируются основные экономические проблемы феодально-крепостного строя: собственность на землю, феодальная рента, формы промышленности, внешняя и внутренняя торговля, деньги, кредит, налоги и т. д.

Автор

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 34

Глава первая

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИНСКИЙ СТРОЙ

Первобытно-общинный строй — первая в истории социально-экономическая формация, охватывающая период от возникновения человека до образования классов. Основой экономической жизни в этом обществе являлось присвоение готовых продуктов — присваивающее хозяйство, но по мере развития производительных сил и производственных отношений первобытный способ производства принимает характер производящего хозяйства.

Первобытно-общинный строй включает и период первобытного человеческого стада, хотя некоторые историки не считают эпоху «человеческого стада» частью истории первобытного общества и относят начало первобытного общества одни «ко времени около 2,5 млн. лет, другие 35—40 тыс. лет назад»¹.

Опираясь на исследования Л. Моргана, восстановившего в основных чертах доисторическую основу развития, Ф. Энгельс делил историю человечества на три эпохи: дикость, варварство и цивилизацию, каждую из которых в свою очередь подразделял на низшую, среднюю и высшую ступени². Эпохе дикости свойствен присваивающий характер, эпохе варварства — производящий характер производства. Низшая ступень дикости — детство человечества; основные достижения этого периода — возникновение членораздельной речи, применение огня и грубых каменных орудий. Первобытно-общинный строй характеризуется очень низким уровнем развития производительных сил.

Для характеристики той или иной эпохи очень важно знать не только то, что создавалось в то время, но и какими средствами труда. Поэтому в познании прошлого остатки средств труда играют примерно такую же роль, как строение костей при изучении исчезнувших животных.

¹ История первобытного общества. М., 1983. С. 32.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 28.

Дикость — эпоха главным образом присвоения готовых продуктов природы, когда продукты, созданные человеком, служили преимущественно вспомогательными орудиями этого присвоения. Высшая ступень дикости характеризуется появлением лука и стрелы, с изобретением которых, т. е. созданием новых орудий труда, человек изменил характер трудовой деятельности. *Варварство* — это время появления скотоводства и земледелия. Выделение пастушеских племен было первым крупным шагом на пути общественного разделения труда. На низшей ступени варварства начинает развиваться гончарное ремесло; на средней — приручение домашних животных на Востоке, а на Западе — возделывание съедобных растений. Высшей ступени варварства свойственны уже такие достижения, как плавка железной руды, изобретение плуга с железным лемехом, кузнечного меха, мельницы, гончарного круга, обработка полей.

По уровню техники делят историю на каменный, бронзовый и железный век. В свою очередь, каменный век делят на древний палеолит, мезолит (среднекаменный век) и неолит (новокаменный век). В палеолите различают дошелльскую, шелльскую и ашельскую эпохи.

Первобытно-общинный строй, через который прошли все народы, делится в экономическом отношении на два периода: дородовой, так называемый период первобытной орды, и первобытной общины, который, в свою очередь, подразделяется на матриархат и патриархат. Археологи считают, что периоду первобытной орды примерно соответствовал древний каменный век (палеолит), матриархату — новый каменный век (неолит) и патриархату — бронзовый век.

Род возникает в период перехода от раннего к позднему каменному веку, на средней ступени дикости, и достигает расцвета на низшей ступени варварства. Род — это коллективная ячейка кровных родственников, объединенных хозяйственными интересами. Он характеризуется коллективной собственностью на средства и орудия производства: землю, уголья, а также на жилища, — коллективным производством и потреблением. Общая собственность служила главной связью для членов данного рода.

Еще в античном мире высказывались различные представления о первоначальной стадии в развитии человечества: одно из мнений считало эту стадию золо-

тым веком, другое представляло жизнь первобытных людей как существование животных. Уже в это время было собрано много этнографических материалов о народах древности.

Как и все народы, наши предки прошли через первобытно-общинный строй, продолжавшийся длительное время. Восточные славяне, выделившиеся из общеславянской семьи, составляли единую древнерусскую народность, занимавшую значительную территорию Восточной Европы от Чудского и Ладожского озер до Черного моря.

На социально-экономическом развитии первобытно-общинного строя праславян и славян отражались жестокие нашествия степных народов-кочевников: хазар, скифов, гуннов, печенегов, половцев и др. Западноевропейские племена, защищенные от этих нашествий нашими пращурами, развивались в более благоприятных условиях.

Уровень и характер хозяйства отдельных племен, проживавших на просторах Центрального и Западного районов, Средней Азии, Закавказья, Кавказа, Сибири и т. д., был очень различен: наряду с племенами, занимавшимися охотой, рыболовством и скотоводством, еще в III тысячелетии до н. э. существовала, например, в Днепровско-Дунайском районе так называемая земледельческо-скотоводческая трипольская культура. Значение скотоводства все увеличивалось. Оно сделалось преобладающим занятием большинства племен, живших на территории СССР во II тысячелетии до н. э. Вместе с тем росла роль и мотыжного земледелия. По мере перехода от каменных орудий к меди, а затем бронзе улучшались орудия труда. Культура бронзы на территории СССР была распространена среди жителей Кавказа, Казахстана и Южной Сибири. В последней четверти II тысячелетия до н. э. в Южной Сибири, Забайкалье, на Алтае распространяются различные типы бронзовых орудий и оружия. Начало применения железа на территории СССР археологи относят к I тысячелетию до н. э. Появление железа относят прежде всего к Закавказью; у скифских племен Северного Причерноморья железный век наиболее был развит в V—IV вв. до н. э.; железо было известно сарматам, кочевавшим в степях Восточной Европы, а также племенам, жившим в центральных и северных районах европейской части СССР в VII—III вв. до н. э. «Железо,— писал Ф. Энгельс,—

сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов»¹.

Производственные отношения первобытного общества славян характеризовались наличием общественной — общинной или племенной — собственности на средства производства, в том числе и на землю, отсутствием классов. Такие производственные отношения вполне соответствовали низкому уровню развития производительных сил. Разделение труда осуществлялось по полу и возрасту. Коллективный труд, коллективная собственность на орудия труда и низкая его производительность — вот особенности первобытной общины. В этих условиях весь труд выступал как необходимый, прибавочный продукт отсутствовал.

Личная собственность на некоторые орудия труда, предметы украшения и т. д. не была частной собственностью и не вела к эксплуатации чужого труда. Основу общинной собственности составляли примитивные орудия производства и коллективный его характер. Возникновение частной собственности повело к распаду родовых отношений, хотя пережитки их сохранились не только у славян, но и у других народов и после родового строя.

Историки С. Соловьев, К. Кавелин и другие полагали, что славяне жили родовым строем и после образования у них государства. И. Эверс писал: «Первоначально существует каждое семейство само по себе... Род объемлет собою многие семейства; в каждом из них отец его господин... Из родов образуются племена, и глава племени... делается мало-помалу... могущественным князем. Но первоначальное семейственное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу...»². Согласно этой точке зрения, семья превращается в род, род — в государство, но факты говорят о том, что семья появилась в результате распада родового быта.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163.

² Эверс И. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 95—96.

Первобытно-общинному строю соответствовала патриархальная семейная община. М. М. Ковалевский доказал, что из домашней общины развилась сельская община, или община-марка, с индивидуальной обработкой земли отдельными семьями и с первоначально периодическим, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов. Раньше всего разложение первобытно-общинного строя у славян произошло в Среднем Приднепровье. На Среднем Днепре и в области Поднестровья славяне распространились с родовым строем очень рано, еще в первые века нашей эры.

Разложение первобытно-общинного строя вело к замене патриархальной родовой общины сельской или соседской — «мир», «вервь» — территориальной общиной (марки у германцев). Соседская община уже была связана не кровными, родственными отношениями, а хозяйственно-территориальными. Хозяйство велось отдельными дворами, двор владел землей общины. Средства производства, орудия труда, скот и т. д. составляли частную собственность.

Весьма вероятно, что в дофеодальный период у восточных славян вся пахотная земля разделялась между отдельными хозяйствами, а леса, выгоны, водопои оставались в общем владении. Ф. Энгельс считал, что «для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным»¹.

Первобытно-общинный строй создавал условия для некоторого развития хозяйства, но постепенно родовое устройство становилось преградой на пути роста производительных сил: этот строй начинал разлагаться, возникала частная собственность, эксплуатация человека человеком, образовывались классы.

Усовершенствование орудий труда, в частности в земледелии, и как результат этого рост производительности труда, усиление общественного разделения труда и обмена способствовали возникновению частной собственности на орудия труда, скот и т. д., а позднее и на землю. При всей условности определения времени, когда у восточных славян возникла земельная частная собственность, наличие ее в начале второй половины I тысячелетия н. э. в районе Волхова — Днепра не может вызвать особых возражений.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 140.

Пока члены первобытной общины производили все необходимые продукты сообща, невозможна была и частная собственность. Когда же в общине установилось разделение труда и член общины стал в одиночку производить какой-либо один продукт, возникла частная собственность.

В течение долгого периода обмен был случайным явлением, но затем он принял более регулярный характер и стал одним из факторов, способствовавших разложению первобытно-общинного строя. Возникновение его относится к очень отдаленным временам и уходит в глубь веков за 4—6 тыс. лет до н. э.

Развитие обмена отражало рост производительных сил первобытно-общинного строя и способствовало образованию частной собственности. Выделение пастушеских племен создало условия для регулярного обмена, а скот стал выполнять функции денег. Обмен возникает между отдельными племенами. С разделением производства на две крупные отрасли, земледелие и ремесло, появляется товарное производство, торговля не только внутри территории, занимаемой племенем, но и на ее границах.

На территории нашей страны обмен также стал развиваться в далеком прошлом, в эпоху трипольской культуры (IV—III тысячелетия до н. э.). Так, находки янтаря вдалеке от мест, где его обычно добывают, свидетельствуют, что в тот период обмен уже практиковался, хотя и в редких случаях.

Обмен способствовал росту производительности труда. Обмен и обусловленные им денежные отношения сыграли большую роль в разложении первобытно-общинной собственности. *Возникновение частной собственности, появление купцов и рабского труда, введение металлических денег, процента и ростовщичества характеризуют экономически начало цивилизации.* Частная собственность возникает не в результате насилия, а как следствие более высокой производительности труда. Таким образом, частная собственность, обмен и т. д. отражали рост производительных сил.

В середине I тысячелетия н. э. славяне Поднепровья применяли железный наральник, плуг с железным лемехом, знали основные хлебные злаки и использовали домашних животных¹. Жители южных районов пере-

¹ См.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 266.

шли к плужной вспашке с озимыми и яровыми хлебами еще в первой половине I тысячелетия н. э., северных — несколько позднее, а кое-где уже в период средневековья. Совершенствуются сельскохозяйственные орудия, плужные лемехи, железный лесорубный топор и др.

Путешественник Ибрагим Ибн Якуба в середине X в. писал о славянах: «Они сеют в два времени года, летом (озимые) и весной (яровые) и пожинают две жатвы»¹. Резонно предположить, что такой уровень земледелия мог сложиться в результате длительной эволюции. Наряду с ростом производительных сил, хотя и медленным, в племенных союзах развивалось имущественное и общественное неравенство, зарождались классовые отношения и отношения государственности. Этот процесс шел интенсивнее у южных славянских племен, у которых и элементы рабовладельческих отношений были развиты сильнее. В период, предшествовавший образованию феодального Киевского государства, у восточных славян имелось три типа экономических отношений: разлагавшиеся первобытно-общинные, патриархально-рабовладельческие и возникавшие феодальные.

Еще в I тысячелетии до н. э. начался длительный период распада родовых отношений у некоторых древних племен, населявших территорию СССР, возникали рабовладельческие государства в Закавказье, Средней Азии и Северном Причерноморье: Урарту, Парфянское государство, Скифия, Боспорское государство, Ольвия и Херсонес и др.

Все народы прошли в той или иной степени через такой этап, как рабство. *Это не значит, конечно, что все народы пережили рабовладельческие формации.* К началу нашего летосчисления у населявших территорию СССР племен и народностей был весьма различный уровень хозяйственной жизни. Одновременно с древними рабовладельческими государствами территорию страны занимали многочисленные славянские, финно-угорские, летто-литовские, сарматские и другие племена, сохранившие еще остатки первобытно-общинного строя; одни племена занимались охотой, другие — рыбной ловлей, третьи — скотоводством и земледелием. Рабовладельческие государства находились в опреде-

¹ Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Ч. I. С. 54.

ленных отношениях с окружавшими их племенами: вели торговлю, добывали путем войн, торговли и набегов рабов.

Переход от первобытно-общинного строя к новой (уже классовой) формации происходил на территории СССР у отдельных народов неодинаково и в разное время. Так, в Средней Азии и Закавказье, Северном Причерноморье еще в период до нашей эры возникли рабовладельческие отношения; у восточных славян в результате разложения первобытного строя образовывались в новой эре переходные государственно-племенные объединения.

Разложение первобытно-общинного строя у восточных славян совпало со временем разрушения античного рабовладельческого строя. Рабовладельческий строй не сделался господствующим у славян, как и у некоторых других народов — германцев, арабов и т. д. Конечно, рабство как первая форма классового общества, а именно патриархальное рабство, встречалось на протяжении длительного времени и у наших далеких предков. Византийские и позднее арабские писатели оставили нам об этом некоторые свидетельства; кроме того, древние русские письменные памятники также говорят о наличии рабовладельческих отношений (в письменных источниках Киевской Руси рабы встречаются под различными названиями: холопы, челядь, обель, раб и т. д.) в докиевский, киевский и даже послекиевский периоды. Наличие рабства в Киевской Руси отражают договоры с греками, летописи, «жития», «Русская Правда» и т. д.

У восточных славян феодальные отношения возникли в результате разложения первобытно-общинного строя, у других народностей нашей страны — в результате кризиса рабовладельческих формаций.

Как уже отмечалось, элементы рабовладельческих отношений у славян были сильнее выражены в южных районах, теснее соприкасавшихся с черноморскими рабовладельческими государствами. В 969 г. Святослав говорил матери и боярам своим: «Нелюбо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславле на Дунае, там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, поволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии — серебро и кони, из Руси же — меха и воск, мед и рабы»¹.

¹ Повесть временных лет. М., 1950. Ч. I. С. 246.

Писатель второй половины VI в. н. э. Маврикий Стратег, говоря о славянах, отмечал: «Пленники у них остаются не в вечном рабстве, как у других народов, но назначается им определенное время, по прошествии которого представляется их произволу или остаться у них в качестве свободных или возвратиться к своим, заплатив выкуп»¹.

Важнейшим источником рабства был плен, но уже в XI в. некоторых пленных рабов «сажали» на землю. Имелись и другие источники рабства, которые знает наше древнее судопроизводство. Краткая «Русская Правда» рабству — холопству посвящает 6 статей, а пространная — 31. В договорах Руси с Византией упоминается о «полонянике», «челядинной цене» и т. д.; о холопах говорит «Русская Правда» Ярослава, о холопе и рабе — «Правда Ярославичей». Рабы принадлежали не только светским рабовладельцам, но и церковным: рабы Киево-Печерского монастыря, епископские рабы. Феодосий — сын землевладельца «исходит с рабами своими на село делати со всякими прилежаниями»².

Рабы были не столько рабочей силой, сколько экспортным товаром. И в письменных источниках они чаще всего фигурируют в качестве товара.

Однако рабовладельческие отношения не господствовали на Руси не только в киевский период, но и ранее, на стадии интенсивного разложения первобытно-общинного строя и перехода к феодализму. Некоторые советские историки (П. П. Смирнов, Б. И. Сыромятников и др.) доказывали, следуя за В. О. Ключевским, что основу производственных отношений в Киевской Руси составляли рабовладельческие отношения. Археолог М. И. Артамонов так характеризовал общественные отношения докиевского периода: «Во всяком случае эти отношения ближе к рабовладельческим, чем к каким-либо другим». П. П. Смирнов считал, что генезис Киевской Руси надо искать в отношениях рабовладельческих, что феодальную Русь можно правильно понять лишь при условии, что этой стадии развития общества Киевской Руси предшествует стадия рабского развития общества Киевской Руси.

Мы уже отметили наличие элементов рабовладения у славян, особенно в южных районах страны, но делать

¹ Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 253.

² Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 117.

вывод о ведущей роли рабовладельческих отношений даже в этих районах нет достаточных оснований. В силу исторических условий у восточных славян рабство не превратилось в особую общественную формацию. Однако патриархальное рабство существовало не только на ранней ступени феодализма, но и в более позднее время, в период феодальных отношений. И хотя его значение постепенно сходило на нет, все же в боярских и княжеских вотчинах оно дожило приблизительно до XV в. Феодальные отношения у восточных славян возникли не из рабовладельческой формации, а на почве разложения первобытно-общинного строя. Но рабство, источниками которого были плен, долг, самопродажа, рождение от раба, все же играло известную роль в хозяйстве восточных славян как в условиях первобытной общины, так и позднее, в условиях феодализма.

Рабство — первая форма эксплуатации и в Древней Руси. Постепенно «первобытная аристократия», (князья, бояре и т. д.) превращается в господствующий класс, которому противостоял свободный общинник, правда, постепенно попадавший в экономическую зависимость. Как и германцы, восточные славяне «...не довели у себя эту зависимость до вполне развитого рабства: ни до античной формы рабского труда, ни до восточного домашнего рабства»¹.

Часть историков объясняет отсутствие у славян рабовладельческого способа производства тем влиянием, которое оказали взаимоотношения их с Византией². Конечно, было бы неправильно отрицать влияние Византии, однако причину эволюции и возникновения новых экономических отношений следует искать внутри самого общества.

Некоторые советские историки объясняют отсутствие рабовладельческой формации в Древней Руси тем, что восточнославянские племена в дофеодальный период якобы не достигли достаточно высокого уровня общественно-экономического развития, т. е. развития ремесел, городов, торговли и т. д. С этим утверждением нельзя согласиться, оно нелогично и не выдерживает критики. Если экономическое развитие восточных славян было недостаточно для возникновения рабства, то

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 155.

² См.: Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточно-римской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1(6). С. 306.

еще меньше оснований было для зарождения более высокого типа отношений — феодальных.

На самом деле на Руси был высокий уровень развития производительных сил. Так, у славян в конце I тысячелетия н. э. железо и железные орудия занимали уже заметное место и в производстве (ремесле, сельском хозяйстве), и в военном деле, а возникновение рабовладельческих отношений у других народов совпадало с эпохой бронзы.

Важнейшей причиной, препятствовавшей превращению патриархального рабства в рабовладельческую формацию на Руси, была сельская община. Сельская община при определенном уровне производительных сил, в частности при низкой производительности труда, в условиях Восточной Европы с ее суровыми природными условиями не способствовала широкому применению рабского труда в производстве.

У славян процесс интенсивного перехода от первобытно-общинных отношений, образования классов завершился созданием крупнейшего Киевского феодального государства.

Глава вторая

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Происхождение и развитие феодализма — прежде всего процесс образования феодальной земельной собственности и зависимого крестьянства. Одновременно с феодальной собственностью существует и единоличная собственность крестьян и ремесленников на орудия производства (сельскохозяйственные орудия, скот, семена), постройки, домашнюю утварь и т. д. Важнейшими чертами феодально-крепостнического хозяйства являются господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства, в частности земель, прикрепление его к земле, личная зависимость крестьянина от феодала, низкий уровень развития техники. Почти все необходимые продукты производились внутри вотчины, поместья или крестьянского хозяйства. Вместе с тем при феодализме существовало и товарное производство, но связь феодалов, ремесленников и крестьян с рынком была слабой, в особенности на ранних этапах феодализма. Феодализму свойственна своеобразная многоукладность.

По сравнению с рабовладельческим и первобытно-общинным строем феодализм был более прогрессивным способом производства, имел определенные преимущества: наличие у крестьянина собственного хозяйства и известной заинтересованности в результатах своего труда, труд крупных масс крестьянства в условиях крепостнической кооперации был эффективнее не только труда раба, но и труда общинника, даже на базе низкой техники. Отношения господства и подчинения, свойственные феодализму, служили на определенном этапе условием роста производительных сил, которые, хотя и развивались несравненно медленнее, чем в последующие эпохи, существенно выросли; усилилось обще-

ственное разделение труда, возникли новые производства в земледелии (новые отрасли садоводства, огородничества, выращивание технических культур), улучшились системы земледелия (распространилось пашенное земледелие), улучшилась обработка железа, усовершенствовались орудия труда ремесленников и т. д. Прогрессировало также животноводство, в частности коневодство и овцеводство, особенно начиная с XVIII в.

Важнейшая сторона феодализма — присвоение феодалами в форме ренты прибавочного продукта, производимого зависимыми крестьянами и ремесленниками. Феодальное общество характеризуется наличием двух основных классов: землевладельцев-феодалов и эксплуатируемых крестьян. Классовая борьба между ними составляет одну из главных черт феодального строя.

Феодализм был господствующим способом производства на протяжении длительного периода. Он возникает на определенном уровне развития производительных сил. Генезис феодализма был различен: в ряде стран Западной Европы, например во Франции, Италии, он зародился на почве разложения античных рабовладельческих отношений, в других странах (России, Польше, Чехии, Болгарии, Сербии, Германии, Англии и др.) победа феодализма стала возможной в результате распада общины при наличии патриархальных форм рабства.

Наиболее типичен такой путь феодализма для славянских стран, так как экономические условия здесь были несколько иными, чем в некоторых странах Западной Европы.

Одни зарубежные ученые, признавая наличие в России феодализма, ограничивают его при этом периодом раздробленности и рассматривают только как политический институт, как систему юридических учреждений, а не как особую общественно-экономическую формацию. Некоторые из них склонны объяснять отсутствие феодализма аллоидальным характером собственности на Руси, большой ролью в экономике страны торговли, в то время как «классический» феодализм предполагает натуральное хозяйство.

Большинство современных зарубежных историков России, за исключением В. Кирхнера, А. Спектора, С. Томпкинса (США), М. Леритье (Франция) и некото-

рых других, отрицают наличие феодальных отношений в Киевской Руси.

Феодализм, писал П. Б. Струве,— плод «халатного словоупотребления и отсутствия ясных юридических представлений»¹.

По мнению историка Г. Вернадского, в Киевской Руси лишь намечались процессы феодализации, но Киевское государство и общество, взятое в целом, не могут быть названы феодальными.

В действительности в России феодально-крепостнический строй существовал почти тысячу лет, с IX в. до крестьянской реформы XIX в., а у народов Средней Азии — вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Проблема феодализма у кочевых народов Средней Азии и Казахстана вызывает споры и в наши дни: составляла ли основу этого строя у кочевников, как и у других народов, феодальная собственность на землю или собственность на скот? Однако при всех особенностях патриархально-феодальных отношений у кочевых народов зарождение их в Средней Азии и Казахстане относят примерно к VI в. Хронологически становление феодальных отношений у отдельных народов СССР не совпадало: у одних они возникли на два-три столетия позже, чем в Киевской Руси, у других — раньше.

По сравнению с феодальными отношениями в Западной Европе феодализм в России имел много своеобразных черт. Помимо того что, как уже отмечалось, он возник и развивался в результате разложения первобытно-общинного строя, специфика экономической истории нашей страны проявлялась и в эволюции форм феодальной земельной собственности и докапиталистической ренты, и в развитии методов первоначального накопления, а также товарного производства, форм промышленности, в частности ремесла, и т. д. Наконец, немало было особенностей в возникновении капиталистических отношений и в завершении конфликта между развитием производительных сил и производственных отношений феодальной России.

¹ Струве П. Б. Социальная и экономическая история России в связи с развитием русской культуры и ростом государственности. Париж, 1952. С. 74.

При тождественности основных черт исторического процесса в Западной Европе и России экономическое развитие нашей страны отличалось своеобразием. Нельзя забыть, что «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»¹.

Степень развития феодальных отношений, «государственного феодализма», классовой борьбы, значение отдельных форм земельной собственности и докапиталистической ренты, характер личной зависимости крестьянства и степень развития товарного производства были неодинаковы на отдельных исторических этапах феодально-крепостнического строя.

В Киевской Руси процесс феодализации происходил в различных частях государства неравномерно: в одних случаях наблюдался переход от рабства к феодальным отношениям, в других от патриархальных; имелись слои крестьянства, не попавшие еще в феодальную зависимость с ее утратой земли и свободы. Следует различать период становления феодальных отношений, период развитого феодализма и период разложения феодально-крепостнических отношений.

Феодальные отношения возникают на определенной стадии развития производительных сил, в частности земледелия, которое являлось главной отраслью хозяйства в древнем мире. Первые известия о славянах — это известия о них как о земледельческом народе. Еще у скифов-пахарей было сравнительно высокоразвитое земледелие, первоначально подсечное, а затем пашенное.

Вполне возможно, что славяне восприняли культуру земледелия у племен, живших на территории нашей страны за два-три тысячелетия до н. э. (трипольская и скифская культуры).

Распространение пашенного земледелия вместо подсечного, рост ремесла и обмена, развитие у восточных славян городов вызвали изменение общественных отношений. Смена мотыжного и подсечного земледелия пашенным, сошным, происшедшая вначале на юге Руси и несколько позднее в лесной полосе, способствовала росту производительности земледельческого труда, раз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 326.

витию частной собственности. Мотыжное земледелие было распространено в большей мере на юге, а подсечное — на севере. Мотыжное и подсечное земледелие ни в каком случае не исключали, а предполагали занятия различными промыслами: охотой, рыбной ловлей и т. п.

Русские дореволюционные и советские историки много внимания уделили характеру главной хозяйственной деятельности восточных славян в древнее время. Одни считали главным занятием населения Древней Руси охоту, другие — торговлю, третьи — земледелие и т. д.

Так, профессор М. В. Довнар-Запольский считал, что «земледелие в древности вообще не играло первенствующей роли, уступая место другим формам промышленности, на заре русской истории оно находилось в зачаточном состоянии и лишь к концу изучаемого периода оно в южных областях и Суздале получает более самостоятельное значение...»¹.

По его мнению, в древнерусском хозяйстве преобладающее значение имели такие промыслы, источником которых были леса и воды, а в пище восточных славян играли большую роль продукты звероловства и скотоводства. Большое значение придавал он бортничеству — пчеловодству.

Профессор Н. Рожков также считал, что основную роль в экономике докиевской и Киевской Руси играли звероловство, птицеводство и охота, и называл их отраслями добывающей промышленности. В обзоре русской истории с социологической точки зрения он писал, что в Киевской Руси с VI по XII столетие господствовала добывающая промышленность; в сельском хозяйстве, имевшем меньшее значение, преобладало скотоводство над земледелием, которое особенно к концу периода принадлежало, однако, уже к числу обычных занятий населения; обрабатывающая промышленность не играла важной роли.

Охоту на зверя и птицу как преобладающее занятие восточных славян и связанную с ней торговлю выдвигал на первое место также Келтуяла, точка зрения которого была в свое время подвергнута критике Плехановым, считавшим земледелие главной отраслью хозяйственной

¹ История русского народного хозяйства. 1911. Т. I. С. 239—240.

жизни русского народа в течение киевского его периода¹.

В. О. Ключевский огромное значение в экономике Киевской Руси придавал торговле. Вслед за ним другие исследователи ошибочно утверждали, что основным занятием населения Киевской Руси была торговля.

С другой стороны, многие историки и археологи — Б. Д. Греков, Ю. В. Готье и другие — полагали, что земледелие было основой древнеславянского хозяйства. «Земледелие,— писал академик Б. Д. Греков,— есть основное занятие наших далеких предков. До образования раннефеодального Русского государства оно пережило несколько этапов в своем развитии, и к тому времени, когда русский народ облекся в государственную форму, на большей части занятой им территории оно уже находилось на значительно высоком уровне: пашня пахалась взрыхляющим землю орудием при помощи тяговой силы животного. Это главнейшие выводы, к каким мы пришли»².

Многие археологи также считают, что земледелие являлось издавна важнейшим производством восточных славян. «Ко времени возникновения феодализма,— пишет профессор Артамонов,— земледелие являлось важнейшим производством не только в области древней земледельческой культуры Триполья и скифов, на плодородных почвах лесостепи, но и в более северных лесных местностях, в верхнем течении рр. Днепра и Волги»³.

Существует еще мнение, что земледелие приднепровских славян приобрело господствующее значение лишь с XI в., хотя славяне и знали его раньше (см.: «Историк-марксист». 1937 г. Кн. 3 (61). С. 168).

Даже сторонники неземледельческого характера Древней Руси утверждают, что земледелие в XII в. было главной отраслью производства славян. А если это так, то надо предположить, что это состояние было достигнуто за длительный период. Новейшие археологические изыскания показывают, что земледелие у наших предков достигло такой степени развития в VI—VIII вв., что от

¹ См.: Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Соч. М., 1925. Т. XX. С. 38—41.

² Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1952. Кн. 1. С. 58.

³ Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1935. № 9—10. С. 268.

него отделяется уже ремесло, и его значение (земледелия) в хозяйстве юга и севера страны все увеличивалось.

Сельское хозяйство было основным занятием наших предков не только в эпоху Киевской Руси, но и во время, непосредственно предшествовавшее Киевскому государству.

Пашенное земледелие и развитое скотоводство издревле были известны южной группе восточнославянских племен¹. На несколько иной ступени развития находилось земледелие славян, обитавших на севере и в лесных областях Руси. На севере позже возникает пашенное земледелие, сменившее подсечное с его главными орудиями (железным топором, железной мотыгой, «суковаткой»). Начало пашенного земледелия и применение пашенных орудий на севере примерно совпадает с образованием феодальных отношений. Соха, борона, плуг и «рало» — основные орудия пашенного земледелия.

В районе Киева и Новгорода уже в X—XI вв. пашенная система превратилась, по-видимому, в ведущую систему земледелия, а позднее, в XI—XVI вв., распространилась на большую часть Руси. Интересно, что эволюция сельскохозяйственных орудий тоже была неодинакова в отдельных районах страны.

Глубокие изменения в основной отрасли хозяйства — земледелии привели к не менее глубоким изменениям производственных отношений у наших предков, к постепенному возникновению феодальных производственных отношений. Примерно с IX в. у восточных славян устанавливается феодальный способ производства (при наличии многоукладности в экономике), который открывал большой простор развитию производительных сил.

Древняя Русь знала многие зерновые культуры: просо, пшеницу, рожь, ячмень, овес, а также лен и др. Наряду с земледелием были распространены и другие виды хозяйственной деятельности, в частности скотоводство. Ибн-Фадлан, арабский писатель и путешественник первой половины X в., рассказывает, что при похоронах руса приносятся в жертву лошади, быки,

¹ Подробнее об этом см.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1 С. 49.

собаки и т. д.; другой арабский путешественник Ибн-Даста (IX—X вв.) добавляет, что славяне пасут свиной наподобие овец.

Экономика Киевской Руси достигает сравнительно высокого уровня. Численность населения государства равнялась примерно 4—5 млн. человек. Киевская Русь знала уже развитое ремесло. Большую роль в экономике играла торговля, в частности внешняя торговля с арабами, греками, народами Западной Европы — Чехии, Польши, Скандинавии и др. Кроме Киева торговые отношения налаживали другие города Древней Руси: Смоленск, Полоцк, Новгород. Последний вел особенно широкую торговлю через Балтийское море.

Экономические отношения Киевской Руси были весьма сложны: в ней сочетались феодальные отношения с патриархальным рабством и была весьма неравномерна степень феодализации в отдельных частях страны. Постепенно усиливался процесс феодализации, но вместе с тем налицо было значительное число крестьянства, свободного от частновладельческой кабалы, крестьян частных собственников. Процесс феодализации, происходивший непрерывно, завершился сложением крепостнической системы в конце XVI в., своеобразным вторым изданием крепостного права, о котором говорил Энгельс.

Эпоха раннего феодализма характеризуется расширением феодальных отношений и как следствие этого — уменьшением численности крестьян-общинников, превращением дани в примитивную феодальную форму отработочной ренты. В то же время это эпоха относительно быстрого роста ремесел и торговли. Возникновение и дальнейшее развитие феодальных отношений сопровождалось классовой борьбой в ее различных формах: выступлениями крестьян-общинников, зависимых смердов и «черных» городских людей в Киеве, Суздальской земле, Новгороде. Летописи сообщают нам о восстании смердов в Ростовской земле в 1071 г., в Киеве — в 1068 и 1113 гг. Восстание 1113 г. было крупнейшим выступлением крестьян против феодалов. Среди причин восстаний большую роль играло недовольство ростовщицеством, достигшим тогда больших размеров. В результате восстания 1068 г. появилась «Правда Ярославичей», закрепляющая юридическими нормами существовавший общественный порядок.

В связи с городскими восстаниями в Киеве был издан

«Устав о резах» Владимира Мономаха, ограничивавший размер взимаемого ростовщиками процента. Восставали и жители Новгородской земли. Большое восстание «меньших» людей против «больших» людей Новгорода, бояр и крупных купцов произошло в 1136 г. В нем участвовало ремесленно-торговое население. Князя обвинили в том, что он, как записано в Новгородской летописи, «не блюдет смерд».

Под влиянием роста крупного феодального землевладения и усиления роли землевладельцев, роста отдельных городов Киевское государство постепенно распадалось на княжества, в которых сложилось крупное феодальное землевладение, натуральное хозяйство и т. д. Распад был обусловлен отсутствием экономического единства русской земли.

В период феодальной раздробленности господствовала вотчинная форма феодальной земельной собственности и возникла продуктовая рента. Феодальная раздробленность, начавшись еще до татаро-монгольского ига, была усилена последним, в результате чего на территории Киевской Руси образовалось множество феодальных самостоятельных полугосударств.

Татарское иго, продолжавшееся более двух столетий, сильно подорвало экономику Руси, на длительное время задержав развитие ее производительных сил. Русские земли систематически опустошались, с народа взималась большая дань, татары уводили население и продавали его в рабство, нападали на торговые караваны русских, идущие в Византию и другие страны, стало невозможно судоходство по Черному морю, экономическое развитие Руси было сильно задержано.

Однако хозяйственное развитие не приостановилось: происходил, в частности, процесс освоения новых земель.

В эпоху феодальной раздробленности хозяйственное развитие Владимиро-Суздальской и Галицко-Волинской земель, Полоцко-Минского, Муромо-Рязанского княжеств, Новгородской и Псковской феодальных республик было весьма своеобразным. Так, Новгород и Псков вели крупную торговлю, хотя основу экономики и здесь составляло сельское хозяйство при распространении продуктовой формы ренты в боярских, монастырских и других вотчинах.

Новгород был крупнейшим центром не только торговли, но и ремесленного производства феодальной

Руси. Новгородская республика владела большими «колониями» на Севере.

Борьба «меньших» людей — крестьян и ремесленников — против феодалов в этот период тесно переплеталась с национальной борьбой против господства монголо-татар, против тяжелейшей ордынской дани, которую феодалы перекладывали на «черных» людей; как писал летописец, «творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло». Восстания против татар происходили в Новгороде, Суздале, Ярославле, Ростове и других местах.

Феодальная раздробленность Киевского государства, татаро-монгольское иго вызвали перемещение экономической жизни восточного славянства на северо-восток страны. Большая часть южных и юго-западных русских земель (украинские и белорусские) была захвачена Литовским государством, Венгрией и Польшей. В результате эти земли оказались на несколько столетий оторванными от Руси. Южные и юго-западные земли страдали не только от гнета польской шляхты, но и от нападений турецко-татарских ханов, опустошавших города и села, захватывавших жителей в плен и продававших их в рабство.

Однако Северо-Восточная Русь старалась поддерживать с южно-русскими землями, находившимися в составе Литовского княжества и шляхетской Польши, культурные, политические и экономические связи.

В XIV в. усиливается политическое и экономическое значение Москвы. Особенно возросла её роль после победы над татаро-монгольскими полчищами в 1380 г. Рост производительных сил в конце XIV и в XV в. сопровождался и изменениями форм эксплуатации феодального крестьянства. Однако рост товарно-денежных отношений на Руси в конце XV в. не дает оснований утверждать, что с этого времени у нас начался период господства денежной ренты. В XIV—XV вв. складывались экономические предпосылки ликвидации феодальной раздробленности: росло население городов, возникали новые районы, укреплялись экономические связи между районами и городами. В начале XV в. отмечался значительный рост производительных сил страны, совершенствование ремесла, техники, появилась водяная мельница, возобновлена была чеканка монеты, возникла артиллерия.

Завершение в XV в. периода феодальной раздробленности на Руси не означало конца феодализма, как

это полагал, например, историк Н. П. Павлов-Сильванский, который писал, что «главную, первую чертою феодализма следует признать раздробление верховной власти»¹. Усиление экономических связей, в частности торговых, между отдельными русскими княжествами, городами и землями, рост производительных сил, интересы обороны привели к образованию в конце XV в. Русского централизованного государства. Объединение земель вызывалось потребностями прежде всего экономического развития, а внешняя опасность ускоряла этот процесс. С развитием феодализма, с усилением торговли увеличивалось желание народа положить конец бесконечным войнам, прекратить раздоры феодалов, приводившие к непрерывным опустошавшим страну междоусобицам.

Создание централизованного государства было прогрессивно, поскольку способствовало образованию нации, установлению законов и порядка в государстве в противоположность бунтующим мелким полугосударствам. Роль объединителя национальностей в Русском государстве осуществили великороссы. Многие другие народы нашей страны, например грузины, армяне, азербайджанцы, все еще переживали длительный период глубокой феодальной раздробленности.

В конце XV и в начале XVI в. от Литовского княжества отошли к Русскому государству старые русские города: Новгород-Северский, Брянск, Орша, Смоленск, но в его составе все еще оставались многие украинские и белорусские земли.

Динамика и структура населения феодальной России претерпевали глубокие изменения. Феодальный гнет, низкий уровень развития производительных сил, часто повторявшиеся как следствие голодных лет эпидемии, многочисленные войны и т. д. — все это сильно отражалось на росте населения.

В экономическом отношении период создания централизованного государства отличался широким распространением поместной формы феодальной собственности, возникновением денежной формы ренты и ростом на новой основе в конце XVI в. отработочной ренты вследствие понижения роли продуктовой ренты.

Во второй половине XV в. московские князья уси-

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. М.: Пг., 1923. С. 88.

ленно раздавали различным категориям феодалов земли в «условное держание». Рост поместного землевладения, товарно-денежных отношений и отработочной ренты вел к усилению эксплуатации и закреплению феодального крестьянства. Классовые противоречия в этот период обострились, показатель этого — многочисленные восстания крестьян и посадских городских людей. При господстве натурального хозяйства конец XV и начало XVI в. характеризуются ростом товарно-денежных отношений, дальнейшим разделением труда, в частности усиливавшимся процессом отделения ремесла от сельского хозяйства и превращения его в мелкотоварное производство.

О росте разделения труда свидетельствовало увеличение числа городов и посадов, в которых уменьшалась часть населения, зависимая от феодалов. Развитие товарно-денежных отношений проявлялось и в расширении внешнеторговых связей централизованного государства, в частности с Западной Европой через новый путь — Белое море, а также с Востоком. Создание централизованного государства способствовало усилению экономических связей отдельных частей страны, сглаживанию многочисленных местных особенностей в торговле, налогах, таможенных пошлинах.

Русское централизованное государство развивается как многонациональное государство, подчинившее в XV—XVI вв. народы Поволжья, Урала, Сибири и т. д. При этом следует отметить, что уже Киевская Русь была многоэтническим государством с преобладанием восточного славянства. Присоединение Поволжья и Сибири к Русскому государству было вызвано не только экономическими интересами, но и необходимостью обезопасить восточные границы России. Объединение этих земель, у народов которых преобладали первобытные отношения, с Россией, где был более высокий уровень хозяйства и культуры, имело, несмотря на тяжесть феодального гнета, прогрессивное значение. С Сибирью русские были знакомы еще в XI в., когда новгородцы совершали походы на Югру. Важнейшую роль в присоединении Сибири к России сыграли и крестьяне, бежавшие на восток от феодального гнета и принесшие туда более высокую культуру труда.

После включения Сибири в состав Русского государства в ней происходил процесс феодализации. Однако здесь не развилось крепостничество, хотя и имелись

помещичьи хозяйства и землевладения церкви: там преобладали государевы оброчные и пашенные крестьяне. Одни районы Сибири присоединялись к Русскому государству силой, другие, как, например, Бурятия, Калмыкия и др., вошли в него добровольно; в то же время некоторые территории Сибири были освоены русскими людьми мирным путем, без участия государства.

С XVII в. начался новый этап в экономической истории России. «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Таким образом, период позднего феодализма в экономическом отношении характеризуется возникновением элементов капиталистических отношений, развитием буржуазных связей при господстве феодального способа производства. В орбиту крепостной зависимости входили как новые территории страны, так и новые массы черносошных и дворцовых крестьян. Усиливалось имущественное неравенство крестьян.

Образование всероссийского рынка в условиях господства феодального способа производства было выражением определенного уровня производительных сил, в частности разделения труда и развития товарного производства. Ширился процесс первоначального накопления капитала — происходила экспроприация непосредственных производителей и накопление свободных денежных средств в руках отдельных лиц.

Для возникновения крупных промышленных предприятий кроме рабочей силы необходимо было иметь крупные денежные средства. Ростовщический кредит, всевозможные откупные операции, внутренняя и внешняя торговля, финансово-налоговая система, протекционизм, расхищение общественных и государственных земель содействовали концентрации в руках торгового

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153—154.

и ростовщического капитала огромных денежных богатств и тем самым созданию предпосылок для зарождения капитализма.

Методы первоначального накопления в России были своеобразны. В стране не осуществлялось в эпоху феодализма обезземеливания крестьянства в таких формах, как, например, в Англии; внешняя торговля, внешние накопления не были в России так важны; отсутствовала работорговля как метод накопления. В России имели главное значение не внешние, а внутренние источники накопления, в том числе налоги, откупа, подряды, а государство, владея заводами, банками и многими «монополиями», играло особенно большую роль. Одной из форм проявления процесса первоначального накопления было накопление капиталов в торговле.

Новые экономические факторы действовали как в области обращения, так и в области производства. Мелкое товарное производство в XVII в. вобрало в себя в большой мере и городское ремесло. Возникали и относительно крупные промышленные предприятия, не укладывавшиеся в рамки ремесленных мастерских. Применялся, хотя и в ограниченных размерах, наемный труд, но более широких масштабов его использование достигло в следующем столетии. Торговый капитал ускорял разложение ремесленного производства и содействовал возникновению предприятий, превосходящих своими размерами ремесленные мастерские.

В рамках феодального способа производства росло значение торгового капитала, купечества, добившегося Новоторгового устава 1667 г. Конечно, повышение роли купеческого капитала не означало какой-либо особой переходной эпохи торгового капитала. Вопреки мнению некоторых историков, Россия XVII в. не представляла колониального рынка европейского капитала, хотя иностранный капитал и вел с ней крупную торговлю.

Крестьянская война начала XVII в., польско-шведская интервенция и последующие события сильно отразились на хозяйственном положении России. Но все же хозяйственный кризис в середине века был ликвидирован. В XVII в. образовался всероссийский рынок, во второй половине века возникли сравнительно крупные мануфактуры, расширилась внешняя торговля.

Внутренний рынок расширялся и территориально, в частности в результате воссоединения в 1654 г. Украин-

ны с Россией и дальнейшего освоения Сибири. На протяжении второй половины XVII в. украинский рынок стал неотъемлемой частью всероссийского рынка, хотя и оставалась еще таможенная граница между Украиной и Великороссией.

Воссоединение Украины с Россией имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития русского и украинского народов. Оно способствовало росту их производительных сил; объединение экономических ресурсов России и Украины значительно увеличивало их силы в общей борьбе против иностранных захватчиков. Рост производительных сил той части Украины, которая воссоединилась с Россией, особенно показателен на фоне медленного хозяйственного развития районов Украины, находившихся под гнетом Польши, Турции, Австрии.

Благодаря Уложению 1649 г. и позднее указу Петра Великого о единонаследии постепенно сближались помещная и вотчинная формы земельной собственности. Росли отработочная и денежная формы ренты, феодальное право оформило сложившиеся феодально-крепостнические отношения. Царское правительство рядом указов еще в XVI в. и в первой половине XVII в. усилило власть феодалов над крестьянами. Господствующий класс феодалов все более стеснял «выход» крестьян; возникали новые формы феодальной зависимости населения, увеличилось число бобылей среди крестьян, в монастырских хозяйствах появились так называемые детеныши — все это отражало разорение крестьянства и рост кабалы. Формы эксплуатации крестьянства под влиянием экономических условий изменились. Уже в конце XV в. издаются правительственные распоряжения, ограничивающие право «выхода» от землевладельцев крестьян-старожильцев, а также «серебренников» и некоторых других категорий зависимых людей. Юридическое оформление крепостничества продолжается и дальше, в XVI и XVII вв. (постановление о Юрьеве дне, указы о заповедных «летах», издание соборного Уложения 1649 г. и др.).

Узаконение в конце XVI — середине XVII в. крепостного права явилось попыткой господствующего класса преодолеть хозяйственно-политический кризис (рост налогового бремени, последствия Ливонской войны и др.) за счет крестьянства, бежавшего на окраины государ-

ства. В конце XVII в. большая часть населения страны уже находилась в крепостной зависимости.

Процесс феодализации в русских княжествах, начавшийся в Киевской Руси, завершился образованием общегосударственной системы крепостничества. Вместе с тем следует подчеркнуть многоукладность экономики в феодальной России. Так, одна из особенностей феодализма в России — наличие «государственного феодализма».

Старые методы эксплуатации не давали должных экономических результатов. На первых этапах феодализма были более мягкие формы феодальной зависимости крестьянства, которые совмещались с так называемым крестьянским «выходом», т. е. с правом крестьянина переходить от одного феодала к другому, но затем правительство абсолютистской монархии удовлетворило все требования феодалов-землевладельцев в отношении прав на крестьянство, завершив его закрепощение.

На усиление эксплуатации крестьянство ответило в XVII в. двумя мощными крестьянскими войнами: в начале века восстанием под руководством И. Болотникова и во второй его половине — под руководством С. Разина. Крестьяне, холопы, казаки и посадские люди под предводительством Болотникова боролись против феодально-крепостного гнета. Болотников призывал в своих прокламациях к расправе с феодалами, «гостями» и всеми торговыми людьми, к ликвидации феодальной земельной собственности и уничтожению крепостной зависимости крестьян и холопов.

Крестьянские войны как важнейшая форма классовой борьбы носили острый антифеодальный характер. Крестьянство было главной силой в антифеодальных выступлениях. Второй такой силой были посадские люди, поднимавшие городские восстания. В XVII в. происходит «соляной бунт» в Москве (1648 г.) — восстание против введения новых пошлин на соль, восстания в Новгороде и Пскове (1650 г.), в Москве в 1662 г. («медный бунт»), восстания народов Сибири, Поволжья и др.

Большое значение для экономического развития страны, в частности для развития мануфактурной промышленности, имели петровские преобразования, но этот рост производительных сил достигался путем усиления феодальной эксплуатации и податного бремени тяглого сословия. Проводя политику укрепления дво-

рянства, Петр I провел ряд мер и в интересах растущей торгово-промышленной буржуазии.

На протяжении XVIII в. производительные силы страны, в особенности в промышленности, значительно возросли. Важную роль в этом отношении сыграло завоевание выходов к морям — Балтийскому и Черному. Россия в продолжение долгого времени находилась в стороне от мировых торговых путей, поэтому на ее экономическое развитие почти не повлияли последствия великих географических открытий.

С выходом в результате длительной войны к Балтике Россия получила возможность непосредственно и постоянно сноситься со всеми важными пунктами Европы; была заложена основа для развития широкой морской торговли.

Реформы Петра Великого несомненно содействовали бурному хозяйственному развитию России; достаточно сказать, что в это время возникло около 178 крупных промышленных предприятий. В результате Россия во второй половине XVIII в. по производству чугуна, например, занимала одно из первых мест в мире, русское железо вывозилось тогда в значительных размерах в Англию.

Для экономического развития страны серьезное значение имело присоединение к Российской империи северной части Черноморского побережья (1774 г.) и Крыма (1783 г.).

Усилившееся общественное разделение труда все теснее связывало экономику отдельных частей страны. Например, во второй половине XVIII столетия Украина в экономическом отношении слилась с Россией полностью; существовал единый рынок без таможенных границ; подворная перепись Украины 1767 г. (так называемое румянцевское «Описание Малороссии», давшее довольно полную характеристику хозяйства «гетманщины» второй половины XVIII в.) предшествовала секуляризации церковных и монастырских имуществ в Левобережной Украине (в России эта мера была проведена под влиянием волнений монастырских крестьян раньше), введению во всей Украине подушной подати, существовавшей в России еще со времен Петра. На украинских феодалов-землевладельцев правительство дворянской империи распространило «Жалованную грамоту дворянству», а на города — «Грамоту городам Российской империи». Крестьянство же было окончательно закрепо-

нию. Этот процесс наблюдался уже во второй половине XVIII в.

Росли товарное производство и капиталистические отношения в промышленности и сельском хозяйстве и, как следствие этого, все больше разрушалось натуральное хозяйство, возрастала роль вольнонаемного труда, приходили в упадок формы промышленности, использовавшие принудительный труд. Заметно повысилось в это время значение денежной формы ренты.

Один из показателей разложения феодализма — частичное ослабление в начале XIX в. монополии дворянства на земельную собственность, предоставление купечеству, мещанам и государственным крестьянам права приобретать землю.

Феодально-крепостническая экономика тормозила рост производительных сил, хотя царское правительство и принимало меры, чтобы укрепить и расширить власть помещиков-крепостников (например, оформление крепостного права в Новороссии и Северном Кавказе в 1796 г.).

В первой половине XIX в. наемный труд все шире применялся не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве; в обширных и плодородных районах Новороссии, Поволжья, в центральных районах России.

Вотчинные и посессионные мануфактуры, применявшие принудительный труд, уступали место капиталистическим формам промышленности. На протяжении первой половины XIX в. в промышленность внедрялось машинное производство. В некоторых ее отраслях (хлопчатобумажной, свеклосахарной и др.) победила крупная машинная индустрия; возник железнодорожный транспорт.

В конце XVIII — первой половине XIX в. происходил интенсивный процесс разрушения натурально-хозяйственных связей и роста товарно-капиталистических отношений как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Росли «вширь и вглубь» внутренний и внешний рынки. Рынок расширялся и путем присоединения к России Финляндии, Закавказья, Казахстана, усиления экономических связей со Средней Азией. Казахстан и Средняя Азия все более превращались в районы, поставлявшие сырье: хлопок, кожи, мясо — для центральных районов страны.

Рост товарных отношений создавал у помещиков стимулы к расширению сельскохозяйственного произ-

водства. За счет крестьянских наделов, лугов, лесов увеличивались посевные площади. Помещики отрезали себе лучшие земли; одновременно расхищался государственный земельный фонд. *Сокращение наделов крестьян было одной из форм возросшей эксплуатации крестьянства в первой половине XIX в.* Росло число безземельных крестьян и тем самым уничтожалось важнейшее условие феодально-крепостнической системы хозяйства — наделение крестьянина землей.

Сокращение размеров земель, находящихся во владении крестьян, при растущих податях вело к увеличению недоимок, особенно в губерниях Черноземного центра и украинских губерниях. Рост производства хлеба достигался в основном путем увеличения распашек; урожайность изменялась на протяжении рассматриваемого отрезка времени мало.

Эксплуатация крестьян помещиками усиливалась как вследствие роста барщины и оброка, так и в результате сокращения наделов, т. е. обезземеливания крестьян, увеличения «подводной» и других повинностей крепостных крестьян в связи с ростом товарно-денежных отношений и необходимостью подвоза хлеба в города на рынки. По некоторым подсчетам, «подводная» повинность требовала от крестьян не меньше труда, чем летние работы на барщине.

Стоимость хлеба, вывозимого за границу, возросла в несколько раз, хотя внутренний хлебный рынок продолжал играть первенствующую роль. На рынок для городов, армии, неземледельческого населения и за границу поступало уже несколько больше 20 % ежегодного урожая хлеба. Емкость внутреннего рынка в связи с развитием промышленности и городов росла. Деньги, полученные, в частности, от продажи хлеба, начинают играть в хозяйстве помещика все большую роль. Количество хлеба, предназначенного для внутреннего рынка, было значительно больше того, которое шло на экспорт. Историки и экономисты часто преувеличивают влияние экспорта хлеба на разложение натурального хозяйства России первой половины XIX в. Экспорт хлеба составлял значительную величину за пятилетие 1816—1820 гг., т. е. в годы относительно высоких урожаев в России и низких — в Европе; кроме того, экспорт хлеба из России резко увеличился после отмены хлебных законов в Англии. Но в целом доля экспортируемого хлеба составляла в начале XIX в. всего лишь около 1 %

и только за пятилетие перед крестьянской реформой повысилась до 5 % от всего валового сбора.

Некоторые помещики стали применять машины для обработки почвы, вводили иногда четырехполье, рациональный плодосмен и т. д. Но попытки усовершенствовать сельское хозяйство при сохранении крепостного строя терпели неудачу. Незаинтересованность крепостного крестьянина в труде не позволяла широко использовать в хозяйстве машины, а вольнонаемных квалифицированных рабочих было мало; к тому же их труд оценивался дорого.

О медленном росте производительности труда в сельском хозяйстве дореформенной деревни свидетельствует, в частности, стабильность урожаев на протяжении первой половины XIX в., а урожайность отражает уровень производительности труда, сельскохозяйственной техники, качество труда и т. д. Сопоставляя увеличение численности населения и данные об урожайности зерновых в XIX в. (дореформенный период), можно обнаружить, что количество хлеба в расчете на душу населения снизилось, т. е. производительность труда в сельском хозяйстве не росла.

Н. Г. Чернышевский указывал причины, тормозившие развитие сельского хозяйства дореформенной России: крепостное право и упадок энергии крестьянства, недостаток оборотного капитала, слабое развитие торговли и промышленности, плохое состояние путей сообщения и т. д. Коренную же причину слабости русского земледелия он видел в азиатской обстановке жизни, азиатском устройстве общества, азиатском порядке дел, в «состоянии нашей администрации и судебной власти»¹.

Низкая производительность крестьянского труда не только подрывала хозяйство крестьян, но и обуславливала в конечном счете и разорение помещичьих имений. Помещик часто отождествлял повышение доходности имения с ростом производительности труда. Однако доходность и производительность — не одно и то же. И при снижающейся производительности крепостного труда отдельные помещики поднимали временно доходность своих хозяйств, увеличивая размер ренты, в частности денежной, усиливая и без того непомерную

¹ Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. М., 1948. Т. II. С. 283, 290.

эксплуатацию крестьян, присваивая часть их необходимого труда. Однако эти меры еще более подрывали хозяйство крестьян, не обеспечивали общего роста производительности труда в сельском хозяйстве.

Производительность труда вольнонаемного работника и в сельском хозяйстве была выше, чем крепостного. Н. Г. Чернышевский считал, что вольнонаемный работник производит в день в 3 раза с лишним больше продукции, чем крепостной крестьянин на барщине. Прогрессивной части русского общества были ясны истинные причины экономической отсталости России.

В районах страны, в которых обязательный, принудительный труд имел меньшее распространение, поля лучше обрабатывались, была относительно выше и производительность труда. В этих условиях мелкое крестьянское хозяйство оказывалось более прогрессивным, чем крупное барщинное хозяйство помещиков. Используя «Статистическое описание Киевской губернии» Журавского, Чернышевский показывает, что в Киевской губернии за год отработывалось до 65 млн. барщинных дней, между тем как требовалось примерно лишь 17,5 млн. дней; он делал вывод, что «...три четверти барщины растрачиваются так себе, то туда, то сюда»¹, т. е. в значительной степени непроизводительно.

Замена барщины оброком, переход от отработочной к денежной докапиталистической ренте свидетельствуют о росте товарно-денежных отношений, подрывавших основы крепостного способа производства. В сельском хозяйстве возникают капиталистические отношения (применение отдельными помещиками труда вольнонаемных рабочих, купеческое предпринимательство и т. д.). Происходит процесс классового расслоения крестьянства, особенно интенсивно среди государственных крестьян. Помещики изыскивали различные способы повышения производительности крестьянского труда, однако паллиативные мероприятия при наличии внеэкономического принуждения к труду не решали эту проблему.

Производительность труда была низкой и в хозяйстве крестьян, хотя они были в некоторой степени

¹ Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. Т. I. С. 440.

заинтересованы в ее повышении, однако не имели ни достаточно времени, ни соответствующих средств производства для работы в своем хозяйстве. «...Если у нас мало капиталов, — писал Чернышевский, — виной тому крепостное право, мешающее развитию свободного труда, который один производителен, один увеличивает богатство нации...»¹, в то время как обязательный труд, подчеркивает автор, разорителен для нации.

Крепостная система стояла преградой на пути роста производительных сил России. Объективная экономическая необходимость их развития требовала ликвидации феодально-крепостнического способа производства. Передовые люди того времени понимали это. Большинство же представителей господствовавших классов пытались решить проблему повышения производительности крестьянского труда на базе сохранения крепостного строя.

Процесс разложения феодально-крепостнических отношений, их кризис наряду с центральной частью России, где оброчная форма ренты была развита наиболее широко, охватил районы Украины, Белоруссии, Прибалтики, Предкавказья и др. Народы Сибири, Севера, Казахстана, Северного Кавказа, находившиеся на стадии патриархально-феодальных отношений, тоже постепенно втягивались, хотя и в более слабой степени, в процесс товарного производства.

Эпоха кризиса феодализма характеризуется острой классовой борьбой. С 1826 по 1861 г. произошло свыше 1186 восстаний крестьян, особенно в помещичьих имениях, а также и среди казенных крестьян. В не менее острой форме выражался в первой половине XIX в. протест рабочих мануфактур, главным образом посессионных рабочих и приписных крестьян. В этот же период происходят волнения мастеровых, вотчинных и кабальных рабочих.

Выступления вызывались незаконным закрепощением, притеснениями и жестокостью владельцев и администрации, отдачей непокорных в рекруты, низкой заработной платой и задержками ее выплаты, штрафами и вычетами, длительным рабочим днем, тяжелыми усло-

¹ Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. Т. 1. С. 452.

виями труда, продовольственными затруднениями, стремлением вернуться к крестьянскому труду, нарушением контрактов и договоров найма, насильственным переселением.

Весь ход экономического и политического развития страны требовал уничтожения феодальных отношений. На протяжении первой половины XIX в. экономика России в силу медленного роста производительных сил отстает от ряда европейских стран. Хотя русская промышленность развивалась сравнительно быстро, все же в начале XIX в. Англия обогнала Россию по выплавке чугуна. К тому времени наша страна отставала по этому показателю также от США и Франции, а в 60-х годах XIX в. — еще и от Германии и даже от Австрии. Главной причиной отставания было крепостное право. Производительность труда в промышленности росла главным образом в тех отраслях, где использовался вольнонаемный труд.

Распад феодально-крепостнических отношений сопровождался острой идеологической борьбой, нашедшей отражение в экономических работах русских ученых. Разложение феодализма объясняет нам появление значительного числа проектов освобождения крестьян. Так, за 1816—1820 гг. было подано 11 таких проектов. Много записок получило Вольное экономическое общество. П. Д. Киселев в 1816 г. представил записку «О постепенном уничтожении рабства в России». По распоряжению царя представляли записки об «освобождении» крестьян даже такие реакционеры, как Канкрин и Аракчеев. Представители реакционного дворянства в статьях, например, в журналах «Дух журналов», «Труды Вольного экономического общества» и других в первой половине XIX в. продолжали доказывать преимущества феодально-крепостнической системы хозяйства, преимущества барщины перед оброком. Этот спор о развитии капиталистических отношений отразился и в либеральной литературе. Вольное экономическое общество неоднократно обсуждало вопрос о сравнительной выгоде крепостного и вольного труда: И. П. Пнин, К. И. Арсеньев, А. П. Заблоцкий-Десятовский, Н. А. Милютин и другие в той или иной форме критиковали крепостничество и ставили вопрос об отмене крепостного строя.

Реформатор М. М. Сперанский в начале своей деятельности осуждал крепостное право и считал не-

обходимым его отмену в будущем; он полагал, что феодально-крепостнические отношения убивают «всякую силу в народе», пытался регламентировать размер феодальной ренты крестьян и т. д. В осторожной форме высказываясь о преимуществах вольного труда перед принудительным, он писал, что по мере увеличения «населения возвышается цена на земли, умножается количество рук, умеряется цена вольных работ и работы принужденные теряют свои преимущества»¹. Поздние суждения Сперанского о крепостничестве стали более осторожными.

А. П. Заболоцкий-Десятовский в статье «Причины колебаний цен на хлеб в России» считал, что народное хозяйство России находилось «в неустроенном, хаотическом состоянии» и что для «исправления экономического организма необходимо возбудить нравственные силы производителей». Большое зло он видел в глубоких колебаниях цен на хлеб, обусловленных обязательной рентой, т. е. крепостным трудом.

Крестьянский вопрос был наиболее острым вопросом в жизни России первой половины XIX в. В конце 30-х годов была проведена реформа управления государственными крестьянами, которая подчинила их вновь образованному министерству государственных имуществ. Перед министерством стояли задачи ликвидировать малоземелье государственных крестьян, заменить подушную подать оброком, исчисляемым в зависимости от земельной площади и доходов от промыслов, ликвидировать барщину в украинских, белорусских и литовских имениях и т. д. Однако эта реформа управления почти не дала эффекта².

По мере расширения товарного производства и возникновения буржуазных отношений (применения вольнонаемного труда, роста мануфактур, увеличения роли торгового капитала и купечества и т. д.) феодальные экономические отношения начали тормозить рост производительных сил страны. Распространение на новые районы, «вширь», феодальных отношений задерживало их рост «вглубь». Крепостничество было главной

¹ План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. СПб., 1905. С. 310.

² См.: Герцен А. И. Собр. соч. М., 1956. Т. VII. С. 197.

причиной, задерживавшей экономический прогресс Русского государства. Особенно усилилось это отставание в период разложения и кризиса феодально-крепостнического способа производства — в первой половине XIX в.

Царизм под влиянием экономической и политической обстановки в стране, многочисленных крестьянских восстаний, поражения в Крымской войне оказался вынужденным отменить тяготевшее над народом крепостное право, пытаясь этой реформой преодолеть общий кризис крепостного хозяйства. В недрах феодальной экономики созрели новые, капиталистические отношения, конфликт между производительными силами и производственными отношениями завершился реформой 1861 г.

Возникновение частной собственности в условиях разложения первобытно-общинного строя было вызвано экономическими причинами и прежде всего необходимостью увеличения производства. Сначала возникает мелкое, а затем крупное землевладение. Право земельной собственности при феодально-крепостническом строе монополично принадлежало классу феодалов. Княжеское, боярское и церковное землевладение было сословной собственностью, имевшей иерархический и вместе с тем условный характер. Процессу образования класса феодалов сопутствовало формирование феодально зависимого населения, в подавляющей массе крестьянства. Важнейшая черта феодального хозяйства — пожалование в лен земли за определенные личные заслуги, а также взимание дани.

Землевладельцы феодальных княжеств в период, например, Киевского государства и особенно в период феодальной раздробленности являлись вассалами великого князя. Крупные землевладельцы в свою очередь имели вассалов более мелких и т. д.

За длительный период господства феодализма в России феодальная собственность, оставаясь его основой, вместе с тем претерпевала значительные изменения как в смысле распределения ее между отдельными группами феодалов, так и в отношении ее «условности», «связанности», «иерархичности» и т. д.

В развитии феодализма большую роль играло и внеэкономическое принуждение, личная зависимость крестьянина от феодала, формы и степень которой были самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина.

В дофеодальный период общинник-смерд «сидел» на свободных общинных землях. По мере роста феодальных отношений путем захвата крестьянских общинных земель образовывалось княжеское, боярское и монастырское феодальное землевладение. Смерд, разорен-

ный налогами, войнами, кочевниками, все в большей степени попадал в зависимость от феодала.

Киевская Русь знает уже крупную феодальную земельную собственность в форме вотчинного землевладения, где эксплуатировался труд крестьян-смердов и холопов. Наряду с разными категориями феодально зависимых крестьян в вотчинах использовался в незначительных размерах и рабский труд. В эпоху раннего феодализма было все еще много и свободных крестьян-смердов, живших на общинной земле, однако крупная вотчина, княжеская, боярская и монастырская, все больше и больше угрожала общинному землевладению. На правах собственности владела своей землей и незначительная часть крестьян — так называемые земцы. По мере усиления феодальной раздробленности Руси росло значение феодальной вотчины. Представители феодальной верхушки прибирали к рукам общинные «черные» земли, покупая их и захватывая различными путями.

В результате этих процессов свободные общинники превращались в феодально зависимых крестьян, «сидевших» уже на частновладельческих землях. Крестьянство сопротивлялось захватам его земель, подавало, в частности, жалобы на монастыри, на отдельных светских феодалов, но это не меняло положения, и крестьяне все в большей степени теряли экономическую и личную самостоятельность, закабалялись светскими и духовными феодалами, превращаясь в «закупов», «изгоев» и др.

Вотчина в период феодальной раздробленности Руси была основным звеном хозяйства, главной формой феодальной земельной собственности. Вотчины князей, бояр, церкви, монастырей, эксплуатировавшие зависимого производителя, достигали сравнительно крупных размеров. Достаточно сказать, что Иван Калита оставил после смерти несколько десятков городов, волостей и свыше 50 сел, а великий князь Василий Темный — еще больше; в его духовной грамоте перечислено более 125 сел, принадлежавших ему и членам его семьи.

Серпуховский и боровский князь оставил наследникам несколько десятков сел; дмитровский — 31; волоцкий — 40; верейский и белозерский — 19; рузский — свыше 10 сел и деревень. Феодальные вотчины на Руси, а на Западе «аллод» являлись в основном натуральными хозяйствами, хотя были в известной степени связаны и с товарным производством.

Существовало несколько видов «отчин», или «вот-

чин» (княжеские, родовые, купленные, пожалованные). Вотчинная земельная собственность отличалась от условного феодального землевладения, из которого развилась поместная форма землевладения.

Период ликвидации феодальной раздробленности характеризовался образованием поместной собственности на землю при неизменности самого способа производства.

Время возникновения поместной системы наши историки и экономисты определяют по-разному. Некоторые ученые не без оснований склонны историю поместного землевладения начинать с более раннего периода, рассматривая поместную систему как часть феодальной системы, а этап ее становления на Руси относят к XII—XIII вв., когда появляются «милостники»¹.

Условное землевладение существовало в нашей стране еще в период феодальной раздробленности, когда главной формой феодальной земельной собственности была вотчина. Условная собственность, напоминавшая западноевропейский «бенефиций», известна Руси со времени раннего феодализма. Поместное землевладение, будучи также условной собственностью, развивается и начинает играть особенно большую роль в эпоху создания централизованного Русского государства — во второй половине XV в.

В Пскове и Новгороде до присоединения к Москве в большей степени было распространено владение землей на праве полной собственности. Значительная часть земель новгородских пятин в XIV—XV вв. принадлежала боярству и духовенству. Из 36 658 обж земли на долю 22 боярских фамилий и 137 монастырей приходилось 25 050 обж или около $\frac{2}{3}$ всех частновладельческих земель.

При условной поместной земельной форме собственности помещик, фактически владея землей, длительное время не имел права передавать ее по наследству. Если в вотчине земля была полной собственностью феодала, то в поместье она составляла условную, раздробленную собственность, поскольку ее верховным, полным собственником было государство в лице князя, а позднее государя. Иван III использовал поместную систему землевладения для обеспечения служилых лю-

¹ См.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия // Сборник статей. М., 1952. С. 104.

дей. Им раздавали земли княжеского домена, «черные» земли и земли боярской оппозиции. В 1475 г. Иван III отобрал владения в 2722 обжи у новгородских крупных бояр и пожаловал их в поместья. Три года спустя он же отобрал 10 волостей у новгородского архиепископа и монастырей, аргументируя тем, что эти волости ранее принадлежали князьям. На протяжении последней четверти XV в. Иван III неоднократно конфисковывал земли оппозиционного новгородского боярства. В итоге на великого князя был «отписан» огромный земельный массив, достигавший миллиона десятин и использованный для раздачи поместьями. Такой же процесс происходил и в других районах страны. Феодалы и служилые люди кроме вотчин и денежного жалованья получали «кормления» (форма дохода с правительственных должностей). Но в XVI в. эти источники оказались недостаточными; в результате широко распространилась поместная система.

В целях укрепления государственной власти и подчинения ей различных феодальных земель централизованное государство обусловило собственность феодалов на землю службой. Позднее, по мере усиления государства, поместная система все больше влияла на вотчинную форму землевладения, сливалась с ней. Если в период феодальной раздробленности вотчинное землевладение не обуславливалось служебными отношениями землевладельца и князя, то позднее служить были обязаны владельцы не только поместий, но и вотчин. *При поместной системе фактическим владельцем земли был феодал-помещик, верховным ее собственником — государь, которому помещик и обязан был служить.*

В 1550 г. издается царский указ об «испомещении» в Московском и окружных уездах избранной тысячи «детей боярских» и о даче там же посыльным боярам и окольных поместий. На восточной границе Московского государства были поселены на поместном праве вотчинники из новгородских земель. Позже Иван IV, ограничивая привилегии вотчинников, нанес феодальной вотчине сильный удар организацией в 1565 г. так называемой опричнины. Чтобы подорвать позиции боярской знати, он в ряде районов страны конфисковал вотчинные земли, обратил их в государственные и поселил там мелких дворян на правах поместного владения. Родовитые вотчинники были переселены и «посажены» на землю уже в качестве помещиков. В результате всех

этих мер поместная форма феодальной собственности становится в России преобладающей. Владельцами поместий были дворяне, бояре, гости, придворные слуги и т. д.

Высшие чины, бояре, окольные и думные дворяне получили поместья от 800 до 2 тыс. четвертей, стольники и дворяне московские — от 500 до 1000 четвертей. При царе Михаиле был издан закон, запрещавший давать стольникам, стряпчим и дворянам московским поместья свыше 1000 четвертей. Провинциальное дворянство владело значительно меньшими поместьями.

В конце XVI в. поместная земельная собственность стала господствующей формой землевладения. Так, в Шелонской пятине она составляла 94,8 % земли; в Казанском крае — 65,7, в Тульском уезде — 91,7 %. Интенсивный рост поместий наблюдался и на юге страны. Слабо развито помещичье землевладение было лишь на севере, где «черные» земли захватывались преимущественно монастырями.

В отличие от вотчинников помещик не имел права отчуждать поместье, хотя за несоблюдение обязательств по службе отбирались на государя как вотчины, так и поместья. В грамоте от 12 октября 1589 г. предписывалось отбирать у служилых людей, не явившихся в срок на службу, поместья и вотчины «со всеми их животы и с хлебом и с людьми», высылать «нетчиков» из поместий и вотчин с женами и с детьми и раздавать их земли служилым людям, «которые на нашу службу на срок приедут». В 1590 г. в Поместном приказе было указано: «Которые дети боярские разных городов с нами в немецком походе не были и которые ис походу ис-под Ругодива, а иные из Новгорода сбежали, и у тех детей боярских за их вины поместья и вотчины все велено отписать на нас и в роздачу роздати»¹.

Поместное землевладение (в отличие от вотчинного) не могло первое время передаваться по наследству. «...В России в эпоху процветания поместной системы земля не могла переходить по наследству, так как она считалась только условной собственностью...»² Но постепенно дворянство добилось того, что и поместья можно было передавать детям при уходе помещика в отставку.

¹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 89.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 151.

В результате ограничений вотчинная форма феодальной земельной собственности приобрела в известной степени условный характер и сблизилась с поместной; обе формы представляли разновидности феодального землевладения.

В Московском государстве вотчины разрешалось продавать, менять, дарить, отдавать взаймы. При этом землевладельцы-вотчинники должны были нести военную службу. Продажа вотчин ограничивалась: покупателями могли быть только феодалы, проживавшие в том же уезде, особые ограничения существовали при продаже княжеских вотчин. Иван IV, насаждая поместное землевладение, в то же время особенно урезывал привилегии вотчинников, запрещая в некоторых частях страны (в Тверской, Рязанской, Ярославской землях) продавать вотчины без разрешения власти и отдавать их монастырям. Вскоре вышел запрет продавать кому-либо, кроме как ближайшим родственникам, обменивать и отдавать в приданое родовые вотчины, право их наследования было ограничено.

«Стоглав» (1551 г.) запретил всем вотчинникам отдавать без разрешения царя вотчины монастырям, а у нарушавших это запрещение приказывалось отбирать вотчины безденежно в пользу государя. Такое ограничение монастырского землевладения в интересах дворян предпринималось как мера против роста церковных земель.

Но решение в 1582 г. давать монастырям деньги вместо земельных вкладов не получило широкого распространения. Через тридцать лет княжеские земли, купленные монастырями, были взяты «на государя», церкви запрещалось приобретать вотчины. Однако она продолжала владеть огромным земельным фондом.

Рост товарного производства, образование всероссийского рынка привели к тому, что роль поместий возросла, различие между обеими формами землевладения все уменьшалось, постепенно помещики добились права менять поместья. Обмен поместий расширился, и часто за ним скрывались купля и продажа имений.

После крестьянской войны 1670—1671 гг. правительство для укрепления дворянского землевладения раздаст государственные и дворцовые земли в поместья и вотчины. Денежные затруднения вынуждали правительство продавать дворянству и купечеству пустые земли. Кроме того, оно продавало поместные земли

и вотчины, предоставленные служилым людям в условное владение. Вотчинная форма феодальной собственности дворянства благодаря этому вновь приобретает большое значение. Дворянство добивалось укрепления прав на земельную собственность, и правительство шло навстречу этим требованиям, раздавая земли преимущественно на вотчинном праве. Если в 20-х годах XVII в. в центре страны больше 70 % земель помещиков «держалось» на поместном праве, то в 1624—1640 гг. эти земли составляли 54, а в 1678 г.— 41 %, следовательно, доля вотчинных земель выросла до 59 %.

В Московском уезде поместное владение составляло всего лишь $\frac{1}{6}$ вотчинного, а в некоторых местах даже совсем исчезло. К 1627 г. к вотчинам были приравнены выслуженные поместья. Хотя Уложение 1649 г. все еще характеризовало поместья как условную феодальную собственность, но оно уже разрешало менять их на вотчины, наследовать при известных условиях и т. д.

Сыновья помещика, уходившего в отставку, могли получить это поместье на оброк, если они не достигли еще совершеннолетия. В начале XVII в. поместья могли переходить по наследству братьям и другим, так называемым боковым, родственникам, а затем права наследования поместья еще более расширились. В 1684 г. было постановлено передавать поместья детям.

Постановления, запрещавшие передачу вотчин церкви и монастырям, по-видимому, нарушались, в связи с чем Уложение предписывало патриарху, митрополитам, архиепископам, епископам и монастырям «ни у кого родовых и выслуженных купленных вотчин не покупать, и в заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечной поминок не имати никоторыми делы; и в Поместном Приказе за Патриархов и за Митрополиты, и за Архиепископы, и Епископы, и за монастыри таких вотчин не записывать; а вотчинником никому вотчин в монастыри не давати. А кто и напишет вотчину в монастырь в духовной, и тех вотчин в монастыри по духовным не давати; а дати в монастырь родителям их деньги, чего та вотчина стоит или что умерший вотчине цену напишет в духовной»¹.

¹ Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. М., 1913. С. 197—198.

Церковно-монастырское землевладение занимало большое место в экономике феодальной Руси. В конце XV в. оно приобрело значительные размеры благодаря княжеским пожалованиям, покупке, вкладам, завещаниям и пожертвованиям дворян, купцов, а также в особенности в результате захватов крестьянских общинных земель. Церковь и монастыри тогда владели примерно третьей частью всех земель страны. В отличие от вотчин, принадлежавших светским феодалам, церковные владения не подлежали отчуждению. Наиболее крупными землевладельцами среди монастырей были Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий и др.

В 1678 г., по неполным данным, 395 монастырям принадлежало 97 934 двора, за патриархом числилось 7 128 дворов. Согласно трудам по источниковедению и истории России периода феодализма С. Б. Веселовского, один Троице-Сергиев монастырь владел в 39 уездах 16 813 дворами, Кирилло-Белозерский — 5 430 дворами в 11 уездах и т. д. Среди духовенства имелись так называемые нестяжатели, возражавшие против того, что монастыри владеют селами и деревнями; этим же была недовольна часть служилого дворянства и особенно крестьянство. Нестяжатели (Н. Сорский, В. Патрикеев, М. Грек и др.), отрицавшие право церкви и монастырей владеть вотчинами, были в конце концов приговорены к заточению как еретики. Реакционное духовенство всячески боролось с попытками уменьшить церковное землевладение и с намерением еще в XVI в. секуляризовать земли духовного ведомства. Тем не менее в условиях уменьшившегося свободного земельного фонда правительство вынуждено было прибегать к некоторым мерам, ограничивавшим церковное землевладение.

Массовые волнения крепостных крестьян, принадлежавших монастырям во второй половине XVIII в., заставили царское правительство ликвидировать в 1764 г. огромное церковное феодальное землевладение путем секуляризации церковных земельных имуществ и крепостных крестьян; управление ими было передано особой Коллегии экономии, а эти крестьяне получили название экономических. Вместо барщины и натуральной ренты экономические крестьяне стали платить денежный оброк (сверх подушной подати) по полтора рубля с души.

В результате секуляризации церковных имений число монастырей сократилось более чем на 500.

В 1786 г. секуляризация церковного землевладения была распространена и на Украину. До и после принятия этой меры выдвигались различные проекты в отношении бывших церковных земель и имений. Так, Комиссия по составлению нового Уложения предлагала «бывшие монастырские деревни продать, положа каждую мужеска пола душу по тридцати рублей»¹, известный историк Щербатов рекомендовал отдать бывшие церковные земли в аренду помещикам.

Вотчинная и поместная форма феодальной земельной собственности были окончательно уравнены при Петре I в 1714 г. законом о единонаследии и получили общее название «недвижимые имущества». Правда, петровский закон о единонаследии потом был отменен, но принцип единого порядка распоряжения вотчинными и поместными землями был сохранен. И все же уравнивание поместий и вотчин не уничтожило условности феодального землевладения в России, поскольку землевладельцы обязаны были и после этих постановлений нести обязательную службу. Лишь во второй половине XVIII в. феодальное дворянство, добившись освобождения от всякой обязательной службы, превратило бывшие вотчины и поместья в безусловную собственность. В это время по существу почти прекратилась раздача поместий, поскольку главной формой вознаграждения за службу стало денежное жалованье.

Указ 1714 г. не превратил землю в буржуазную собственность, поскольку право владеть землей продолжало составлять привилегию дворянства и владение все еще подвергалось некоторым ограничениям. Согласно указу, землю разрешалось продавать только в случаях крайней нужды, было сохранено право родового выкупа, при продаже взыскивались высокие пошлины. Дополнительные изменения в отношении права дворян распоряжаться и пользоваться землей были приняты в 1785 г.

В первой половине XIX в. в результате роста капиталистических элементов в стране купечеству, мещанству и казенным крестьянам было предоставлено право покупать землю в собственность. Но и в период кризиса и разложения феодализма основная часть земли исклю-

¹ Сборник Российского исторического общества (далее: Сборник РИО). СПб., 1871. Т. 8. С. 559.

чалась из оборота как объект частной поземельной собственности; продолжало существовать право родового выкупа, земельная собственность передавалась по наследству старшему в роде, крестьянам запрещалось выделяться из общины и закреплять в частную собственность принадлежащий им надел и т. д.

Сосредоточенная в руках феодалов земля обрабатывалась крестьянами — основной частью населения государства, которое не признавало за крестьянином никакого права на находившуюся в его пользовании землю. Феодалное право России строго охраняло монополию помещиков на землю. Так, в указе 1769 г. читаем: «Все владельческие земли... принадлежат собственно владельцам, а не поселенным на них крестьянам»¹. Это же право подтверждает право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа.

Крестьянин был собственником лишь движимого имущества своего частного хозяйства, основанного на личном труде, хотя и это право в ряде случаев ограничивалось помещиками. Растущая дифференциация крестьянства в XVIII в. и первой половине XIX в. приводила к тому, что отдельные разбогатевшие крестьяне покупали земли и даже крепостных. Хотя юридически это было запрещено, в помещичьих инструкциях приказчикам указывалось на то, чтобы купчая на покупаемую землю совершалась на имя помещика. В таких случаях крепостные целыми обществами и индивидуально покупали на имя помещика земли, а иногда и крепостных крестьян для сдачи вместо себя в рекруты.

Некоторые крепостные богатейшего феодала Шереметьева сами имели от 600 до 700 крепостных крестьян, в частности крепостные Грачевы «владели» в конце XVIII в. более 3 тыс. десятин земли и несколькими сотнями людей².

Отчуждаемость (хотя и ограниченная) земли неразрывно связана с развитием товарно-денежных отношений в стране и встречается на разных ступенях развития феодализма.

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). СПб., 1826—1917. Т. XVIII. № 13235. С. 805.

² См.: Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея. Л., 1928. Т. I. С. 230.

Владеть землей на правах собственности помещичьим крестьянам было разрешено лишь в указе 1803 г. о свободных хлебопашцах, в котором констатировалось, что «по силе существующих законов, как-то по манифесту 1775 и указу 12 декабря 1801 годов, увольнение крестьян и владение уволенным землею в собственность дозволено»¹. Закон о хлебопашцах был вызван ростом классовой борьбы в деревне в условиях кризиса феодально-крепостнического способа производства. Царское правительство этим указом пыталось несколько приоткрыть клапан и спасти дворянское землевладение, поскольку «утверждение таковое земель в собственность может во многих случаях представить помещикам разные выгоды»².

Воспользоваться этим указом смогло всего лишь 47 тыс. крестьян, т. е. меньше 0,5 % от общего числа крепостных крестьян России. Эта группа могла продавать, закладывать и оставлять землю в наследство; они вносили подушную подать наравне с помещичьими крестьянами.

Рост классовой борьбы в деревне в первой половине XIX в., усиление крестьянского движения вынуждали правительство принимать постановления, которые, сохраняя полностью дворянские привилегии, создавали видимость того, что положение крестьян улучшилось. Например, указ об обязанных крестьянах 1842 г., «освобождавший» крестьян без земли, был издан с целью охраны помещичьей и вотчинной собственности дворянства от отчуждения из владения дворянских родов.

Для феодализма характерен захват крестьянских, «черных», общинных земель феодалами. «Черные» земли, отличавшиеся от «белых» тем, что были обложены тяглом, положены в «сохи», захватывались начиная с периода раннего феодализма и позднее, в эпоху создания централизованного государства.

В XVI в. «черные» земли почти исчезли в центральных районах страны, оставаясь лишь на Севере и Северо-Западе. Некоторые исследователи, правда, допускают наличие «черных» земель в это время и в центральных районах, но как бы то ни было, совершенно очевидно, что таких земель с общинной организацией становилось все меньше и меньше. По мере создания

¹ ПСЗ. Т. XXVII. № 20620. С. 462—463.

² Там же. С. 462.

централизованного государства укрепляется отношение к «черным» землям как к «государевым». Они захватывались вотчинниками, помещиками, монастырями и т. д.

Период феодальной раздробленности — это время интенсивного «окняжения» и «обояривания» «черных» крестьянских общинных земель. Крестьяне, не попавшие еще в феодальную зависимость, назывались «черные люди», «черносошные крестьяне». Община-волость раскладывала и собирала с них налоги; крестьяне располагали индивидуальными участками земли, верховными собственниками которых считались князья.

Акты XIV—XVI вв. свидетельствуют о борьбе феодалов за землю. Так, опубликованные акты Троице-Сергиева монастыря — разнообразные купчие, меновые, закладные, кабалы и т. д. — очень ярко рисуют процесс концентрации земельной феодальной собственности в его руках.

Рост поместий в немалой мере был обусловлен уменьшением «черного» землевладения, которое сократилось, в частности, во время опричнины, когда к дворянству перешла значительная часть земель бояр, дворцовых земель и особенно земель черносошных крестьян. Часть земель была передана кроме опричников вотчинникам и помещикам, выселенным из районов опричнины. В период опричнины усилились крепостная эксплуатация, гнет, барщина, был отменен крестьянский «выход». Опричники «стали брать, — по словам современников, — с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели; бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет».

В конце XVII в. из 888 тыс. тяглых дворов черносошные (т. е. «черные») и посадские дворы составляли лишь 10,4 %, 57 % принадлежало дворянству, 10 % — боярству, 13,3 % — церкви и 9,3 % — дворцу.

Численность черносошного крестьянства уменьшалась. В 60-х годах XVIII в. в Великороссии и Сибири насчитывалось 627 тыс. душ мужского пола чернотягло крестьянина.

В Сибири помещичье землевладение не получило развития, хотя отдельные феодальные хозяйства, принадлежавшие духовным и светским феодалам, существовали и там.

Собственником «черных» земель феодальное право

признавало вначале князя, а впоследствии — государя, государство. Крестьяне говорили об этих землях в XVI в.: «Та земля великого князя, а моего владения».

Рост товарного производства, образование всероссийского рынка в XVII в. создали известные предпосылки для превращения земель в товар. Вотчина и поместье стали приспособляться к росту товарно-денежных отношений. Но в условиях господства феодализма, монополии дворянства на земельную собственность эта тенденция не получает должного развития, хотя рост товарных отношений захватывает и общины черносошных крестьян, которые продавали и закладывали свои земли. Позднее господствующий класс, охраняя собственную монополию на землю, особенно борется с практикой продажи и закладывания земли в «черных» селах и слободах. В Уложении 1649 г. говорилось, что если «черные» люди свои дворы продадут или заложат, то их за воровство нужно бить кнутом.

Некоторые дореволюционные историки считали, что «черные» земли были собственностью крестьян. По мнению одних, крестьянин, «сидевший» на «черной» земле, имел на нее «как бы собственность», другие считали собственником «черных» земель всю волость, т. е. сельскую общину, третьи, напротив, полагали, что «черные» земли принадлежали князю¹.

В советской литературе также были высказаны по этому вопросу различные точки зрения. Н. М. Дружинин признает, что черносошные крестьяне рассматривали занимаемую ими землю как предмет свободного товарного оборота, отчуждали ее, завещали по наследству, дробили на части, словом, распоряжались ею фактически как земельные собственники². Но он сам же дальше указывает, что царское правительство во второй половине XVII и XVIII в. запрещало продавать и отчуждать земли черносошных крестьян.

Другой советский исследователь собственности по этому вопросу, А. В. Венедиктов, придерживается иного мнения: «Крестьяне, сидевшие на черных землях, несомненно, пользовались несколько большей хозяйственной

¹ Чичерин Б. Н. Собственность и государство. СПб., 1882. Ч. 1. С. 444; Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. С. 257.

² См.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 28.

самостоятельностью по сравнению с частновладельческими крепостными и располагали большими возможностями в деле передачи своих прав по владению и пользованию их земельными участками. Если учесть, однако, непрерывное сужение их личной свободы и возрастание их «крепости земле», а также повинности, лежавшие на них по отношению к государству, с одной стороны, неограниченные права московских государей по распоряжению черными землями и возможность превращения чернотяглых крестьян в любой момент в частновладельческих, с другой, то правильнее признать, что и чернотяглый крестьянин не являлся собственником обрабатываемого им участка — ни полным, ни подчиненным»¹.

Конечно, черносошный крестьянин имел большую хозяйственную самостоятельность по сравнению не только с частновладельческим крестьянином, но в известной степени и с «сидевшим» на дворцовой земле. Самостоятельность эта доходила до того, что черносошные крестьяне продавали иногда свои земельные участки, хотя, как мы видели выше, уже в XVII в. царское правительство жестоко преследовало эту практику. Указами 1649, 1651, 1663 и 1690 гг. оно запрещало продавать, закладывать и отдавать в монастыри земли черносошных крестьян поморских уездов. Надо сказать, что случаи залога, аренды и продажи земель наблюдались и среди «ясачных» людей в Сибири.

Царское правительство нередко раздавало «черные» земли, а самих крестьян превращало в крепостных, приписывало к заводам и т. д.

Характер землевладения черносошных крестьян можно правильно понять лишь в историческом плане. На первых этапах феодализма земля их была общественной собственностью. Затем, с развитием феодальных отношений, государство в лице великого князя, а потом государя начало считать себя собственником и этих земель.

В эпоху образования централизованного государства становится особенно интенсивным процесс перехода крестьянских земель в руки дворянства, служилых людей и самого правительства. На первых порах черносошные крестьяне могли с согласия общины продавать,

¹ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.: Л., 1948. С. 216.

передавать в монастыри по наследству свои земли. Но уже в XVII в. по феодальному праву эти земли не считались собственностью крестьянства. К XVIII в. земли черносошных крестьян рассматриваются как государственная собственность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Дворянство всячески оберегало важнейшую свою привилегию — сословное, исключительное право на земельную собственность.

В XVIII столетии не раз издавались указы, запрещавшие покупать земли дворцовым, монастырским и помещичьим крестьянам. Указ 1730 г., подтверждая запрет Уложения покупать и принимать в заклад земли от боярских людей, монастырских слуг и владельческих крестьян, обязывает тех из них, кто владел недвижимыми имениями, распродать их в течение полугода — в противном случае земли подлежали конфискации. То же по существу повторяет и указ 1746 г. Это постановление позднее распространилось на купцов и мещан. Усилив свою власть, дворянство стремилось устранить от владения землей все другие группы населения. Эта тенденция заметна была еще в Уложении 1649 г. и других постановлениях, ограничивающих, в частности, землевладения «гостей». Правда, при Петре I потребность в рабочей силе для растущей промышленности вынудила создать новую, посессионную форму землевладения. Однако тенденция сделать дворянство монопольным собственником земли получает еще большее развитие в 30-х годах XVIII в. Эта же идея ликвидации недворянского землевладения содержалась и в инструкции о межевании 1754 г., предусматривавшей изъятие без денежного возмещения земель, которые казенные крестьяне заложили, продали, отдали. Межевая инструкция 1766 г. шла еще дальше, запретив чернотяглым крестьянам операции с землей даже между собой, внутри общины.

Во второй четверти XVIII в. государственным крестьянам было запрещено приобретать недвижимую собственность, брать подряды и получать откупа, а несколько позднее и выдавать векселя. Принятая система мер указывала на дальнейшее усиление феодального гнета. Черносошные крестьяне, как и некоторые другие группы населения (однодворцы и т. д.), могли покупать земли в собственность лишь при наличии специальных разрешений. Этой группе населения запрещалось распо-

ряжаться землями, которыми они владели; земли нельзя было впредь не только продавать, но и закладывать и передавать по наследству.

Черносошные крестьяне требовали возврата земель, захваченных у них помещиками; в своих наказах депутатам в Комиссию по составлению нового Уложения они жаловались на захват помещиками земель.

Было запрещено продавать земли даже однодворцам, которые, как известно, были превращены в первой четверти XVIII в. в государственных крестьян. Особенностью однодворцев было то, что они жили на индивидуальных землях, вне общинного землевладения. Однодворцам и служилым людям в 1766 г. было указано, чтобы они впредь крестьян и земли не покупали, а земли, «на коих они в подушный оклад положены, не только посторонним, но и равным себе отнюдь не продавать, и в наем, кроме как погодно, также за долги и в иски никому не отдавать, а ежели кто продаст или заложит, то купчим и закладным быть недействительным; а и отхожие свои земли... сверх положенной на число душ пропорции дозволяется им... продавать единственно равного себе состояния людям»¹.

Земля была изъята из свободного торгового оборота, и буржуазные элементы в стране, число которых все увеличивалось, требовали разрешить им приобретать земли. На этом настаивали, в частности, депутаты в Комиссии по составлению нового Уложения (1767 г.).

Требования разрешить продажу и куплю земли раздавались и среди зажиточной части государственных крестьян ряда волостей в начале второй половины XVIII в.

Ходатайствуя, чтобы им предоставили право свободно распоряжаться землей, некоторые крестьяне писали в наказах, что это запрещение наносит вред и казне, так как в условиях свободы отчуждения земли крестьянин, попавший в трудное положение, продаст землю другому, зажиточному, на которого и переходит подушный платеж, а в ином случае такие сделки исключаются, отчего казна теряет плательщиков, терпит убыток. Так, выражая требование зажиточной части, крестьяне, например, Каргопольского уезда просили разрешить им попрежнему продавать друг другу и менять деревенские земельные участки.

¹ ПСЗ. Т. XVII. № 12659. С. 768.

Рост капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве делал все актуальнее потребность буржуазии в покупке земли. Но лишь в 1801 г. право приобретать землю в собственность было предоставлено не только купечеству, мещанству и всем пользующимся городским правом, но и казенным крестьянам, «к какому бы они ведомству ни принадлежали», а также отпущенным на волю от помещиков. Этот указ, не разрушая основ феодального землевладения, создавал условия для того, чтобы растущая городская и деревенская буржуазия могла приобретать земли в собственность.

Интересен процесс роста феодального землевладения на Левобережной Украине после ее воссоединения с Россией. Освободительная война украинского народа, в которой главную роль играло крестьянство, нанесла серьезный удар крупной земельной собственности польских феодалов. Глубокие изменения в экономике, происшедшие в воссоединенной Украине, однако, не изменили феодального способа производства. Воссоединение отнюдь не положило «начало новому экономическому и правовому процессу» — «торговому капитализму», как писали некоторые авторы. Крупные польские землевладельцы и шляхта были изгнаны из своих вотчин. Значительная часть земли перешла к крестьянам и казакам, в результате чего после освобождения от польской шляхты в Левобережной Украине увеличилось число крестьян и казаков, имевших небольшие земельные наделы. Но крупная феодальная земельная собственность осталась, например, у православных монастырей. Одна из статей Переяславской Рады предусматривала сохранение феодалами, исповедующими православие, права «повольно маетностями своими владеть по-прежнему».

Гетманы, а также Московское правительство раздавали земли («маетности») старшине под разными предлогами: за услуги, оказанные войску, за услуги предков и т. д. В результате члены старшины превращались в крупных землевладельцев, помещиков-феодалов, получавших право использовать принудительный труд крестьян.

Крупная земельная феодальная собственность на Украине во второй половине XVII и в XVIII вв. создавалась также прямым захватом земли, скупкой ее у посполитых (государственных) крестьян и казаков как украин-

скими, так и великоросскими землевладельцами. Обезземеливание крестьянства порождало подсосудничество, бобылей, огородников, что свидетельствовало о разнообразии форм экономической зависимости. Рост феодальной зависимости вел к тому, что большая часть земли посполитых крестьян принадлежала светским землевладельцам или монастырям.

Украинское крестьянство боролось с крупными собственниками, но процесс роста феодального землевладения продолжался. Царское правительство, исходя из политических соображений (перспектива борьбы с Польшей за остальную Украину), намеревалось ограничить феодальное землевладение, сведя число феодалов на Украине к 300, отменило запрещенный в 1739 г. войсковою канцелярией переход крестьян от одного феодала к другому. Но феодальная зависимость крестьянства все возрастала, и к середине XVIII в. подавляющая часть земли находилась у феодалов. Достаточно сказать, что гетман Мазепа владел десятками сел и свыше 100 тыс. душ крестьян; гетману Скоропадскому принадлежало около 20 тыс. дворов. В 1760 г. издается универсал гетмана Разумовского, затруднявший переход крестьян от одного землевладельца к другому на Украине. В конечном счете царское правительство и украинская старшина юридически оформили наличие крепостнических отношений на Украине под предлогом «верного получения казенных доходов», обязали каждого из поселян «остаться в своем месте и звании, где он по нынешней последней ревизии написан»¹. Таким образом, сконцентрировав в своих руках землю, старшина превратилась в класс крупных земельных феодалов, закрепила при помощи царского правительства крестьянство и добилась для себя долгожданного уравнивания в правах с великорусским дворянством.

Рост феодального землевладения наблюдался и в Запорожской Сечи, хотя здесь и не было крепостничества. Однако в конце ее существования там настолько усилилась экономическая дифференциация, что верхушка Запорожской Сечи превратилась по существу в феодалов-землевладельцев.

Задолго до разрешения казенным крестьянам, купечеству и другим сословиям покупать землю проблему земельной собственности пытались «обсудить» в на-

¹ ПСЗ. Т. XXI. № 15724. С. 908.

учных кругах, ставя вопрос: «В чем состоит собственность земледельца, в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то или другое для пользы общественности иметь может?»¹

Вольное экономическое общество, которому была поставлена эта задача, несколько ее изменило и сформулировало так: «Что полезнее для общества, чтобы крестьянин имел в собственность землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны»².

Общество получило 160 ответов на этот вопрос. Первая премия была присуждена де Беарде, который считал, что «лучший способ привлечь, возбудить, поощрить хлебопашцев, без сумления, есть тот, чтоб дать им в собственность самую ту землю, которую они обрабатывают». По мнению де Беарде, две тысячи крестьян, к работе приневоленных, не сделают государству столько пользы, сколько сто земледельцев, предвидящих надежный путь к своему обогащению. В заключение он предлагал постепенно, через известный срок «дать крестьянам волю и землю».

Проблема земельной собственности неоднократно освещалась в той или иной связи в работах этого общества. Любопытно, что помещик Зубов предлагал в первой четверти XIX в. «утвердить землю в незыблемую собственность крестьянам, предоставив им с платежом государственной повинности и оброка право продавать в своих землях участки»³. В этом он видел главное средство улучшения сельского хозяйства. Нечего и говорить, что такое предложение было принято в штыки. Крепостники даже предложили сжечь тот том трудов общества, в котором была опубликована статья Зубова.

Подавляющая часть земель не могла быть объектом купли-продажи, но все же в первой половине XIX в., в период кризиса феодально-крепостнического хозяйства монополия дворянства на земельную собственность была в некоторой степени подорвана, что отражало рост буржуазных элементов и капиталистических отношений в стране. К 1858 г. в 33 губерниях России 268 473 крестьянам принадлежало свыше 1113 тыс. десятин земли по

¹ Труды Вольного экономического общества, 1766. Т. IV. С. 201, 202.

² Там же.

³ Труды Вольного экономического общества. 1820. Т. XXII. С. 234.

праву собственности, или в среднем по 4 десятины на каждого владельца. Следовательно, с развитием капиталистических отношений буржуазная собственность на землю возросла и, в частности, увеличивалось число крестьян — арендаторов и собственников в государственной деревне. Наибольшее число крестьян-собственников имелось в этот период в Тверской (50 226), Самарской (23 084), Полтавской (21 983), Курской (17 216), Московской (5 157), Владимирской (4 725) губерниях. Крупные земельные собственники — крестьяне жили в Таврической (187 десятин в среднем на владельца), Екатеринославской, Херсонской и Оренбургской губерниях. И в других районах страны наиболее зажиточная часть крестьян покупала земли и владела ими как личной собственностью на основании закона 1801 г.

Усиливалось классовое расслоение деревни. В начале 50-х годов 11,5 % государственных крестьян Псковской губернии оставили хлебопашество, 7,9 % крестьян обрабатывали свою землю, часть ее отдавая взаимы; свои земли обрабатывали 53,5 % крестьян; в то же время уже 27,1 % крестьян пользовалось своей и чужой землей¹. Во Владимирской губернии в 1853—1854 гг. имелось 67 239 крестьян-промышленников, а в Тверской — 113 430. Крестьяне, а также отдельные крестьянские общества широко арендовали земли и у соседних помещиков.

В период разложения и кризиса феодально-крепостнического хозяйства усилилось имущественное неравенство, дифференциация и среди помещичьих крестьян. В вотчинах Воронцовых, например, в первой четверти XIX в. крестьяне, не способные платить оброк, составляли в отдельных деревнях до 38 %. Зажиточные помещичьи крестьяне занимались торговлей, арендой земли, мельниц и т. д., выплачивая ежегодно аренду в сумме от 300 руб. и больше. В 1818 г. из 1524 оброчных крестьян Костромской вотчины Воронцовых выкупились 10 % наиболее зажиточных крестьян.

О степени расслоения можно судить по таким данным: среди 12 деревень Воронцовых в Северо-Западном районе было 11,4% безлошадных и бескоровных дворов; 13,7% — с одной коровой без лошади или с лошастью без коровы; 23,3% — с лошастью и двумя-тремя коровами;

¹ См.: Журнал Министерства государственных имуществ. 1852. Т. XV. Отд. 11. С. 59.

23,1% — с двумя лошадьми и четырьмя-пятью коровами и более; 2,9% — с тремя лошадьми и с пятью коровами и более¹.

Землю в собственность приобретали кроме крестьян купцы, однодворцы, казацкие общины и т. д. Но все эти земли составляли в конце первой половины XIX в. не более 5 — 6%.

Существовавшая форма земельной собственности переставала соответствовать растущим капиталистическим отношениям. Основная и главная часть земель в России перед крестьянской реформой была собственностью помещиков и государства; за крестьянами признавалось право владеть и пользоваться землей преимущественно в форме общинного землевладения.

В результате реформы 1861 г. помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли², наделяли в «постоянное пользование» крестьян, обязанных выполнять установленные повинности, усадьбой, полевыми землями и другими угодьями. Крестьяне оставались на положении временнообязанных.

Земля в большинстве случаев отводилась целому обществу, связанному круговой порукой, а в некоторых случаях, при подворном землепользовании, и отдельным крестьянам. Крестьянам было предоставлено право выкупать у помещиков землю по добровольному соглашению; после выкупа они превращались из временнообязанных в собственников.

В отличие от помещичьих крестьян удельным крестьянам земля в результате реформы была предоставлена в собственность с обязательным выкупом, в то же время земли, которыми пользовались государственные крестьяне, закреплялись за ними не в собственность, а в бессрочное пользование за оброчную подать, превращенную позднее в выкупные платежи. В отдельных районах страны реформа проводилась очень своеобразно. Земли, находившиеся в пользовании крестьян в Польше, законом 1864 г. по политическим соображениям были признаны собственностью крестьян, все их повинности в отношении землевладельцев были отменены.

В Белоруссии и в значительной части Украины

¹ См.: *Индова Е. И.* Крепостное хозяйство в начале XIX в. М., 1955. С. 100—104.

² См.: Положение 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916. С. 5.

землевладельцами были преимущественно поляки. После восстания 1863 г. царское правительство уменьшило «отрезки», ввело обязательный выкуп земли по пониженным расценкам, превратив крестьян в собственников надельной земли.

В прибалтийских губерниях крепостное право отменили еще в первой четверти XIX в.: в Курляндии — в 1817 г., Лифляндии — в 1819 г., Эстляндии — в 1816 г., причем вся земля была признана собственностью помещиков, а крестьянам предоставлялась краткосрочная аренда земли за различные повинности землевладельцу. Обеднение крестьянства и рост классовой борьбы в Прибалтике вынудили царское правительство предоставить крестьянам право покупки земли и запретить дальнейшее присоединение крестьянских земель к помещичьим владениям. После 1860 г. прибалтийское дворянство интенсивно продавало землю наиболее зажиточному крестьянству по вольным, а не выкупным ценам, как это было установлено в других районах страны. В условиях подворного и участкового землевладения дифференциация среди прибалтийского крестьянства была очень глубокой. Образовался, с одной стороны, значительный слой беднейшего крестьянства (бобылей, батраков и т. д.) и, с другой — кулачества. В этом районе общинное владение не получило развития. Особенно широко распространилось оно в Великороссии.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА

Феодальная рента включала, как правило, весь прибавочный продукт зависимого крестьянина, а иногда и часть необходимого. Феодальную ренту присваивал земельный собственник, но часть ее получало государство в виде налогов. Рента в условиях феодализма самым тесным образом связана с государственными налогами, финансами и т. д. Размеры ренты и налогов часто совпадали, и их невозможно разделить, особенно на ранней стадии развития феодализма, поскольку в тот период не проводилось резкой грани между государственной собственностью на землю и личной собственностью князей. Докапиталистическая рента, в которой реализуется земельная собственность, — основная форма эксплуатации крестьянства при феодализме.

На ранней стадии феодализма в вотчине следует различать доходы вотчинника, феодальную ренту и княжеские доходы — зародыш будущих государственных налогов и доходов. В доходах, получаемых князем, как и в «корме» наместников и «волостей», управляющих городами и «черными» землями, сливались феодальная рента и примитивный государственный налог. И на более позднем этапе развития феодализма феодальная рента и государственный налог совпадали в том случае, когда само государство было собственником земли. Таким образом, проблема финансов и налогов при феодализме не может быть правильно освещена и понята вне связи с феодальной рентой. Феодально зависимый крестьянин платил ренту вотчиннику, помещику, церкви или монастырю. Вместе с тем он обязан был уплачивать и «государевы» подати — налоги. Черносошный крестьянин платил государству и подати, и ренту, которые в данном случае сливались.

В нашей исторической литературе существуют противоположные точки зрения на этапы и формы докапиталистической ренты в России. Между тем изучение эволюции форм ренты представляет большой интерес, поскольку формы феодальной ренты соответствуют раз-

личным ступеням развития феодального способа производства. Как показывает развитие экономики, отдельные формы ренты не просто сменяли одна другую, но в некоторые периоды существовали в различных сочетаниях.

Формы ренты (отработочная, натуральная и денежная) соответствуют различным ступеням развития феодально-крепостнического способа производства. При этом господствующая форма ренты дополнялась другими формами. Так, в «Русской Правде» показано феодальное хозяйство с преобладанием отработочной ренты, но она сочеталась с элементами натуральной ренты, поскольку часть дани по мере роста феодальных отношений все более превращалась в ренту. Значение натуральной ренты в этот период было невелико. Таким образом, справедливо мнение, что в начальный период феодализма господствует отработочная рента, покоящаяся на неразвитости производительных сил, примитивности способа производства. На отработочной ренте, или на барщине, находились «закупы», в прошлом смерды, а потом зависимые от феодалов-землевладельцев люди, а также «изгои».

Отработочная рента не исключала и наличия оброка, но значение продуктовой ренты усилилось позднее, в период феодальной раздробленности. Сторонники концепции о том, что продуктовая рента была первой формой докапиталистической ренты на Руси, должны были бы доказать, как при примитивности способа производства, на котором покоится барщинный труд, возникла продуктовая рента, предполагающая более высокую культуру производства и труда. *Исторические документы (хотя и немногочисленные) убеждают нас в том, что в Киевской Руси преобладала примитивная форма отработочной ренты.* При этом крестьянин был заинтересован в повышении производительности труда только в то время, когда он работал в личном хозяйстве.

С развитием феодальных отношений в период феодальной раздробленности на первое место выдвинулась продуктовая рента, которая в большей степени стимулировала рост производительности труда. Однако примитивная барщина, отработочная рента, не исчезла, а существовала наряду с продуктовой. Так, акты Археологической экспедиции, дающие возможность судить о повинностях феодальных крестьян, свидетельствуют, что наряду с обязанностью платить оброк натурой

крестьяне из монастырских сел обязаны были: церковь строить, монастырь и двор огораживать, хоромы ставить, весь участок пашни игуменов сообща пахать, сеять, жать, сено косить и во двор отвозить, ухаживать за садами, являться на рыбную ловлю, пруды прудить, ходить на бобров и т. д. Следует отметить, что повинности крестьян, имевших рабочий скот, и «пешеходцев» не были одинаковы, следовательно, уже в тот период среди крестьянства существовало имущественное неравенство.

Вначале роль барской запашки была невелика, но постепенно значение ее увеличивается, и к концу XVI в. отработочная рента занимает уже важное место в экономике феодального хозяйства. Размер барской пашни достигал во второй половине XVI в. 35—50 %, а в монастырских вотчинах — свыше 40 % всей земли, находившейся во владении данного феодального хозяйства. Усиление барщины в России происходило в условиях роста поместной формы землевладения, интенсивно развивавшейся, как отмечалось, еще в конце XV в., особенно же в XVI и начале XVII в.

Рост отработочной ренты наблюдался и в период, когда феодальное государство все больше закрепощало различные группы зависимого крестьянства: старожильцев, новопорядчиков, половников, бобылей и т. п. Крестьяне отбывали барщину в поместьях и вотчинах, на монастырских, дворцовых и других землях. Барщина была широко распространена на Юге России. Однако при всех особенностях эксплуатации крестьян в отдельных районах страны несомненно, что в конце XVI в. значение продуктовой ренты снизилось вследствие роста отработочной ренты, а в известной степени, как покажем ниже, и денежной. Рост поместного землевладения, товарно-денежных отношений, закрепощения крестьян привел к усилению отработочной ренты, которая широко применялась не только в имениях помещиков, но и в вотчинах церкви, монастырей, царского двора и т. д.

Таким образом, после длительного господства натуральной формы ренты ей на смену вновь пришла отработочная рента (барщина, панщина), которая преобладала в России примерно с XVI в. до второй половины XVIII в. Растущие в это время товарные отношения сказались на отработочной рente. Прибавочный продукт, производимый крепостными в вотчине или поместье, в значитель-

ной степени шел уже не на потребление внутри вотчин, а на продажу, для рынка. Господствовавший класс добивался увеличения нормы эксплуатации и прибавочного продукта путем расширения барщины и закрепощения крестьянства.

Широкое развитие барщины наблюдалось в XVI в. не только в России, но и в некоторых странах, расположенных на восток от Эльбы: в Пруссии, Польше и др. Так, на украинских землях, входивших в состав Литовского феодального княжества, а потом панской Польши, крестьянство подвергалось сильной феодальной эксплуатации. Степень зависимости крестьянства была различной, но все большая часть крестьян лишалась права «выхода». Это же относится и к белорусскому крестьянству. Феодальный гнет был особенно тяжел в западноукраинских землях Польши. Рост товарного производства и рынка способствовал развитию товарно-денежных отношений, в результате чего росла эксплуатация. Захват южных и западных областей Руси не изменил существовавших там феодальных отношений. Крестьяне эксплуатировались не только на основе барщины и продуктовой ренты: с XV в. в связи с ростом рыночных отношений они начали платить и денежные оброки. Происходил процесс дальнейшего закрепощения крестьян, ликвидации общинного землевладения и увеличения феодальных повинностей (издание литовского статуса 1529 г., опубликование грамоты «Уставы на волоки» и др.). В конце XV в., судя по люстрациям (описям) мнений, кроме ренты в натуре часть крестьянства платила и денежный «чинш»; встречалась и отработочная рента в виде панщины, против которой украинские крестьяне вели ожесточенную борьбу. Следовательно, крестьяне уплачивали как денежную, так и натуральную ренту и еще отбывали барщину.

В конце XV и в XVI в. натуральная рента во многих местах заменяется отработочной рентой, панщиной, которая быстро росла на протяжении XVI и XVII вв. Согласно решению сейма 1519 и 1520 гг., крестьянин был обязан работать на землевладельца минимум один день в неделю, а в конце века становится нормой двухдневная и трехдневная панщина. Эксплуатация крестьянства польской шляхтой и феодалами-магнатами особенно усилилась во второй половине XVI и первой половине XVII в., после унии Литовского княжества с панской Польшей в 1569 г.

Экономическая зависимость крестьян дополнялась внеэкономическим принуждением. Третьим Литовским статусом 1588 г. крестьяне были лишены права перехода от одного феодала к другому, что означало окончательное закрепощение основной массы народа. К первой половине XVII в. польские феодалы завладели большей частью украинских земель и превратили крестьян в своих крепостных. Панщина достигла колоссальных размеров — в отдельных случаях до 4—5 дней в неделю.

Эксплуатация крестьянства стимулировалась ростом товарного производства и товарно-денежных отношений, большим спросом на хлеб, вывозимый в значительных количествах шляхетской Польшей в Западную Европу. Украинское и белорусское крестьянство подвергалось жесточайшей эксплуатации. Оно было обременено панщиной, различными видами натуральных сборов, всевозможными денежными поборами. Эксплуатация еще больше возрастала, когда имения сдавались в аренду; в этом случае крестьянин платил не только феодалу, но и арендатору земли.

Несколько иным было положение казачества. Но и казаки ощущали гнет польской шляхты, а часть их в XVII в. была обращена в крепостных. Спасаясь от крепостнической кабалы, украинцы уходили на юг, образуя вольные поселения казачества, организовавшегося позднее в Запорожскую Сечь, в «Христианскую казацкую республику».

Отдельные материалы характеризуют размер барщины в монастырских хозяйствах России в XVI в. В Троице-Сергиевом монастыре крестьянин за «выть» отрабатывал 1,5—2 десятины, платя еще и некоторый денежный и натуральный оброк¹, в конце века в этом же монастыре размер барщины значительно увеличился. В Константиновском монастыре в конце XV и начале XVI в. крестьяне должны были пахать на монастырь шестую десятину, «шестой жеребий».

В конце XVI в. в целях обеспечения хлебом армии правительство вводит так называемую десятинную пашню. Эта мера заключалась в том, что каждый крестьянин дворцовых государевых волостей обязывался вспахать на государя по 4 десятины земли. Это обязательная для государевых дворцовых крестьян «барщи-

¹ См.: Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Отд. 1. С. 755—770.

на». На крестьян, не несущих барщины, были возложены обязанности вносить посопный хлеб, денежные оброки и столовые запасы. Усиление барщины вызывало многочисленные выступления и восстания холопов и крестьян против феодалов.

На протяжении второй половины XVI, всего XVII и значительной части XVIII в. отработочная рента была господствующей формой эксплуатации феодального крестьянства не только в России, но и в ряде других европейских стран. Начало XVIII в. характеризуется расширением отработочной ренты и усилением барщины. Царское правительство вынуждено было признать (в 1719 г.), что «есть некоторые непотребные люди, которые своим деревням сами беспутные разорители суть, что ради пьянства или иного какого непостоянного жита вотчины свои не токмо снабдевают, или защищают в чем, но и разоряют, налагая на крестьян всякие неслосные тягости, и в том их бьют и мучат, и от того крестьяне, покинув тягла свои, бегают, и чинится от того пустота, а в государевых податях умножает доимка»¹.

В средних и мелких поместьях Центра страны была распространена отработочная рента (в чистом виде или дополненная натуральным оброком). Но довольно часто отработочная рента в то время продолжала дополняться натуральным оброком, и в очень редких случаях сочеталась с денежным оброком. Согласно нашим подсчетам (используя данные первой четверти XVIII в.), из 353 деревень барщина в чистой форме применялась в 91 деревне; в сочетании с натуральным оброком — в 92; с денежным — в 18; с натуральным и денежным — в 11 деревнях. Размер барщины был, конечно, далеко не одинаков в отдельных районах страны.

На Левобережной Украине, согласно универсалу 1701 г. и приказу Малороссийской коллегии, барщина не должна была превышать двух дней в неделю, но в некоторых хозяйствах она была больше. В северной части Левобережной Украины формально господствовала трехдневная барщина, в южной же части наиболее типична (во второй половине XVIII в.) была двухдневная.

Отработочная рента, барщина, была наиболее тяжелой формой эксплуатации крестьянства. При всей тяжести натурального или денежного оброка эти формы

¹ ПСЗ. Т. V. № 3294. С. 628—629.

ренты давали большую самостоятельность крестьянству и обуславливали большую заинтересованность его в труде. Так, если в 60-х годах XVIII в. оброчные крестьяне платили помещику около 2 руб. с души, то барщинным крестьянам повинности обходились в 7—8 руб., а в 90-х годах — соответственно 7 и 14—16 руб. Следовательно, степень эксплуатации барщинных крестьян, по этим данным, примерно вдвое превосходила повинности оброчных крепостных. В некоторых местах крестьяне работали на барщине по пять дней в неделю, в других — ежедневно, не исключая и воскресенья. Произволом помещика определялась также длительность рабочего дня и т. д.

Нередко помещики выбирали для отработки барщины дни с хорошей погодой, а в некоторых случаях обязывали крепостных обрабатывать сначала господские поля, а затем уже свои, что вело к потерям урожая у крестьян. Эксплуатация крестьян доходила до такой степени, что царское правительство вынуждено было издать специальный манифест¹ о непринуждении крестьян работать в воскресные дни (иногда этот манифест не совсем правильно называют в литературе манифестом о трехдневной барщине). В некоторых случаях отработочная рента определялась не числом дней, подлежащих отработке, а «уроком» на тягло, т. е. размером пашни, которую требовалось обработать.

Сильнее всего эксплуатировались помещичьи крестьяне, особенно барщинные. Как правило, крестьяне вотчинные, монастырские, помещичьи платили налогов несколько меньше, чем черносошные крестьяне и посадские люди, но если учесть размер феодальной ренты, которую уплачивала первая группа крестьян, то станет ясно, что степень их эксплуатации была выше, чем черносошных крестьян и посадских людей. Дополнительной формой отработочной ренты (кроме полевых работ) были работы крепостных на помещичьих фабриках и заводах — горных, винокуренных и др.

Продуктовая рента хотя и не играла ведущей роли, но не была уничтожена полностью в помещичьих хозяйствах. В Петербургской, Новгородской и Псковской губерниях сверх трехдневной барщины помещики собирали «пятину», т. е. пятый сноп всякого хлеба и пятую часть другой продукции: хмеля, капусты и т. д.

¹ См.: ПСЗ. Т. XXIV. № 17909. С. 587.

В западной части России размер барщины и различных натуральных поборов определялся так называемыми «инвентарями». В них указывалось по каждому имени количество земли, предоставленной крестьянину, и размер всевозможных повинностей. Записям этих инвентарей не следует очень доверять, поскольку их составляли сами помещики.

Отработочная рента дожила вплоть до отмены крепостного права. Более того, остатки крепостничества в форме отработок наблюдались в России и после уничтожения феодального способа производства. Феодальная эксплуатация крестьянства осуществлялась в различных формах. Испытывая нужду в рабочих руках, царское правительство еще в XVII в. приписывало к разным предприятиям государственных крестьян. Особенно широко практиковалась приписка крестьян к горным и другим предприятиям, а также к «корабельным лесам» в XVIII в. Приписные крестьяне должны были отрабатывать подушную подать на государственных и частных заводах, другими словами, государственный денежный налог (подушная подать) заменялся отработкой. Приписные отрабатывали подать за все числившиеся в данной деревне ревизские души, включая умерших после ревизии, беглых, стариков и детей мужского пола.

В 1762 г. насчитывалось 142 тыс. лиц мужского пола, приписанных к казенным и частным заводам. Из наказов крестьян видно, как жестоко эксплуатировались приписанные к заводам. Кроме того, они были лишены возможности нормально обрабатывать свои поля, их хозяйство приходило в упадок.

В ответ на растущую эксплуатацию крестьянство отвечало протестами, восстаниями. История революционного движения русского крестьянства богата проявлениями острейшей классовой борьбы с царизмом.

Феодальная эксплуатация осуществлялась также в форме десятинной, или государевой, пашни, обрабатывать которую приходилось государственным пашенным крестьянам в Сибири. Эта форма преобладала в XVII и начале XVIII в., затем она была дополнена натуральным и денежным оброком. В 60-х годах XVIII в. десятинную пашню заменили деньгами и оброчным провиантом.

Степень распространения отработочной ренты в отдельных частях страны была очень различна. Это зави-

село от многих обстоятельств: размеров земельных наделов крестьян, степени развития промыслов в деревнях, размеров поместий и т. д. Еще в XVII в. барщина была сильнее развита в районах, расположенных к югу от Москвы, а оброк — на севере и северо-востоке от столицы, но более резко разграничились барщинные и оброчные районы позднее.

Барщинные крестьяне преобладали в Курской, Тульской, Рязанской, Псковской, Тамбовской, Смоленской и других губерниях Великороссии. Высокий удельный вес барщинных крестьян был также и в Московской губернии, несмотря на то что в ней была развита в это время уже значительная промышленность, что объясняется, по-видимому, близостью дворянских усадеб к Москве как к большому рынку сбыта, а наряду с этим повышенным спросом на рабочие руки в Московской губернии.

Примерно в одной половине губерний (из 20) преобладала барщинная форма ренты, в другой — оброчная.

На Украине отработочная рента получила еще большее распространение, что было обусловлено меньшей развитостью промыслов, торговли и товарного производства вообще. Накануне крестьянской реформы 1861 г. удельный вес отработочной формы ренты в правобережных губерниях Украины составлял 97,4 %; в левобережных — 99,3 и в степных — 99,9 %. Тяжелой отработочной рентой характеризовались также губернии Прибалтики, где большой эксплуатации подвергалось крестьянство со стороны остзейских баронов, а географическое положение способствовало вывозу сельскохозяйственных продуктов на рынок морем.

Перед крестьянской реформой 1861 г. около 70 % крепостных крестьян в России находились на барщине и около 30 % — преимущественно на денежном оброке. Но было бы ошибкой на таком основании делать заключение о том, что и в этот период отработочная форма ренты господствовала в экономике феодализма. Крепостные помещичьи крестьяне составляли всего примерно половину населения России. Кроме того, они, как уже отмечалось, уплачивали государственный налог в денежной форме. Иногда помещичьи крестьяне летом отбывали барщину, а зимой находились на оброке. Бывало и так, что в одном хозяйстве часть мужчин находилась на барщине, а часть — на оброке. В первой

половине XIX в. в поместьях встречались все виды докапиталистической ренты. Оброчная форма эксплуатации распространялась все шире, но преобладала она лишь в помещичьих хозяйствах нечерноземных великорусских губерний. Источником денежного оброка при этом был не только прибавочный труд занятых в сельском хозяйстве, но и в известной степени и труд крестьян-отходников: в городах на фабриках, на «кустарных» промыслах.

Удельный вес барщинной феодальной эксплуатации среди помещичьих крестьян был в целом выше оброчной (несмотря на рост последней в первой половине XIX в.). Процент барщинных крестьян в отдельных губерниях России даже увеличился. Это вызывалось теперь уже не ростом потребностей натурального хозяйства вотчины, как на ранней стадии феодализма, а расширением рынка, товарно-капиталистических отношений в стране. При общем снижении роли барщины и увеличении в некоторых губерниях роли денежной ренты иногда наблюдался и обратный процесс, но сама барщина заметно изменилась.

Таким образом, отработочная рента в ее примитивной форме, возникнув еще на ранней стадии феодализма, существовала на протяжении всего феодального периода. При этом роль ее на отдельных исторических этапах развития России была не одинаковой.

Период феодальной раздробленности на Руси, по справедливому мнению большинства наших историков, характеризуется значительной ролью продуктовой ренты, которая в большей степени стимулировала повышение производительности труда. По мере роста феодальных отношений примитивная отработочная рента уступила место продуктовой. Возникновение продуктовой ренты было явлением прогрессивным, поскольку обуславливало рост самостоятельности и хозяйственной инициативы крестьянина. Переход к продуктовой ренте способствовал подъему не только сельского хозяйства, но и ремесла, товарного производства в стране. Вместе с тем рента продуктами достигала иногда таких размеров, при которых она представляла серьезную угрозу воспроизводству самих условий труда. Феодальный крестьянин уплачивал ренту продуктами сельского хозяйства и в некоторых случаях изделиями промышленности. Продуктовая рента играла особенно большую роль на Руси примерно в течение XII—XVI вв.

Немногие материалы, которыми мы располагали для

с 1009,5 обж (42,7 %), посопным хлебом — с 1097,3 (46,4 %), деньгами с 256 обж (10,9 %). В Деревской пятине в конце XV в. с площади 12 432 обжи 34 % платили долей урожая, 34,6 — посопным хлебом и 31,4 % — деньгами, а в 1551 г. долей урожая платили только с 16,6 % обж. В Обонежской пятине в 1565/66 г. на 2748,9 обжи на долевой оброк приходилось 176,6 обжи, или 6,4 %, на посопный хлеб — 17,9 на денежный оброк — 75,7 %. Таким образом, в этой пятине денежный оброк равнялся $\frac{3}{4}$.

Из новгородских книг видно, что взимание оброка: половины, трети, четверти и пятины — было весьма распространено. Когда бралась третья, четвертая и пятая часть хлеба, крестьянин чаще всего уплачивал землевладельцу деньги. В писцовых книгах, как правило, указывается не только новый доход, т. е. размер ренты после составления Новгородских переписных книг Московским правительством, но и норма старого оброка.

В некоторых случаях весь оброк уплачивался деньгами точно так же, как мелкий доход и «корм волостелин», который был равен 108 деньгам с 25 обж, или с 1 обжи 4 деньги с лишком. Ряд волостей стал уплачивать оброк и корм исключительно деньгами¹. В конце XVI в. в некоторых пятинах на великокняжеских землях почти полностью господствовала денежная рента.

В 1496 г. Московское правительство подвергло «переоброчке» все великокняжеские земли, т. е. установило новый размер оброка. По письму того года, на двор и на человека в среднем приходилось оброка меньше, хотя по отдельным волостям встречались и обратные соотношения; в расчете на обжу платежи в большинстве волостей увеличились.

Размер оброка, несмотря на его различия в отдельных волостях, имел общую тенденцию роста. К 1563 г. размеры оброка значительно увеличились, и взимался он в великокняжеских волостях преимущественно в денежной форме.

Во всех хозяйствах изъятие прибавочного продукта у крестьян происходило в форме натуральной и денежной ренты, и лишь в новгородских великокняжеских волостях, как уже отмечали, — преимущественно в денежной форме. В конце XVI в., если брать не только

¹ См.: Новгородские писцовые книги. СПб., 1859. Т. II. С. 8, 10, 11.

условия Новгорода, продуктовая рента играла все еще значительную роль, постепенно уступая преобладающее место отработочной ренте. В следующие два столетия отработочная рента стала главной формой эксплуатации крепостного крестьянства, но продуктовая рента, не играя уже основной роли, сохраняется на весь период господства феодально-крепостнического строя.

Правда, в начале XVIII в. в чистом виде она встречалась редко. Из материалов по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. видно, что из 353 рассмотренных деревень натуральная форма ренты была лишь в 29 деревнях. Натуральная форма ренты в чистом виде встречалась довольно редко, но значение ее было существенным, поскольку натуральный оброк служил дополнением барщинной и денежной ренты. С учетом этого надо считать, что в форме натуральной ренты в это время извлекалось из крестьянского хозяйства около четверти прибавочного продукта.

В инструкции, составленной помещиком и крупным историком В. Н. Татищевым, предусматривался значительный размер ренты с каждого тягла. По расчетам, выполненным одним из помещиков Ярославской губернии (1797—1798 гг.), в его поместье от крестьянской семьи при двух полноценных работниках поступило в среднем 32 р. 55 к., в том числе 16 р. 25 к. деньгами и 16 р. 30 к. натурой — рожью, овсом, ячменем, пшеницей, маслом, льном, холстом, яйцами, мясом и т. д.¹

В экономической истории России нередко наблюдался возврат к натуральной ренте, хотя бы в форме государственного налога. Царское правительство вынуждено было иногда получать с крестьян продукты вместо денег (или части их). Так, в 1710—1711 гг. взимался окладной провиант в Московской губернии «с дворцовых и помещиковых по 3 четверика, с архиерейских и монастырских по 5 четвериков, с церковных по 7 четвериков... со двора». Дворянство представило в Комиссию по выработке нового Устава (1767 г.) проект о сборе в одних районах страны вместо фуража денег, а в других — провианта и фуража вместо подушных денег.

В значительной степени натурой платили подати и жители Сибири (ясачные народы и пашенные крестья-

¹ См.: Русская старина. СПб., 1876. Т. XVI. С. 567—568.

яне), поскольку товарно-денежные отношения там были развиты слабее. Подати и натуральная рента продолжали существовать еще долгое время, не играя уже былой роли. Так, в 1783 г. было оставлено в силе прежнее постановление о сборе провианта и фуража с крестьян Лифляндии и Эстляндии. Казенные и помещичьи крестьяне Костромской, Ярославской, Тверской и Новгородской губерний в конце XVIII в. часть податей тоже платили натурой.

В Восточной Сибири (Илимский уезд) повинности пашенного крестьянства государству вначале состояли в обработке государевой пашни (четыре десятины себе и одну государству, а с пашни сверх четырех десятин крестьянин сдавал поначалу десятый, а затем пятый сноп). В середине XVII в. государева пашня превратилась просто в пятую часть обязательного посева крестьянина. С начала XVIII в. крестьяне переводятся на уплату «отсыпным хлебом»; кроме того, пашенный крестьянин вносил оброчный хлеб за пользование излишней землей. Хлебные недоимки в 1714 г. составляли в Илимском воеводстве 34,7 % всех платежей. Но едва ли не самыми тяжелыми натуральными повинностями для этих крестьян были ямская и подводная гоньба.

В начале второй половины XVIII в. пашенные крестьяне Сибири были переведены на уплату денежного налога. Широко распространилась продуктовая рента в имениях духовного ведомства, но и здесь она не играла такой ведущей роли, как в период феодальной раздробленности. Секуляризация церковных земель и перевод монастырских крестьян на денежную ренту освободили их от отработок и платежа натурального оброка.

Натуральная рента была распространена также в некоторых районах, вошедших в состав России. Так, в Грузии после ее присоединения к Русскому государству среди форм эксплуатации помещичьих крестьян преобладала продуктовая рента, затем барщина. Среди всего крестьянства (помещичьего, казенного, церковного) в Грузии после 40-х годов XIX в. господствовала денежная рента.

Спорадическое возникновение денежной ренты в виде денежного оброка на Руси, как мы видели, наблюдалось еще во второй половине XV в. и было связано с ростом товарно-денежных отношений, торговли и т. д. Введение денежной ренты — новый этап в развитии

товарного производства. Она открыла широкий простор для наживы, для присвоения прибавочного труда.

Следует подчеркнуть, что каждая новая форма ренты отражала известный рост производительных сил феодального способа производства. При денежной ренте крестьянин должен был часть своего продукта превратить в товар, реализовать на рынке. Развитие денежной ренты вело к усилению имущественного неравенства в феодальной деревне. В Новгородском княжестве еще до его присоединения к Москве в некоторых крупных вотчинах, в особенности в тех, в которых развились промыслы, денежные платежи уже превышали натуральные; были деревни, платившие ренту исключительно деньгами. В вотчинах крупнейшего феодала Новгородской земли Б. Есипова чистая денежная рента шла с 78 обж, или примерно с 6 % всех его владений; в его вотчинах денежная рента составляла около трети получаемой им феодальной ренты, а в вотчинах М. Борецкой — даже около половины¹. В вотчинах средних и мелких феодалов роль денежной ренты была меньше, чем в крупных боярских и монастырских вотчинах, но все же составляла 10—15 %, а в отдельных имениях — до 30—40 %. Присоединение Новгорода к Москве и конфискация земель светских феодалов и церкви, передача их великому князю повысили роль денежной ренты в этой части страны.

Возникновение и рост денежной ренты характерны не только для Новгорода, но и для других частей страны. Это подтверждают писцовые книги Московского государства. У крестьян Костромского уезда, Тверского, Коломенского и Угличского районов многие повинности заменялись денежной рентой. В отдельных селах, принадлежавших Волоколамскому монастырю, как исключение платили оброк только деньгами. Точно так же часть крестьян Троице-Сергиева монастыря в конце XVI в. уплачивала феодальную ренту деньгами.

В XVI в. наблюдался процесс не только роста отработочной ренты, но и замены натуральной ренты, государственных налогов и других крестьянских повинностей деньгами. Платеж денежной ренты крестьянством в условиях слабого развития денежных отношений представлял большие затруднения. Недаром Ерма-

¹ См.: Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955. С. 129, 146.

лай Еразм, писатель середины XVI в., возражал против сбора с крестьян денег и ратовал за натуральный оброк, вносимый хлебом в размере $\frac{1}{5}$ урожая.

Характерно, что в денежную ренту превратилась прежде всего та часть прибавочного продукта, которая изымалась в форме государственных налогов. Еще великий князь Василий Дмитриевич в своих владениях брал по рублю с двух сох. Иван III брал со всех волостей новгородских по полугривне с сохи. В середине XVI в. была ликвидирована так называемая натуральная кормленная система — основная форма феодальной эксплуатации «черного» крестьянства и посадов; корма были заменены денежным «окупом». Размер «окупа» был неодинаков на различных землях: в поместьях и вотчинах — 42 алтына 4 деньги с сохи.

Несколько позднее И. Пересветов высказывался за то, чтобы содержание армии полностью перевести на деньги¹. В денежной форме, как правило, уплачивался и бобыльский оброк.

Во второй половине XVI в. усиливается эксплуатация феодального крестьянства. Войны Ивана Грозного и тяжелейшая из них Ливонская война, опричнина потребовали огромных расходов. Крестьянство было переобременено уплатой феодальной ренты и многочисленных государственных налогов. Ряд натуральных повинностей заменялся деньгами. При этом продолжалось взимание государственных налогов и натурой.

Налоги на «черных» и дворцовых крестьян в значительной степени сливались с феодальной рентой, и их трудно разграничить. Государственное обложение поместных и вотчинных земель не отличалось многообразием. Во второй половине XVI и в начале XVII в. частновладельческие крестьяне (поместные, вотчинные и монастырские) платили три постоянных налога: полоняничные деньги, откупа за наместнический корм и ямские деньги — всего 13 рублей 9 алтын 2 деньги с сохи.

Несомненно, что на протяжении XVI и XVII вв. поднималось значение денежной ренты. Диалектика экономического развития России этого периода состояла в том, что по мере роста торговли, денежного обращения и товарного производства наряду с барщиной увеличивалась роль и денежной ренты.

¹ См.: Ржигя В. Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908. С. 62.

Не следует забывать, что кроме денежных платежей податное население было обременено и натуральными повинностями: поставкой хлеба, лошадей, выделением людей на строительство городов и т. д. Кроме подушной подати Петр I обложил четырехгривной податью с души черносошных и пашенных крестьян, половников, некоторые народности, платившие ясак, и «других им подобных, которые не за помещики»¹. Вот эта четырехгривная подать и получила название оброчной (оброк). Крепостной принадлежал своему помещику и платил ему ренту, а государственный крестьянин облагался государством сверх подушной подати оброком — по аналогии с помещичьим крестьянином.

Четырехгривный оброк государственных крестьян представлял дополнительную форму феодальной эксплуатации. Само правительство не скрывало того, что этот оброк введен потому, что все другие группы крестьянства платят кроме государственных налогов своим владельцам ренту. Четырехгривные деньги следует брать, читаем в одном из указов, «только с одних государственных крестьян и с прочих им подобных, которые себе помещиков и никаких владельцев, кроме Императорского Величества, не имеют»².

Принцип добавочного обложения сверх подушного оклада позднее был распространен на татар и украинцев. Оброчная подать росла значительно быстрее собственно подушной подати. Уже в 1745 г. она была увеличена на 15 коп. и затем увеличивалась в 1761 г., 1768 г., 1783 г., 1797 г., 1810, 1812, 1823 гг. и т. д., так что в результате государственный оброк равнялся в 1760 г. 1 руб., в 1768 г. — 2, в 1783 г. — 3 руб., а в 1839 г. в некоторых губерниях он достигал 10 руб. с души. Правительство обычно мотивировало увеличение оброчной подати ростом количества денег, находящихся в обращении, ростом цен, благосостояния населения и прочими доводами. Следовательно, рост эксплуатации помещичьих, церковных и других групп крестьян использовался царским правительством как оправдание усиления эксплуатации крестьян, приписанных к казенным заводам. Подушную подать высчитывали также из заработанных ими на этих заводах денег.

С момента возникновения и до крестьянской ре-

¹ ПСЗ. Т. VII. № 4332. С. 137.

² ПСЗ. Т. VIII. № 5228. С. 9.

формы 1861 г. подушная подать возросла в несколько раз не только номинально, но и в реальном выражении. Еще быстрее вырос государственный оброк, т. е. собственно феодальная рента; в результате удельный вес ренты накануне реформы в общих платежах государственных, экономических и удельных крестьян значительно повысился. Рента превосходила в несколько раз размер подушного оклада, в то время как в период введения подушной подати соотношение было противоположным.

На протяжении XVIII в. значение денежной ренты увеличивалось. Встречались единичные случаи, когда землевладельцы взимали с крестьян (при наличии барщины) одновременно деньги и продукты. В случае неуплаты как натуральных, так и денежных оброков крестьян ожидала жестокая расправа.

В XVIII в. денежная форма докапиталистической ренты в виде оброка получила широкое распространение и в помещичьих хозяйствах. На протяжении этого столетия ее размер возрос в несколько раз, колеблясь в отдельных местах от 1 до 100 руб. и даже больше.

В связи с ростом дифференциации внутри крепостной деревни в XVIII в., а также с ростом неземледельческих занятий размер денежного оброка с крестьян в отдельных вотчинах был различен. Среди оброчных крестьян имелись и богатые, и такие бедняки, которым платить оброк было не под силу. Татищев в инструкции своему приказчику советовал таких крестьян отдавать в батраки другому крестьянину, который будет платить за них подать и владеть их землей.

Но как ни тяжел был оброк, он создавал большие возможности для хозяйственной самостоятельности крестьян и улучшал их положение по сравнению с самой тяжелой формой эксплуатации — барщиной. Чем больше была развита отработочная рента, тем сильнее действовало внеэкономическое принуждение.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями преодолевалось переходом к новой форме ренты и усилением внеэкономического принуждения. В поисках путей повышения производительности труда в сельском хозяйстве и увеличения доходности имений крепостники-помещики все больше заменяли барщину оброком (особенно в промышленных губерниях России). Размер прибавочного продукта, отчуждаемого у крестьянина в пользу поме-

щика, устанавливался заранее. Однако введение оброка не могло решить общей задачи повышения производительности труда в сельском хозяйстве. Оброк тормозил рост производительности уже тем, что помещики, увеличивая его размер, создавали атмосферу неуверенности среди крестьян; это снижало заинтересованность последних в труде. К тому же помещики давали оброчным крестьянам наихудшие земли. Справедлива меткая характеристика оброка, данная Н.Г. Чернышевским: «Размер оброка не зависит ни от обычая, ни от закона, он весь в произволе»¹.

В первой половине XIX в. размер частновладельческого оброка продолжал расти. В период разложения и кризиса крепостного хозяйства наряду с оброком появились и приобрели большое значение новые формы доходов помещиков: сдача в аренду не находившейся в пользовании у крестьян земли, сдача в аренду мануфактур, мельниц, леса и т. д. Были и такие старые феодальные формы доходов помещиков, как сборы с выходящих замуж за пределы вотчины девушек-крестьянок (по 200 руб.), штрафы на незамужних в возрасте от 19 до 30 лет (по 50 руб. в год). Видную статью доходов стали составлять деньги, которые платили богатые крестьяне, выкупавшиеся на волю, откупы крестьян от рекрутской повинности и т. д.

За неуплату оброчных денег помещики приговаривали крестьян к различным телесным наказаниям, штрафам, отправляли их в рекруты, ссылку и т. д.

Значительную группу составляли монастырские, синодальные и архиерейские крестьяне. Монастырские хозяйства отличались крупными размерами. Так, Троице-Сергиевому монастырю принадлежало 106 тыс. душ крестьян. Особенно многочисленные владения церкви были на Севере России. Крестьяне, принадлежавшие церковным учреждениям, платя денежную подушную подать государству, обязаны были вносить феодальную ренту церкви в форме барщины, продуктами или деньгами. Испытывая острую потребность в доходах, Петр I лишил в 1701 г. духовенство права управлять вотчинами, учредив особый Монастырский приказ. Крестьянство церковных поместий стало платить феодальную ренту не церкви, а государству. Правда, этот порядок

¹ Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. Т. I. С. 468.

просуществовал недолго. При Петре III делается попытка сверх подушной подати заставить крестьян уплачивать денежный рублевый оброк церковным учреждениям или отбывать барщину. На усиление этой феодальной эксплуатации крестьянство ответило массовыми волнениями, под влиянием которых царское правительство и осуществило секуляризацию церковных владений, передав их управление в особую Коллегию экономики в 1764 г. Крестьяне церковных учреждений после этого стали уплачивать сверх подушной подати по 1,5 руб. с души денежного оброка, который рос и дальше: с 1768 г. — по 2 руб., а с 1783 г. — по 3 руб. (т. е. церковные крестьяне были приравнены в этом отношении к государственным).

Таким образом, и для крестьян, принадлежавших церкви, во второй половине XVIII в. основным бременем стала денежная рента. Этот процесс усиления эксплуатации захватил и другие группы феодального крестьянства. Денежная рента стала основной формой эксплуатации и крестьян, принадлежавших духовенству. В то же время экономические крестьяне не были освобождены от таких повинностей государству, как дорожная, подводная, постоянная, а некоторые должны были работать на заводах, принадлежавших казне.

Дворцовое землевладение возникло еще в период феодальной раздробленности и увеличилось за счет захватов, купли и конфискации частновладельческих земель. В первой половине XVIII в. дворцовые крестьяне вносили своим владельцам деньги, продукты или отработывали барщину. Но и среди них все большую роль стала играть денежная рента. В 1768 г. денежная рента с дворцовых крестьян повысилась до 2 руб. и сравнялась с оброком казенных крестьян, а в 1783 г. до 3 руб. К этому времени дворцовая запашка нигде уже не существовала.

Любопытно, что в связи с переименованием дворцовых крестьян в удельных денежный оброк стали собирать не с числа людей, а с количества обрабатываемой крестьянами земли. Подушную подать дворцовые крестьяне платили до 1794 г. в размере 70 коп., а затем она была увеличена в одних губерниях до 1 руб., а в других — до 85 коп., причем часть возросшей подушной подати оплачивалась натурой: рожью, крупой и т. д. Особенно жестоко эксплуатировались дворцовые крестьяне в центральных районах страны.

Кроме крепостных помещичьих крестьян и крестьян, принадлежавших двору, царской фамилии, духовному ведомству, в XVIII в. определенную группу составляли государственные крестьяне, черносошные крестьяне, жившие преимущественно на Севере; в начале 60-х годов XVIII в. их насчитывалось 627 тыс. За первую половину XIX в. численность государственных крестьян увеличилась, а крепостных — уменьшилась. Государственные крестьяне занимали главным образом районы Приуралья, Севера России, Среднего и Нижнего Поволжья, Юга страны.

Как мы уже отмечали, черносошные и пашенные крестьяне обладали по сравнению с другими группами крестьян наибольшей самостоятельностью в рамках феодално-крепостного хозяйства, но и их положение было крайне неустойчиво: в любое время по решению царской власти они могли стать и становились крепостными, частной собственностью какого-либо феодала-помещика. Черносошные крестьяне уплачивали подушную подать в размере 70 коп., а с 1794 г. — по 1 руб. с души, в некоторых губерниях эту разницу в подушной подати крестьяне должны были платить наполовину хлебом.

Государственные крестьяне наряду с исполнением таких повинностей, как подводная, дорожная, должны были обрабатывать в Сибири (как мы уже указывали) десятинную пашню, замененную в 60-х годах XVIII в., после волнений крестьян, денежным налогом и частично оброчным провиантом. К этому времени производство продукции сельского хозяйства Сибири уже значительно увеличилось. Десятинная, или государева, пашня пашенных крестьян Сибири, дополненная позднее натуральным и денежным оброком, была главной формой эксплуатации в XVII и начале XVIII в. Во второй половине XVIII в. денежная рента у этой группы крестьян начинает теснить все другие поборы. Денежный оброк, уплачиваемый черносошными крестьянами, равнялся в 1760 г. 1 руб. с души, а в 1768 г., как и с казенных крестьян, — 2 руб. и с 1783 г. — 3 руб. с души.

Государственные крестьяне Правобережной Украины, Белоруссии и Прибалтики находились на так называемом хозяйственном положении. Поскольку государственная земля в этих районах сдавалась в аренду (посессию), то в конечном счете государственные крестьяне там как бы тоже находились на своеобразной барщине у крупных арендаторов (посессоров). В то же

время часть крестьян платила денежную ренту (чинш) и натуральную (данины). Государственные крестьяне других районов платили денежный оброк. Размер барщины, чинша и данин определялся инвентарями.

От государственных и крепостных крестьян отличалось положение так называемых посессионных крестьян, приписанных к заводам и фабрикам (посессионных нельзя было продавать отдельно от завода; правом владения ими пользовались не только дворяне).

До 1747 г. посессионные работники-крестьяне не платили государственных податей. Но в 1747 г. они были обложены семигривным подушным окладом, в то время как государственные крестьяне, приписанные к заводам, платили подушную подать и оброк.

Еще раз подчеркнем, что феодализму в России были свойственны все формы докапиталистической ренты. Возникновение новой формы ренты не вытесняло полностью старой; поэтому правильнее говорить о преобладающей форме ренты на том или ином историческом этапе.

В последней четверти XVIII и первой половине XIX в. преобладающая доля прибавочного продукта, созданного феодальным крестьянством России, присваивалась земельными собственниками (государством, помещиками, церковью) в форме денежной ренты при сохранившейся существенной роли отработочной ренты и слабом значении натуральной.

**ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА
(ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, РЕМЕСЛО,
МЕЛКОТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО,
МАНУФАКТУРА И ФАБРИКА)**

В феодально-крепостнической России существовали различные формы промышленности (домашнее производство, ремесло, мелкое товарное производство, мануфактура и фабрика). Значение их было неодинаково на отдельных этапах эволюции феодального общества. По мере развития феодализма возникали новые формы промышленного производства, роль старых форм снижалась, хотя они иногда и возрождались на новой основе. Отдельные формы промышленности были тесно связаны друг с другом.

Домашняя промышленность, возникшая еще в дофеодальный период, играла в эпоху феодализма большую роль, но по мере развития ремесла, товарного производства значение ее снижалось. Тем не менее даже в конце XIX в. она еще была распространена, особенно в захолустных районах.

Собственно домашняя форма промышленности не представляла собой отрасли производства, поскольку была неотделима от сельского хозяйства. Домашняя выработка шерсти, полотна, домашнее мукомолье, производство одежды, обуви, утвари и т. д. для собственных потребностей из принадлежавшего крестьянам сырья — неизбежный спутник натурального крестьянского хозяйства. О том, как широко эксплуатировал домашнюю форму промышленности господствующий класс в эпоху феодализма, свидетельствует тот факт, что наряду с продуктами земледелия феодальное крестьянство платило натуральную ренту собственнику земли продуктами промышленности — пряжей, холстом, сукном и т. д. Об этом повествуют писцовые книги Московского государства и другие источники.

Домашняя промышленность, ремесло и мелкотоварное производство особенно были распространены в центральных районах. В 60-х годах XVIII в. свыше 60 %

крестьянского населения Московского уезда было занято в домашней промышленности. Но в тот период она в значительной степени уже перестала быть типичной формой домашнего производства, поскольку часть ее продукции предназначалась для рынка. В результате домашняя промышленность, подчиняясь законам капиталистического производства, превратилась в капиталистическую форму промышленности.

В некоторых центральных и северных губерниях (Московской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Петербургской и др.) полевые работы возможны лишь в течение пяти-шести месяцев в году, поэтому здесь развивалась своя домашняя промышленность. Имелись деревни, в которых крестьяне из поколения в поколение занимались ткачеством, слесарным делом, сапожничали и т. д.

Домашнюю промышленность не следует смешивать ни с ремеслом, т. е. производством изделия по заказу потребителя, ни с мелкотоварным производством, ни с капиталистической работой на дому. Капиталистическая домашняя промышленность не имела ничего общего со старинной домашней промышленностью, которая предполагает наличие независимого городского ремесла и самостоятельного крестьянского хозяйства.

Ремесло было первой формой промышленности, которая выделилась из патриархального сельского хозяйства. Материал принадлежал при этом потребителю-заказчику или ремесленнику, а труд ремесленника оплачивался либо деньгами, либо натурой. Ремесло, необходимая составная часть городского производства, было распространено в значительной степени и в деревнях. Часть сельского населения занималась либо исключительно ремеслом — выделкой кож, шитьем обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в муку и т. д., либо сочетала эту работу с земледельческим трудом.

Немецкий экономист К. Бюхер неправильно утверждал, что ремесло составляет специфически городское явление, и еще более был неправ, когда отрицал наличие ремесла в России, полагая, что народы, подобные русским, не создали городской жизни и национального ремесла. В условиях чистой ремесленной формы производства вначале главенствует не товарное производство, а лишь товарное обращение. По мере развития

товарно-денежных отношений ремесленник начинает производить для рынка, т. е. становится мелким товаропроизводителем.

Ремесло прошло длительный путь развития. Еще в первых веках нашей эры в ряде поселений восточных славян оно начало отделяться от сельского хозяйства. Этот процесс завершился к IV—V вв. Зарождение производства ремесленного характера в южных частях восточнославянской земли относится к началу нашей эры¹, а в начале второй половины I тысячелетия нашей эры уже выделялись ремесленники, обрабатывавшие металл².

Распространение у славян в дофеодалный период токарного дела и обработки металла, ювелирно-литейного производства, литья из меди, бронзы и прочих металлов, как и наличие некоторых других ремесел, доказываются археологическими данными. В отдельных пунктах Среднего Приднепровья в VI—VII вв. выделились специалисты-ремесленники, занимавшиеся литьем из бронзы и серебра. В Среднем Приднепровье в VI—VIII вв. существовали специалисты-ремесленники, обрабатывающие металл. У восточных славян были распространены добыча и ковка железа, литье меди, тиснение золота и т. д.

Возникновение у славян Киева, Новгорода, Смоленска и других городов свидетельствует о росте ремесла. При раскопках Пскова были обнаружены следы горнов, относимых археологами к IX—X вв. В VII—IX вв. появляются поселки ремесленников, где было распространено кузнечное, литейное, гончарное, ювелирное, костерезное и другие производства. С возникновением городов развиваются *две формы ремесел — городское и деревенское.*

Основная часть ремесленников сосредоточивается в городах, где концентрировалась и преобладающая часть торговли. Многие древние городища превращались в города; немалая часть их располагалась по пути «из варяг в греки». В Среднем Приднепровье города как укрепленные поселки со значительным числом ремесленного населения возникли ранее VIII в.³

¹ См.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 273.

² См.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 85.

³ См. там же. С. 99.

Города оказали большое влияние на развитие ремесла; в свою очередь выделение ремесла в немалой степени способствовало превращению некоторых поселений в города. Городские поселения образовывались на базе укрепленного пункта, вотчины или общины, но всегда в результате общественного разделения труда в них преобладало ремесленное и торговое население. Развитие города как ремесленного и торгового центра есть прежде всего показатель роста внутреннего рынка.

Период Киевской Руси — это время сравнительно интенсивного развития ремесла. Ремесленники уже представляли собой особую группу населения. Жизнь ремесленника оценивается сравнительно высоко: за убийство его «Русская Правда» определяет виру 12 гривен, т. е. в 2 раза с лишним больше, чем за убийство холопа или смерда. То обстоятельство, что в «Русской Правде» зафиксированы уже юридические нормы, касающиеся ремесленников, указывает на давний процесс отделения ремесла от сельского хозяйства.

Городское ремесло на протяжении IX—XII вв. было весьма развито. Можно отметить следующие профессии ремесленников этого периода: кузнецы и оружейники, ювелиры, литейщики, ковали, копьевщики, плотники, столяры, резчики по кости, чеканщики, ткачи, гончары и др.

Окраины русских городов, таких, как Новгород, назывались «плотницкими» или «гончарскими» концами, потому что там жили ремесленники. Исторические памятники в различных частях Руси свидетельствуют о добыче в «домницах» железной руды. Производством оружия (мечей, панцирей, кольчуг, шлемов), топоров, серпов, заступов, пил, замков и т. д. занималась значительная группа ремесленников, преимущественно городских. О росте ремесленного производства в XI—XII вв. свидетельствует увеличение числа городов. Если в IX—X вв. было известно лишь 26 городов, то в XI в. — 62 города, а в XII в. — 119.

Продукция ремесленников находила сбыт не только внутри страны, но и за ее пределами: в Польше, Чехии, Швеции и других странах. Киевская Русь, особенно Киев, Смоленск и Новгород, характеризуется высокой степенью развития ремесленно-промышленного производства: возникновением новых приемов обработки железа и стали, появлением гончарного круга, возник-

новением производства стекла, эмали и др. Началось изготовление кирпича, каменное строительство. Ремесло было распространено также во Владимире, Рязани, Галиче, Полоцке и других городах.

В XII в. росло ремесло в городах на территории западных русских земель: в Витебске, Гродно, Минске, Пинске и др.

Ремесла существовали также в деревнях и вотчинах, но в городе уже в тот период они развивались быстрее, хотя и в деревне ряд промыслов к этому времени выделился в самостоятельные ремесла. Раньше других обособляются кузнечное, гончарное и литейное дело. Такие промыслы, как обувной, одежный, изготовление утвари, строительство жилищ, становятся ремеслами позднее.

В период Киевской Руси насчитывалось до 64 специальностей ремесленников, причем в это число не включены профессии, которые не были ремеслом в полном смысле слова, например профессии повара, пекаря, скомороха, гусяря, лекаря и т. д.

Рост городского ремесла продолжался вплоть до татарского нашествия. Монголо-татарское иго, подорвав производительные силы Древней Руси, нанесло урон ремеслу, особенно городскому. Ремесленников в большинстве случаев превращали в рабов. Многие отрасли городской ремесленной промышленности вовсе прекратили существование и возникли вновь лишь полтора-два столетия спустя.

Только в конце XIV в. отмечается прогресс в промышленности, в первую очередь в Новгороде, меньше всего пострадавшем от татарского ига. К этому времени относится возникновение артиллерии, более широкое по сравнению с Киевским периодом распространение водяных мельниц; налаживается чеканка монет, начинают применять вместо пергамента бумагу, появляются в городах прялки, возникают мастерские по изготовлению книг и т. д.

Меньшие изменения в области техники и организации происходили в вотчинном и деревенском ремесле, хотя степень отделения ремесла от сельского хозяйства увеличилась, несколько изменилась техника ремесла и т. д. Усилившаяся связь городского ремесла с рынком и превращение ремесленного производства в некоторых отраслях в мелкотоварное меньше коснулось деревенских и вотчинных ремесел; тем не менее и они в конце XIV и в XV в. иногда перерастали потребности замкну-

той натуральной хозяйственной единицы (вотчины, деревни) и устанавливали связи с рынком.

В древнейших Новгородских писцовых книгах встречались следующие профессии ремесленников: домники, кузнецы, ведерники, серебрянники, гончары, сапожники, кожевники, овчинники, седельники, швецы, колпачники, бочешники, решетки, ситники, токари, мельники, жерновники, пивовары, сольники, дегтяри, коневые лекари, кровопуски, плотники, огородники, скоморохи и каточники. Конечно, не все эти профессии находились на стадии ремесла, но они характеризуют численность и состав неземледельческого населения. Большую группу деревенских ремесленников составляли кузнецы, значительная часть которых уже в тот период не была связана с сельским хозяйством (не имела пашни), особенно в районах расположения домниц. Ремесло все больше отрывалось от земледелия, о чем можно судить по увеличению числа непашенных ремесленников.

Начиная с середины XVI в. развиваются отдельные крестьянские промыслы (железодельный, солеваренный), выделяются районы с преобладанием определенного промысла, работающего на относительно широкий рынок. Натуральный оброк, взимавшийся с ремесленников изделиями и сельхозпродуктами, с середины XV в. заменяется в ряде мест денежным.

Как указывалось выше, ремесло вначале не было товарным, но затем, по мере того как ремесленник начал выпускать продукцию для рынка, развивалось товарное производство, а ремесленник превращался в мелкого товаропроизводителя.

Не следует смешивать различные формы промышленности. Под ремеслом нередко понимали всю мелкую промышленность не только XVI и XVII вв., но и более позднего времени, хотя среди ремесленников, или, как их чаще называли, «кустарей», было много мелких промышленников. Термин «кустарные промыслы» в большинстве случаев включал понятия различных экономических форм производства. Возникновение низшей стадии товарного производства, едва отделившегося от ремесла, относится к раннему периоду феодализма. Поэтому нам кажется неосновательным относить возникновение «зачаточных форм товарного производства» к концу XV и к первой половине XVI в.¹

¹ См.: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1954. Кн. 2. С. 127.

Возникновение товарных отношений в русской промышленности относится к значительно более раннему, чем XV—XVI вв., периоду: уже Киевской Руси были свойственны элементы товарного производства.

Установить точно время перехода, превращения ремесла в товарное производство весьма трудно, но несомненно, что часть городских ремесленников таких городов, как Киев, Новгород, Смоленск, уже в XI—XIII вв. работала для рынка, иногда довольно широкого, а часть продолжала работать на заказ. Некоторые исследователи указывают, что переход городских ремесленников к работе для рынка и связанный с этим рост долговой зависимости совпал по времени с городскими восстаниями в Древней Руси. Часть ремесленников держала связь с купцами, развозившими их продукцию по всем русским землям.

Товарные отношения среди городских ремесленников были развиты сильнее, чем среди деревенских и вотчинных, хотя последние, несмотря на натуральную основу феодального хозяйства, постепенно проникали в вотчины и крестьянские хозяйства. Рост товарно-денежных отношений среди городских ремесленников влиял и на вотчинное ремесло с его традиционной замкнутостью.

По мере ликвидации феодальной раздробленности и освобождения городов от феодальных пут расширялось свободное городское ремесленное производство. Москва уже в XV в. превращается в главный центр ремесленного и мелкотоварного промышленного производства на Руси. Практикуются работы как на заказ, так и непосредственно для рынка. Ремесленники становятся важнейшей частью населения феодального города, а городское ремесло является основной формой ремесленного труда и по своему техническому уровню, степени связи с рынком и т. д. стоит впереди как вотчинного, так и деревенского ремесла.

В Москве помимо свободных ремесленников было немало и казенных. Правительство интенсивно привлекало в столицу квалифицированных ремесленников из Новгорода, Пскова, Ярославля, Костромы, Владимира, из монастырских вотчин и т. д. Это видно из распоряжений о присылке в Москву ремесленников.

Ремесленники часто уклонялись от зачисления в казенные работники. Правительство нещадно боролось с этим с помощью штрафов и других форм наказаний.

Весьма показательна государева грамота вологодскому воеводе, которая грозит ремесленникам за то, что они «хоронятся», разными карами, а воеводе в случае неприсылки ремесленников — «отписанием на государя» его поместий и вотчин¹.

В XVII в. сохранилось вотчинное ремесло. Феодально зависимые ремесленники уплачивали часть ренты помещику своей продукцией (топорами, лемехами) или деньгами. Цеховые работники тех украинских земель, которые входили в состав панской Украины, должны были отдавать часть цеховых доходов и отбывать повинности в пользу шляхтича-феодала.

Важно отметить, что под влиянием роста товарно-денежных отношений вотчинники, не довольствуясь продукцией своих ремесленников, нередко приобретали изделия на рынке. Свободные ремесленники и мелкие товаропроизводители постепенно вытесняли феодально зависимых вотчинных ремесленников. В свою очередь отдельные вотчины, главным образом монастыри, представляли на рынок продукцию своих ремесленников.

Образование всероссийского рынка в начале XVII в. свидетельствует о дальнейшем росте производительных сил феодального общества, ремесла и товарного производства. Ремесленники отдельных профессий полностью переходят от работы на заказ к работе для рынка; усиливалась связь и сельского хозяйства (крестьянского, вотчины и поместья) с рынком. Городское ремесло делало значительные успехи в своем развитии, хотя и не могло полностью удовлетворить растущие потребности всероссийского рынка и государства. В XVI и особенно в XVII в. возникали крупные промышленные производства, но ремесло и мелкое товарное производство остаются пока основными формами промышленности в большинстве отраслей. Ремесло наряду с мелким крестьянским хозяйством продолжало составлять базис феодального способа производства.

В XVI—XVII вв. ремесленное и мелкотоварное производство играло большую роль в экономике русских городов. Главным центром его была Москва, ставшая крупнейшим городом (по мнению Р. Ченслера и Д. Флетчера, она была более Лондона)² не только на

¹ См.: Акты исторические. СПб., 1842. Т. II. № 186.

² См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938. С. 56.

Руси, но и в Европе. На окраинах Москвы в XVI в. стояли ряды домов кузнецов и других ремесленников, «действовавших огнем». Слава о московских бронниках, оружейниках, пищальниках распространилась даже за границу.

Большую группу ремесленников в Москве составляли те, кто обрабатывал металлические изделия: кузнецы, скобельщики, замочники, игольщики, котельщики и т. д. Значительная специализация ремесла была достигнута в кожевенном производстве, изготовлении одежды, пищи, а также обработке дерева.

В Москве, по переписи 1638 г., было зарегистрировано по профессиям 2367 ремесленников¹. Данные переписи, несомненно, значительно преуменьшают общую численность ремесленного люда в Москве в то время, так как ею было охвачено лишь посадское население, занимавшееся только одним ремеслом. Некоторые категории ремесленников не дали о себе сведений. В перепись не вошли так называемые казенные и дворцовые мастера, а также лица, для которых промыслы не были основным занятием. С другой стороны, перечисляются лица, которых, строго говоря, нельзя отнести к ремесленникам. Перепись показывает преобладание ремесел, связанных с выработкой тканей и изготовлением одежды, а также кожевенного производства, производства съестных припасов; заметное место принадлежало ремеслам, связанным с обработкой металлов.

Конечно, не все перечисленное может быть отнесено к ремеслам. Часть ремесленников, например кузнецов, давно уже имела по одному, а иногда и по два наемных рабочих. Среди этих лиц, именуемых ремесленниками, были и мелкие товаропроизводители, и мелкие промышленники, эксплуатировавшие чужой, наемный труд; наряду с мастерскими им принадлежали и торговые лавки. Вместе с тем значительная часть ремесленников продолжала работать на заказ, используя как материал заказчика, так и свой собственный.

Уже в XVI в. у мастеров, имевших собственные мастерские, работали рабочие по найму и ученики. Но среди городских ремесленников были и феодально зависимые люди. Так, по составлявшимся в начале XVII в. в Москве спискам по сбору пятинных денег, охва-

¹ См.: *Довнар-Запольский М. В.* Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. М., 1910. С. 66—67.

тившим примерно четвертую часть жителей города, из 1022 ремесленников было 626 посадских тяглецов, 238 патриарших крестьян, 158 посадских захребетников¹.

Насколько различное имущественное положение занимали ремесленники в первой половине XVII в., можно судить хотя бы по данным об уплате ими пятинных денег в 1634 г. Всего учтено было 626 ремесленников; почти третья часть из них (201 человек) уплачивала этот налог в размере до 1 руб., 167 человек — до 2 и 100 человек — 2—3 руб.; далее шли категории, которые уплачивали по тому времени значительный, а некоторые — весьма большой денежный налог, пятнадцать человек платили по 20 руб., пять — по 30, четыре — по 60 руб. и т. д. Особенно высокий налог вносили кузнецы, серебрянники и представители некоторых других профессий. Если учесть ценность денег в тот период, то надо признать, что налог в 20—30 руб. составлял большую сумму, и лица, уплачивавшие его, были уже не ремесленниками, а мелкими промышленниками и купцами.

Правительство всячески привлекало в Москву ремесленников из других мест России. Особенно часто в XV и XVI вв. вызывались ремесленники из Новгорода — города с издавна развитым ремеслом. Новгородская земля была важнейшим районом железодельной промышленности. В начале XVI столетия в Вотской пятине имелось до 200 домниц. Сам Новгород был крупным центром «кустарной» металлообработки: в конце XVI в. в нем насчитывалось свыше 230 мастеров, занятых обработкой железа. Промышленная продукция Новгорода расходилась по многим районам страны. Значительно был развит и строительный промысел. Население новгородских земель владело железорудными, солеваренными промыслами и др. Железорудное производство развивалось не только как ремесленное, но и в большой степени как товарное.

Новгород был значительным центром кожевенного производства (в нем работали в 80-х годах XVI в. 427 ремесленников-кожевников), отличался сильно развитыми текстильными промыслами (производством полотен, холста и т. д.), был там специальный «холщев-

¹ См.: Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. С. 64.

ницкий» ряд. По Писцовой книге 1580 г., имелось 72 холщевника; в текстильном ремесленном производстве было занято около 275 мастеров, в том числе 149 льнянников, 41 суконник, 3 бердника и т. д. Ремесло развивалось и в других городах и пригородах Новгородской земли.

По мере роста ремесленного производства во главе предприятий становился купец, а иногда и ростовщик. Из посадских жителей выделялись гости и торговые люди. Однако основную массу посадского населения составлял промышленно-ремесленный люд, подвергавшийся жестокой феодальной эксплуатации. В 30—40-х годах XVII в. от непосильного налогового обложения посадские люди бежали в «обеленные» слободы и т. д. Тяжелый налоговый гнет в посадах, дополняемый иногда еще и феодальными повинностями в пользу вотчинников, от которых зависели посадки, в XVII в. вызывал многочисленные восстания. Классовая борьба посадских людей наряду с борьбой феодального крестьянства проходит красной нитью через всю историю развития феодализма в России, в частности историю XVII в.

Наряду с вольными городскими ремесленниками в Новгородской земле существовало сельское и вотчинное ремесло. Так, в уже упоминавшейся Вотской пятине во многих деревнях имелись домницы, добывалась руда и из нее изготовлялись различные железные изделия, которыми уплачивалась часть феодальной ренты¹.

Источник экономической силы Новгорода наша историческая литература иногда видит только в его развитой внешней торговле. Однако не следует забывать о ремесленном производстве, игравшем важнейшую роль в экономике как Новгорода, так и района в целом.

Несомненно, что в Новгороде XVI в. значительная часть ремесленников поставляла продукцию на рынок и превратилась в мелких товаропроизводителей. Товарное производство в промышленности Новгорода к тому времени было широко развито. Большое число ремесленников, значительная специализация профессий, имущественная дифференциация ремесленников свидетельствуют об их широких связях с рынком. Товарное производство имелось и в других городах стра-

¹ См.: Новгородские писцовые книги. Пг., 1915. Т. III. С. 501—502.

ны, в которых ремесленники работали в значительной степени на рынок, в том числе на отдаленный.

«Младший брат Великого Новгорода», Псков, в XVI в. представлял собой также сравнительно развитый центр ремесленного производства. По весьма неполным данным, в Пскове насчитывалось до 68 профессий ремесленников. Среди них преобладали, как и в большинстве других городов, «черные» тяглые люди, хотя встречались ремесленники и в среде ратных людей. Кроме обычных профессий в Пскове имелись медники, серебрянники, суконники, бобровники, оловянночники, мыльники, замочники и т. д. Обширные посевы льна вызвали к жизни ремесла, связанные с выработкой текстильных изделий. Псков был также одним из центров по производству колоколов.

Ремесло развивалось и в других городах Московского государства. В Серпухове, Коломне и Можайске было 714 ремесленников, из них в Серпухове — 331, Коломне — 159, Можайске — 224. В Можайске ремесленники составляли около 40 % жителей (без дворян и детей боярских), в Коломне — более 22 %¹. По писцовым книгам, в этих городах насчитывалось до 95 профессий ремесленников, в Туле — до 50 профессий. Основная часть ремесленников состояла из посадских «черных» людей; имелись также ремесленники из ратных людей и феодалов, зависимые от церкви, так называемые ремесленники-дворники. Но преобладали свободные посадские ремесленники.

Серпуховско-Тульский район в XVI — XVII вв. был важнейшим железодельным центром. Современники писали о больших железных и стальных заводах в Кашире. В этом районе в значительных по тому времени размерах добывалась и обрабатывалась руда.

В посадах преобладало ремесленно-торговое население. Но эти ремесленники, например в Тихвинском частновладельческом посаде, были не свободными посадскими людьми, а феодально зависимыми, платившими сверх своих натуральных и денежных налогов государству ренту своему феодалу с кузниц, горнов, промыслов вообще. Это серьезно тормозило рост ремесла. Тем не менее численность ремесленников в Тихвинском

¹ См.: Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1842. С. 197.

посаде росла и достигла во второй половине XVII в. около 200 человек.

Длительная культура ремесленного, и в первую очередь городского ремесленного, производства стала важнейшим условием развития в России крупной промышленности, давшей будущим мануфактурам наиболее квалифицированную рабочую силу. Уже в XVI в. разделение труда достигает такой ступени развития, что можно говорить об элементах территориального разделения труда, о процессе образования районов ремесленного промышленного производства.

Выделялись районы металлического производства (Серпуховско-Тульский, Новгородский с Тихвином, Устюжно-Железнопольский, Заонежье, Белозерский край и т. д.), меднолитейного (Москва, Псков и др.), кожевенного (Волоколамск, Вологда, Ярославль, Новгород, Можайск и т. д.), выделки сукна (Троице-Сергиев монастырь и Можайский уезд), производства полотна и холста (Новгородско-Псковская земля, Олонецкий и Заонежский края, Ярославский край, Смоленщина, Москва), деревообделочного (Тверь, Калуга, Кирилло-Белозерский монастырь и др.), гончарного производства, мыловарения, иконописи и т. д.

С образованием национального государства и расширением торговых связей значение городов увеличивалось; они все в большей степени становились центрами промышленной и торговой деятельности страны.

В результате проводимой еще в XV в. политики ликвидации частновладельческих городов к XVI и XVII вв. сохранилось лишь несколько таких городов, например Тихвин. Ремесленно-посадское население страны росло, и роль его повышалась. В середине XVI в., по царскому «Судебнику», «честь» русских ремесленников и торговцев ценится в пять раз выше «чести» пашенных крестьян. В результате городской реформы, выделившей посадских людей в особую группу, промышленно-торговое население посадов увеличилось на 10 095 дворов.

Рост ремесла, возникновение крупной промышленности увеличивали число городов и городских поселений, численность городского и посадского населения, так что к середине XVII в. только в 226 городах имелось уже несколько сот тысяч жителей.

Выше говорилось, что еще в XVI в. ремесленники в некоторых городах России составляли 40 % населения, в других городах — 25—30 %. Если условно при-

нять, что в середине XVII в. ремесленники составляли 30 % населения, то увидим, что это была большая армия. Прибавив сюда вотчинных и сельских ремесленников, получим внушительную цифру, дающую примерное представление о размахе ремесленного и мелкотоварного промышленного производства в Московском государстве; ремесло и мелкотоварные промыслы сыграли затем серьезную роль в развитии крупного мануфактурного производства.

По неполным данным, в 20-х годах XVIII в. в Москве 6885 ремесленников работали на сторону, в Петербурге — 2534, а всего только в учтенных губерниях — 15 907 человек. Эта цифра не отражает, конечно, объема ремесленного труда во всех городах страны, поскольку многие ремесленники уклонялись от регистрации, а в отдельных губерниях, например в Московской, учет вообще не проводился.

Некоторые исследователи насчитывают в середине XVII в. всего 200 тыс. душ посадского тяглового, торгово-промышленного населения в городах Московского государства и на этом основании делают вывод о малочисленности городских ремесленников и слабом развитии ремесла¹. Мы полагаем, что численность посадского населения была больше; надо учесть, что в городах помимо посадского населения занималось ремеслами значительное число феодальных ремесленников — лиц, свободных от тягла и находившихся под покровительством светских и духовных феодалов. Кроме того, ремесленное и мелкотоварное производство было значительно развито и в деревнях России. Уже в XVII в. существовали села, где занимались исключительно промыслами: Павлово, Ворсма, Лысково и др. Оформление крепостного права в середине XVII в., конечно, уменьшало возможности вольнонаемного труда, но вместе с тем «раскрепощение» русского города увеличивало резервы «вольных» людей.

Под влиянием растущей дифференциации населения среди городских ремесленников выделялись торговцы-скупщики — «лучшие» люди, противостоявшие массе «худых» и «молодых».

В XVII в. ремесло в городах стало в значительной степени мелкотоварным, хотя, конечно, сохранилась и

¹ См.: Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 33.

работа на заказ. Следовательно, в ремесленном производстве произошли большие не только количественные, но и качественные изменения. Работа на заказ отходит на второй план, уступая место работе на рынок.

Вырастает роль скупщиков, да и непосредственный производитель-ремесленник все больше и больше втягивается в рыночные отношения. Например, кузнецы из мест, лежащих к югу от Москвы, как и устюжские, тихвинские и другие кузнецы, в немалой степени превратились в товаропроизводителей. Изготовление железных изделий в Нижнем Новгороде, Галиче и других городах точно так же носило преимущественно товарный характер. Перерастание ремесленного производства в мелкотоварное наблюдалось и в кожевенной промышленности, деревообработке, обработке животного и растительного сырья и других отраслях. Этот процесс непосредственно затрагивал посадских тяглых ремесленников и в меньшей степени казенных (дворцовых, так называемых записках) и вотчинных ремесленников, хотя и последние группы усиливали связь с растущим рынком. Во многих отраслях ремесленной промышленности Москвы и других городов использовалась — в ограниченных, конечно, размерах — и наемная рабочая сила.

В XVIII в. численность промышленного населения городов увеличивается. В 60-х годах XVIII в. удельный вес ремесленников в Москве равнялся 14,4 %, Ярославле — 25,5, Костроме — 27,4, Рязани — 25,8, Владимире — 47,8, Гороховце — 27,5, Суздале — 42,1, Осташкове — 40,6, Пскове — 34,4, Казани — 47,9, Пензе — 61,8, Саранске — 67,8, Сызрани — 43,4, в Белгороде — 57,9 % и т. д. К категории ремесленников отнесены в данном случае и мелкие товаропроизводители. Промышленное население городов не исчерпывалось только этой группой. Существовавшая тогда система учета городского населения выделяла еще другие группы, например «чернорабочих», «отпущенных по пашпорту» и т. д. Таким образом, можно считать, что ремесленники составляли в XVIII в. около половины посадского населения страны. Но ремесленное население имело и в деревне.

Феодальные отношения, господствовавшие в России, с их замкнутостью и натуральным характером производства тормозили рост промышленности и городского населения, но все же удельный вес его в общей численности населения повышался. Более быстрое разделение

труда в стране наблюдалось в период разложения феодализма — в первой половине XIX в. Перед крестьянской реформой 1861 г. в Российской империи насчитывалось уже несколько сот городов; городское население составляло несколько миллионов человек.

Были ли русские городские ремесленники объединены, как на Западе, в цехи и корпорации? В нашей историко-экономической литературе существуют по этому вопросу различные мнения. Одна группа авторов, исходя из ошибочного тезиса о слабости ремесла, отрицает наличие цехов в допетровской России. К этой группе исследователей относятся дореволюционные ученые: Н. Рычков (О цехах в России и Западной Европе, 1863), Н. Степанов (Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западноевропейских государствах, 1864), М. Дитятин (Устройство и управление городов России, 1887). А. И. Никитский (История экономического быта Великого Новгорода, 1893), а также некоторые советские экономисты: П. И. Лященко (История народного хозяйства СССР, 1950), К. А. Пажитнов (Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма, 1952) и др. Другая группа ученых — дореволюционные ученые: В. Лешков (Русский народ и государство, 1858); М. В. Довнар-Запольский (Организация московских ремесленников в XVII в., 1910), Т. П. Ефименко (Очерк организации городских ремесел в Московском государстве XVI и XVII веков, 1914), а также советские историки М. Н. Тихомиров (О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XII—XV вв.), 1945), К. Н. Сербина (К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII века, 1946), С. В. Юшков (Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, 1939), Б. А. Рыбаков (Ремесло Древней Руси, 1948) в той или иной форме признает наличие корпоративных отношений в русском ремесле допетровской эпохи.

Исследователь экономики Новгорода А. И. Никитский, отмечая связь между ремесленниками, существовавшую форму дружины, писал, что в Новгороде «не было никакого помина о западноевропейских цехах»¹.

П. И. Лященко утверждает, что среди организационных форм городского ремесла в XV—XVI вв. не

¹ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 84.

имелось ни цеховой организации промышленного класса, ни цеховой регламентации ремесла. К. А. Пажитнов делает вывод, что в допетровской Руси цеховая организация ремесла так и не сложилась. Главная причина этого, по его мнению, — недостаточное развитие промышленности и слабый рост городов. А. Корсак считал, что поскольку города будто бы у нас чисто земледельческие, то «ремесло имело не корпоративный, а скорее семейный, патриархальный характер», и «никаких корпоративных постановлений об ученье мастерству, как у западных цехов, у нас мы не видим»¹.

Не менее категорично мнение противников этой точки зрения. В литературе представлены свидетельства современников о наличии цехов в России XVII в. Одним из первых авторов, признававших существование корпорации ремесленников в России, был В. Лешков.

Историки С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков вполне обоснованно признают наличие элементов цехового строя в той или иной форме в русских городах за несколько столетий до эпохи Петра. Цехи существовали в период феодализма почти у всех народов мира; вначале они возникли в Византии, а затем распространились и по другим странам. На первых этапах цехи играли прогрессивную роль. Цеховая организация ремесла соответствовала феодальной земельной собственности.

Цехи пытались защищать цеховых ремесленников от конкуренции ремесленников смежных профессий и феодально зависимых ремесленников: крепостных, казенных и др. Развитие товарного производства при феодализме вызывало организацию цехов в промышленности. Экономические условия русского феодализма, несмотря на его специфические черты, вызывали у городских ремесленников потребность объединиться против феодалов-землевладельцев, против конкуренции ремесленников других профессий, против вотчинного и сельского ремесла, ремесленникам нужны были общие рыночные помещения.

Другими словами, *при всех особенностях феодальной системы в целом и ремесла в частности в России ремесло наряду с сельским крестьянским хозяйством было базой феодального способа производства, и в*

¹ Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. С. 111.

своей организации ремесленников производство отражало специфику экономического развития страны. Корпоративные ремесленные организации в России были развиты меньше, чем в западноевропейских странах. В этих организациях нет абсолютного тождества, в них нельзя видеть простой сколок западноевропейских цехов.

Авторы, доказывающие отсутствие корпоративных отношений ремесленников феодальной, допетровской России, не приводят убедительных доводов в защиту своей точки зрения: не могут доказать, почему во всех странах, окружавших Русь, даже в тех, которые уступали ей по уровню развития ремесла, не говоря уже о таких странах, как Франция, Англия, Италия, были цехи.

Цеховая организация ремесленников существовала в Польше, Закавказье, Средней Азии, на Украине до и после воссоединения ее с Россией. Широкое развитие цеховое ремесло получило в Латвии. Если в конце XIV в. в Риге было только 8 цехов, а в XV в. — 13, то в XVI в. — уже 21, а в XVII в. — 40. Цеховая организация городского ремесла действовала и в городах Белоруссии: Витебске, Могилеве и Минске. Первые известия о корпорации ремесленников в Белоруссии относятся к середине XV в. Отсутствие фиксированных участков цехов на Руси не может считаться убедительным доводом. Главные аргументы в защиту отсутствия цеховых организаций на Руси: мнимая слабость ремесла, отсутствие его дифференциации, слабость городов и т. д. — при внимательном изучении развития промышленности в России, в особенности в свете новейших археологических данных, не выдерживают критики.

Уже в домонгольское время имелись мастера и подмастерья — элементы ремесленных корпораций цехового характера¹. «Улицы», «ряды», «сотни», «братчины» и т. д. были своеобразными формами корпоративных ремесленных организаций на Руси XIV — XV вв.

Новый этап в развитии ремесленных организаций начался в эпоху Петра Великого. Петр, прилагая колоссальные усилия к развитию крупной промышленности в России, выработывал и систему мероприятий по организации городского ремесленного производства. Создавались особые юридические нормы для ремеслен-

¹ См.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. С. 781.

ников и купцов. В цехи могли записываться люди всех сословий. Из мастеров выбирались старшины, в обязанность которых входило ведение цеховых книг, а также контроль за качеством ремесленной продукции. Старшины должны были непригодную продукцию браковать и не допускать до рынка, а за пропуск ее на рынок старшина и мастер несли наказание.

Согласно Положению о цехах, были введены испытания для вступающих, установлены клеймение ремесленных изделий, правила об учениках и подмастерьях, предопределялись категории лиц, могущих вступать в цехи, и т. д. Так, из крепостных крестьян, помещичьих, архиерейских или синодальных, разрешалось вступать в цех только тем, которые работали на продажу или для посторонних людей, при этом они были обязаны предъявлять отпускные от своих феодалов. Ремесленники, уклонявшиеся от записи в цех или продававшие неклеяемые вещи, подвергались штрафам и другим наказаниям.

Сохранившиеся писанные уставы о цехах в России относятся к эпохе Петра I. Однако они не были простым повторением уставов, действовавших на Западе, а отражали особенности хозяйственного развития России. Например, Положение о цехах не проводило последовательно в жизнь монопольного права цехов; цехи не получили такого сословного характера, как на Западе; число подмастерьев и учеников, которых мог иметь мастер, не ограничивалось.

Петр I, вводя писанные уставы, ставил целью не только улучшить организацию и повысить уровень ремесленного производства, но и создать известный контингент ремесленников для быстро растущей мануфактурной промышленности. Для первых мануфактурных предприятий квалифицированную рабочую силу давало именно ремесленное производство. Тульские, серпуховские, суздальские ремесленники питали, в частности, уральские металлургические предприятия.

В указе Петра о цехах и в «Регламенте» ремесленникам, не входившим в цех, не запрещалось заниматься ремеслом. Но позднее такой запрет ввели, хотя он и не имел абсолютного характера, как в странах Западной Европы. Удельный вес ремесленников, не записанных в цехи, был весьма большой даже в середине XVIII в. Так, в проекте нового Уложения читаем: «Сверх же того, многие из разночинцев, из помещиковых, дворцо-

вых, архиерейских и монастырских людей и крестьян разные мастерства и рукоделия, и не записавшись в цехи, производят и тем записавшихся в цехи надлежащего прибытка лишают»¹.

Царское правительство на протяжении XVIII и XIX вв. неоднократно возвращалось к проблеме организации ремесленных цехов. Кроме указов Петра, в Ремесленном положении 1785 г., Уставе цехов 1799 г. и некоторых других документах делались попытки определить формы и условия деятельности ремесленных организаций. Так, Ремесленное положение 1785 г., развивая принцип бессловности цеха, запрещало ремесленникам, не записанным в цехи, заниматься ремеслами в тех городах, в которых цехи были организованы. В Уставе цехов 1799 г. были выделены три группы цехов: цехи ремесленников, цехи служилых людей и цехи рабочих.

Ремесленная мастерская, как правило, состояла из мастера и нескольких подмастерьев и учеников. Характер ремесленной техники наложил отпечаток на отношения между мастером и его помощниками; разница между хозяином мастерской и работником была небольшая.

Городское ремесло развивалось и в XVIII в., но роль его в русской промышленности все снижалась, и его уже нельзя было считать «господствующей формой промышленной деятельности», по крайней мере в отношении ряда отраслей промышленности (металлургической, суконной и др.), в которых развивалось крупное производство. Главная причина этого заключалась в том, что кончался период господства ремесленного производства в городах. Интенсивно развивалось крупное производство в форме мануфактур, с которыми ремесленникам трудно было конкурировать. Мануфактура в некоторых случаях тоже создавала новые виды ремесла, однако ремесленное производство экономически не могло с ней соперничать, хотя и продолжало играть заметную роль в экономике страны. По мере развития товарного производства многие ремесленники, разоряясь, превращались в рабочих, и вместе с тем росли противоречия их с владельцами мастерских. Во главе мастерских становились купец или ростовщик.

Перед отменой крепостного права общее число городских ремесленников, цеховых и необъединенных, опреде-

¹ Проект нового Уложения, составленный законодательной Комиссией 1754—1766 гг. СПб., 1893. С. 216.

лялось в 400 тыс. человек¹. Центральный статистический комитет подсчитал, что в 1858 г. в Европейской России было 331 555 ремесленников, из них 116 616 мастеров, 135 402 подмастерья и 79 537 учеников². В действительности ремесленников было больше: учетная численность цеховых ремесленников далеко не отражала масштаб ремесленного труда в стране, и это относится не только к сельскому, но и к городскому ремеслу, поскольку, как отмечалось, во многих городах ремесленники в цехи не входили.

Развитие мелкой промышленности в форме ремесла и мелкотоварного производства в городе и деревне обусловило острую конкуренцию между цеховым и неорганизованным ремеслом, с одной стороны, между мелкой промышленностью городов и деревень — с другой. Под влиянием конкуренции городские ремесленники и купцы многих городов России — Ярославля, Новгорода, Симбирска, Тамбова, Тихвина и других — настаивали на запрещении лицам, не входившим в цехи, заниматься ремесленно-промышленной деятельностью. В наказе жителей Воронежа говорится о необходимых мерах наказания тех, кто будет заниматься ремеслом, не записавшись в цех. То же требование содержится в наказе от жителей Новгорода. В некоторых наказах депутатам в Екатерининскую комиссию выдвигалось требование запретить занятия ремесленной деятельностью лицам, не входившим в цехи, не только в городах, но и в деревнях.

В этих требованиях городского ремесленно-промышленного населения, поддерживаемых купечеством, ставились преграды ремеслу не организованных в цехи городских ремесленников и мелкой крестьянской промышленности. Крестьянскую промышленность и торговлю поддерживало, в противовес купечеству, большинство дворян, поскольку эта промышленность и торговля представляли для них дополнительный объект эксплуатации.

В условиях экономики России XVIII в. при растущем мануфактурном производстве и наличии нецеховой мелкой промышленности в городах и деревнях цехи не смогли сыграть той хозяйственной роли, которую они выполняли

¹ См.: *Тенгоборский Л. В.* О производительных силах России. М., 1857. Т. II. С. 581.

² См.: *Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного.* СПб., 1863, Ч. II. С. 326—327.

раньше, в период их расцвета; цехи, в частности, не сумели регламентировать производство, хотя известное влияние на развитие городского ремесла в XVIII столетии они оказали.

Вокруг проблемы цехов происходила острейшая борьба на протяжении всего XVIII в.; судьба их сильно волновала городских ремесленников. Вместе с тем развитие товарного производства, рост мануфактур, а позднее и фабрик превращал цехи в организации, все меньше соответствовавшие новым экономическим условиям. Отсутствие строгой цеховой регламентации ремесла способствовало возникновению централизованных мануфактур, что в свою очередь наложило отпечаток на взаимоотношения феодальной деревни и города. Окончательно цехи были ликвидированы в период монополистического капитализма.

Чтобы правильно охарактеризовать степень развития промышленности в России, недостаточно ограничиться ее характеристикой в городах, а надо принять во внимание и различные формы промышленного производства, разбросанного по деревням, вотчинам и поставлявшего товары на местные рынки.

Если в городах России XVII — XVIII вв. преобладали ремесло и мелкое товарное производство, то в деревне широко развивалась крестьянская, так называемая кустарная, промышленность.

Возникновение деревенского ремесла и мелкого товарного производства относится к давним временам. Новый этап в развитии крестьянской промышленности, работавшей на рынок, начинается с появлением денежной феодальной ренты и позднее с образованием всеобщего рынка. Рост товарно-денежных отношений, денежной ренты, расширение торговли содействовали разрыванию крестьянских промыслов. Во многих селах в XVII в. имелись развитые кожевенные, смолокурные, салотопные, мыловаренные и другие промыслы.

Еще в XV — XVI вв. отмечается распространение крестьянской мелкой промышленности в железоделательном производстве (в Тульском районе, районе Устюжны Железопольской и др.). В деревнях имелось немало крестьянских горнов и домниц, поставлявших железо деревенским кузнецам для выделки сошников, лемехов, гвоздей, сковород — продукции, шедшей на местные, а иногда и на относительно отдаленные рынки. Однако

в отличие от многих других отраслей значение мелкого производства в металлургии под влиянием создаваемого крупного производства в этой отрасли резко снизилось уже в XVIII в. В то же время рост мануфактур содействовал развитию мелких промыслов в некоторых других отраслях. Так, широко была распространена кожевенная крестьянская промышленность в Казанской, Костромской, Тверской, Нижегородской, Вятской губерниях и т. д. Большого размаха достигла крестьянская текстильная промышленность как в форме домашней промышленности, так и в форме мелкого товарного производства, превращавшегося в XVIII — первой половине XIX в. во многих случаях в капиталистическую мануфактуру¹.

Мелкие промыслы города и деревни, выдвигая промышленных предпринимателей из среды крестьянства (например, С. Морозов) и ремесленников (Н. Демидов), перерастали в мануфактуру, и тем самым мелкотоварное производство превращалось в капиталистические предприятия.

В XVIII в. растет влияние торгового капитала на крестьянскую промышленность. На базе крестьянских промыслов создаются промышленные предприятия, в частности полотняное заведение крестьян Лукновских в Вязниках, кожевенные заводы крестьян Зайцевых в Москве и Нарве и др. Многие материалы XVIII в. свидетельствуют о процессе имущественного расслоения крестьянства.

Крестьянская промышленность в форме ремесла и мелкотоварного производства достигает в середине XVIII в. таких размеров, что становится серьезным конкурентом ремеслу, мелкотоварному производству и даже мануфактурам городов.

Крестьянское промышленное производство не подлежало официальному статистическому учету, поэтому невозможно непосредственно определить его объем. Но, судя хотя бы по жалобам купцов в комиссию 1767 г., можно считать, что крестьянская промышленность и торговля пустили глубокие корни в хозяйстве страны. Купцы и городские ремесленники всячески боролись против конкуренции крестьянской промышленности и

¹ О домашней промышленности и ткацких промыслах крестьян Московского уезда последней трети XVIII в. см.: Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. М.; Л., 1935. Т. I.

торговли, за монополию промышленного производства. И снова ремесленно-посадское население многих городов требовало запретить крестьянам заниматься ремеслами и промыслами.

Подавая в «Комиссию о коммерции» свои мнения, купцы ряда городов (Уфы, Соликамска и др.) жаловались, что крестьяне «промышляют кожевенными заводами» так же, как и они. Купцы других мест сетовали, что крестьяне содержали еще и мыльные, солодовенные и другие заводы и вырабатывали крашенину. Хотя и нельзя все жалобы растущей буржуазии на конкуренцию крестьянской промышленности принимать на веру, несомненно, что мелкотоварное производство государственных и помещичьих крестьян в это время росло и представляло собой серьезного соперника мелкотоварному и даже мануфактурному производству в ряде городов и посадов.

Почти из всех районов России раздавались жалобы буржуазии на растущую конкуренцию крестьянского промышленного производства. Купечество Арзамаса, Мурома, Симбирска, Вологодского уезда, Тамбова, Ярославля, Владимира, Оренбурга и других городов и уездов жалуется на крестьянскую промышленность.

Мелкая, в том числе и крестьянская, промышленность подвергалась с конца 30-х до конца примерно 60-х годов XVIII в. сильным ограничениям, а временами объявлялась по существу вне закона. Все это делалось в интересах крупного капитала, которому предоставлялось преимущественное право развивать промышленное производство. Такая политика, конечно, не могла не отразиться на состоянии мелкой промышленности, которая часто «уходила» в слободы. Преследования так называемой «безуказной» промышленности нередко вызывали острые протесты со стороны владельцев мелких мастерских.

В 1732—1734 гг. запрещалось заводить суконные и амуничные «фабрики» крестьянам. В 1751—1752 гг. всем, кроме «настоящих фабрикантов», было запрещено производить товары. Владельцы мануфактур возбуждали просьбы о запрете заниматься промышленностью как городским, так и деревенским «безуказным» жителям, т. е. ремесленникам и мелким производителям, работавшим на рынок. В 1739 г. Коммерц-коллегия постановила «всех тех, которые производили и содержали поныне фабрики и мануфактуры, не имея указа от

Коммерц-коллегии и от Конторы, штрафовать отнятием у них деланных на их фабриках товаров и инструментов. И те взятые у них инструменты отдать за деньги указанных фабрик содержателям, кои к выискиванию тех неуказанных фабрикантов больше старания прилагали». Среди «безуказных» промышленников преобладали мелкие товаропроизводители, работавшие в одиночку либо использовавшие наемную рабочую силу (одного — трех человек).

В 70-х годах XVIII в. царское правительство постепенно начинает ликвидировать привилегии «указных» фабрикантов. Известно, что в Наказе Екатерины II содержались возражения против «монополий» в области как торговли, так и промышленности. В конце 60-х годов было разрешено всем желающим заводить у себя ткацкие станы с предварительным заявлением об этом Мануфактур-коллегии и уплатой соответствующих налогов (на получение «билета»). Такое изменение экономической политики объясняется главным образом тем, что в это время мануфактурная промышленность достигла значительного уровня, растущие капиталистические отношения вынуждали правительство проводить политику относительно свободного ее развития.

В 1775 г. издается распоряжение о том, что «всем и каждому дозволяется и подтверждается добровольно заводить всякого рода станы и рукоделия производить, не требуя на то уже иного дозволения от вышнего или нижнего места»¹. Образование мелкими товаропроизводителями сравнительно крупных мастерских создавало капиталистическую простую кооперацию. Последняя, вводя разделение труда, превращалась в мануфактуру. Мануфактура, развиваясь как противоположность независимому ремесленному производству, создавала новую производительную силу.

Мануфактура, как и мелкие промыслы, была основана на ручном труде; вместе с тем она имела уже более широкий рынок с крупным капиталом и значительным числом рабочих — это сближало ее с крупной машинной индустрией. Трудились на мануфактуре и наемные рабочие. Во главе ее часто становился торговец. Разделение труда, осуществленное на мануфактуре, сыграло огромную роль в развитии производительных сил: повышало производительность труда, упростив многие трудовые

¹ ПСЗ. Т. XX. № 14275. С. 84.

процессы, способствовало в дальнейшем внедрению машин. Рост мануфактур содействовал не только специализации работников, но и усовершенствованию и специализации орудий труда. Мануфактура подготовила кадры квалифицированных рабочих для крупной машинной индустрии и способствовала изменению форм классовой борьбы.

Мануфактура была распространена во всех основных отраслях русской промышленности: текстильной, металлургической, деревообрабатывающей, в производствах, перерабатывающих животные продукты, минералы и т. д. Но ни в Западной Европе, ни у нас она не смогла охватить все общественное производство.

Мануфактурной стадии развития промышленности в широких размерах свойственна капиталистическая работа на дому, представляющая собой по существу придаток мануфактуры с характерными для нее ручными процессами труда. Мануфактурное разделение труда внесло существенные изменения в технику производства, однако только фабрика, крупная машинная индустрия преобразует его на новых основаниях. Мануфактура в первоначальном виде отличается от цехового ремесленного производства почти только размером.

В Западной Европе мануфактура господствовала приблизительно с середины XVI до последней трети XVIII столетия. В России она существовала также длительный период. Возникновение мануфактурной формы промышленности В. И. Ленин относил в глубь феодально-крепостнического периода. «Крупная машинная индустрия,— писал он,— не могла бы так быстро развиться в пореформенный период, если бы позади нее не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактурой»¹.

В литературе имеются большие разногласия о времени возникновения мануфактур и капиталистического уклада в России. Одни считают, что мануфактуры появились в России к концу, другие — к началу XVIII в., третьи — к концу XVII в. или к первой его половине, четвертые — к началу XIX в., и т. д. Конечно, капиталистические элементы можно наблюдать и в XVII в., но в это время феодально-крепостной строй еще не переживает периода кризиса. Уложение 1649 г. оформляет крепостное право, крепостной строй еще развивается

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 429.

и в ширину, и в глубину. Формирование капиталистического уклада можно отнести ко второй половине XVIII в., когда в промышленности кооперация и мануфактура начинают играть значительную роль.

Природа русской мануфактуры конца XVII и XVIII в. сложна и имеет свои особенности. Предоставление промышленникам права покупать крепостных крестьян для работы на заводах, а также широкая практика приписки государственных крестьян к заводам определили своеобразие крупных форм промышленного производства в нашей стране.

Не только по размерам, но и по степени разделения труда, техническому уровню мануфактуры в России эпохи Петра I не уступали западноевропейским, а в некоторых отношениях и превосходили их. Вместе с тем крупные промышленные предприятия России по своей социально-экономической природе были неоднородны. Между промышленными предприятиями в зависимости от того, какой труд они использовали, наемный или зависимый, происходила острая борьба. Было бы неправильно всю крупную промышленность, например, XVIII в. характеризовать как капиталистическую или крепостную. Крупные вотчинные предприятия, хотя они и были связаны с рынком, эксплуатировали феодальное крестьянство на основе барщины, часто не выплачивая и заработной платы. Иную экономическую природу имели капиталистические мануфактуры, применявшие вольнонаемный труд. Капиталистические отношения получили наибольшее развитие в так называемой купеческой и крестьянской мануфактурах, где использовалась преимущественно вольнонаемная рабочая сила. Своеобразную роль в экономической истории России играли так называемые посессионные предприятия.

Одно сопоставление числа вольнонаемных и принудительных работников не может, конечно, дать полную характеристику русской мануфактуры, хотя статистические данные играют и в данном случае немалую роль. Еще до образования всероссийского рынка возникли промышленные заведения, отличавшиеся по размерам от обычных ремесленных и мелкотоварных мастерских. Это соляное и железорудное дело, производство поташа и др. Так, построенный в 1479 г. в Москве Пушечный двор насчитывал в 1637 г. 136 мастеровых. XVII в. внес большие изменения в экономику России, особенно в ее промышленность. В это время как в городах, так и в фео-

дальних вотчинах возникали крупные промышленные предприятия: казенные, вотчинные и предприятия купцов-промышленников. Во второй половине XVII в. имелись железодельные, стекольные, сафьянные, солевые, поташные предприятия. В Оружейной палате, этой своеобразной мануфактуре, работали в 1681 г. свыше 200 мастеров. Собственниками промышленных предприятий являлись наряду с купцами-промышленниками типа Строгановых вотчинники-феодалы: Морозов, владевший поташными, железодельными, кожевенными, винокурными, полотняными и другими предприятиями, Трубецкие, Милославские.

Конечно, крупные предприятия играли в XVII в. все еще незначительную роль. Мануфактуры тонули среди ремесленнических предприятий и сельских промыслов. Однако наличие в XVII в. относительно крупных предприятий, главным образом в Центре, сыграло большую роль в последующий период, при создании крупных промышленных предприятий, в частности уральских заводов. В России XVII в. уже существовали некоторые предпосылки для возникновения крупной промышленности: были собраны крупные капиталы — капиталы казны, купцов, феодалов. Имелось известное количество квалифицированной рабочей силы, подготовленной ремесленным и мелким производством.

В отдельных отраслях промышленности (железодельной, полотняной и др.) связь возникавших мануфактур с мелкотоварным производством прослеживается наиболее четко. В. И. Ленин, имея в виду тульского ремесленника Демидова, писал: «Здесь, следовательно, мы видим непосредственное преемство и связь между старыми цеховыми мастерами и принципами позднейшей капиталистической мануфактуры»¹.

Больших успехов крупное промышленное производство добилось в первой трети XVIII в. В эпоху Петра I в России быстро развивалась мануфактурная промышленность: были основаны десятки мануфактур в металлургической, текстильной, кожевенной, стекольной, лесопильной и других отраслях; интенсивно производились поиски различных руд. В Россию ехали из других стран ученые, мастера и т. д. Мануфактуры строились, как правило, в районах с развитым мелким промышленным производством, за исключением, правда, петербург-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 424.

ской промышленности, где эти предпосылки отсутствовали.

Крупная мануфактурная промышленность создавалась главным образом за счет государственных средств и капиталов русских купцов. Примерно половина мануфактур была построена на государственные средства и половина — на частные. Особенно большую роль сыграла казна в строительстве металлургических заводов на Урале (Невьянского, Каменского, Уктусского и Алапаевского), в Воронежской губернии (Липецкого, Кузминского и т. д.). Значение дворянского капитала было невелико. В это время широко практиковалась передача казенных мануфактур в частные руки, иногда вследствие малой доходности предприятий.

Передача предприятий в частные руки вместе с тем преследовала и задачу вовлечь торговый капитал в промышленность. Промышленники получали привилегии: им предоставлялись казенные ссуды, давались приписные села, разрешался сбор повинностей и др. Предоставление льгот промышленникам, в частности выдача беспроцентных денежных и натуральных ссуд, поощрение учреждения мануфактур, составляли один из методов первоначального накопления, искусственное средство «фабриковать» фабрикантов.

Поскольку возникновение мануфактур далеко не покрывало потребностей страны в разнообразных промышленных товарах, ремесло и мелкотоварное производство города и деревни на внутреннем рынке страны продолжали занимать видное место. Мануфактура овладевает промышленным производством лишь частично, основываясь всегда на городском ремесле и деревенских промыслах. Если в одних отраслях мануфактура даже способствовала развитию мелких промыслов, то в других, таких, как металлургия, она почти ликвидировала мелкое производство. Так, мануфактурное металлургическое и парусное производства были так развиты, что удовлетворяли не только внутренний рынок, но и снабжали в значительных количествах зарубежный.

В нашей историко-экономической литературе иногда преувеличивается роль иностранцев и иностранного капитала в русской промышленности эпохи Петра I: число предприятий, принадлежавших иностранцам в первой четверти XVIII в., было весьма незначительно. По данным Е. И. Заозерской («Мануфактура при Петре I», 1947), из 114 частных мануфактур только 7—8 были

заведены на иностранные средства. П. Г. Любомиров («Очерки по истории русской промышленности», 1947) считает, что не было в сущности ни одного случая, когда бы предприятие создавалось на средства, привезенные из-за границы.

В течение XVIII в. русская промышленность, особенно металлургическое, суконное, полотняное и некоторые другие производства, далеко продвинулись вперед. В первой половине XIX в. произошли дальнейшие перемены в русской промышленности: значительно увеличилось число предприятий и занятых на них рабочих, возросло применение капиталистических форм труда, существенно изменилась не только структура промышленности, но и техника производства.

Данные о числе мануфактур и особенно предприятий мелкотоварного характера ни за первую половину XIX в., ни тем более за XVIII в. не могут считаться более или менее точными. Исследователи приводят крайне противоречивые цифры. По одним данным, в конце Петровской эпохи было 233 мануфактуры, в 1762 г. — 984, в 1796 г. — 3161¹. А. Семенов считал, что в 1761 г. существовало 201 мануфактурное предприятие². Некоторые определяют число возникших с 1695 по 1725 г. мануфактур в 205, в том числе 90 казенных и 115 частных³; по другим данным, не все возникшие предприятия могут быть отнесены к мануфактурам, «беспорных» мануфактур, появившихся в это время, якобы было не более 80. Подобная разногласия объясняется степенью учета мелкого производства в промышленности. По архивным материалам, относящимся к 1767 г., в обрабатывающей промышленности насчитывалось 498 фабрик и заводов.

Динамику промышленного производства наиболее отчетливо характеризует показатель численности работающих. С 1804 по 1860 г. число рабочих в обрабатывающей промышленности увеличилось почти в 6 раз. На первом месте при этом стояли предприятия по выработке суконных и других шерстяных материй. Затем

¹ См.: *Бурнашев В.* Очерк истории мануфактур в России. СПб., 1833. С. 18, 29.

² См.: *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. СПб., 1859. Ч. III. С. 175.

³ См.: *Заозерская Е. И.* Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. С. 10.

следовала полотняная промышленность, далее шелковая, хлопчатобумажная (вышедшая уже к 30-м годам XIX в. на первое место), кожевенная и т. д.

Наиболее быстро росла хлопчатобумажная промышленность, где в указанный период число рабочих увеличилось с 8 тыс. до 152 тыс. Промышленный переворот, начавшийся в этой отрасли в дореформенные годы, обусловил удешевление хлопчатобумажных тканей, применение в широких размерах вольнонаемного труда. Все это послужило причиной высоких темпов развития. В несколько раз возросла численность рабочих в суточной промышленности. В сахарной промышленности в начале века числилось всего 108 рабочих, а накануне крестьянской реформы — 64,8 тыс.

В связи с быстрым развитием хлопчатобумажной промышленности спрос на льняные ткани, в частности на парусное полотно, снизился; в итоге численность рабочих в этой отрасли за рассматриваемый период уменьшилась. Рабочих, занятых в частной и казенной горнозаводской промышленности России, включая и внезаводских рабочих, в 1860 г. было 245 тыс. человек.

Вотчинная промышленность, в особенности посессионная, уступала свои позиции промышленности, основанной на вольнонаемном труде, казенной и купеческой мануфактурам, а также мануфактуре государственных и крепостных крестьян (применявшей в этот период большей частью вольнонаемный труд).

В некоторых промышленных отраслях уже в первой четверти XIX в. капиталистические мануфактуры и фабрики оттеснили посессионные и вотчинные предприятия. Преимущества использования вольнонаемного труда были неоспоримы: он обуславливал более высокую производительность труда. Однако в горнозаводской промышленности преобладал труд зависимых крестьян, составлявших еще накануне реформы около 70 % рабочих.

Прежде на базе крепостного права интенсивного развития достигла железоделательная промышленность Урала. Но в конце XVIII в. она начала испытывать застой, главной причиной этого было тоже крепостное право.

Во второй половине XVIII столетия роль металлургии Центрального района снизилась, что было связано в значительной степени с истощением лесов и недостатком топлива. В старом районе русской металлургии,

Тульско-Калужском, в середине XVIII в. число заводов уменьшилось, новые же заводы возникали в Брянско-Жиздринском и Средне-Окском районах. К началу XIX в. расположение металлургических предприятий было такое: первое место продолжал занимать Урал, второе — Средне-Окский район, затем Брянско-Жиздринская группа заводов, Верхне-Окский район, Вятский, Пензенско-Тамбовский и т. д. Накануне крестьянской реформы Урал производил основную массу чугуна — 71 %, Центр — 15, Польша — 7, Север — 2, Сибирь — 1 и прочие районы — 4 %.

Широкое применение принудительного труда, внеэкономическое принуждение тормозили рост горнозаводской промышленности России, несмотря на усиленную опеку и поддержку этой отрасли со стороны царского правительства. По уровню развития металлургии Россия отстала в первой половине XIX в. от многих западноевропейских государств. Если в XVIII в. по металлургической промышленности Россия занимала одно из первых мест в мире, то накануне реформы 1861 г. в стране производилось чугуна в 10 раз меньше, чем в Англии. В течение первой половины XIX в. Россия отстала по производству чугуна от США и Франции, а в 50-х годах — и от Германии.

Поскольку русская металлургия первой половины XIX в. основывалась на древесном топливе, добыча каменного угля не имела серьезного значения для промышленности, тем более что и железнодорожное строительство получило более или менее широкое развитие лишь в 50-х годах.

Довольно быстро росла текстильная промышленность. Такие текстильные предприятия XVIII в., как государевы Хамовные слободы Москвы (Кадашевская и Хамовническая) и Хамовные села Ярославского уезда (Брейтово с посадом, Воронеж и Черкасово), резко превышали общий уровень ремесленного производства. Это были своеобразные рассеянные мануфактуры. В слободах жили в первой половине XVII в. в значительной степени вотчинные ремесленники, которые выполняли царскую повинность, производя полотна около 4—5 мес в году. Остальное время ремесленник выработывал полотно для себя и на продажу. Вольнонаемный труд применялся очень мало, чаще всего это был труд иностранцев. Вместе с тем развитие царских Хамовных слобод постепенно разрушало феодальные рамки во-

тчинного производства. Появляются ткачи-батраки — наемные рабочие, не связанные с феодальным тяглом.

Во второй половине XVII в. в слободах происходят большие изменения. Ткачи, оставаясь зависимыми людьми, начинают работать в общем помещении Хамовного двора. Выполнение повинности занимает все их время. Государственное жалование, выдаваемое натурой и деньгами, сменяется денежной заработной платой.

В некоторых слободах и селах достигает значительного уровня разделение труда. Эпоха Петра I была периодом интенсивного развития текстильной промышленности. После металлургических мануфактур шли суконные, полотняные и шелковые. Текстильная промышленность стала сравнительно крупным мануфактурным производством. К концу первой четверти XVIII в. в России было около 30 суконных и полотняных мануфактур, причем некоторые из них, представляя собой крупные централизованные предприятия со значительной специализацией профессий (ткачи, прядильщики, сновальщики, шпульники, мастера крашения и т. д.), насчитывали более тысячи работников.

С 1725 по 1750 г. возникли 62 новые текстильные мануфактуры. По данным 1761 г., текстильные мануфактуры составляли больше половины всех мануфактур, а стоимость их продукции — четыре пятых общей стоимости (из 2 млн. руб. 1,6 млн.) продукции мануфактурной промышленности России. Внутри текстильной промышленности первое место по стоимости продукции занимала льняная, за нею шли суконная и шелковая.

Переработка льна крестьянами была широко распространена издавна. Домашние льняные промыслы составляли необходимую принадлежность натурального хозяйства и были тесно связаны с земледелием. Полотняные заведения позднее способствовали возникновению в России хлопчатобумажной промышленности, в частности ситценабивного производства. В местах, где было развито домашнее и мелкотоварное текстильное производство, появляются льняные централизованные мануфактуры. Так возникли полотняные мануфактуры, казенные и частные, в Москве, Ярославле и других районах.

При Петре I было создано около 15 централизованных мануфактур шерстяной промышленности, казенных и частных, в Москве, Воронеже, Казани и др. Ка-

зенные мануфактуры передавались затем частным компаниям. Суконная промышленность удовлетворяла главным образом потребности армии. В дальнейшем были созданы мануфактуры в Черниговском наместничестве, в Пензенской, Воронежской, Самарской и других губерниях. К 1767 г. насчитывалось уже около 73 суконных предприятий, в 1830 г. — 389, в 1860 г. — 706.

Суконное производство наряду с металлургическим и писчебумажным характеризуется большим применением крепостного труда. В Петровскую эпоху эта отрасль основывалась главным образом на принудительном труде. В середине XVIII в. возросло значение вольнонаемного труда. Однако даже позднее, перед самой реформой, в шерстяной промышленности преобладали зависимые работники: крепостные, приписные, купленные и т. д. Среди массы учтенных мануфактур были капиталистические предприятия с наемной рабочей силой, работавшие на рынок. Учитывались и так называемые помещичьи фабрики, производившие продукцию для внутреннего потребления поместья, вотчины и лишь частично для рынка.

Значительное число мануфактур возникло в шелковой промышленности. Если в первой трети XVIII в. их было 9, то к 1761 г. — уже около 40. Они были сравнительно крупные: использовали труд от 150 до 250 рабочих, а иногда и более.

В 60-х годах XVIII в. в шелковой промышленности вольнонаемные составляли свыше трети занятых, а в конце века — свыше 60 %. Численность мануфактур в шелковой промышленности увеличивалась одновременно с ростом домашней промышленности и мелкотоварного производства, превращавшихся по мере развития капитализма в капиталистическую работу на дому.

Хлопчатобумажное производство в России возникает значительно позже других отраслей текстильной промышленности. В «Ведомости Мануфактур-коллегии» за 1727 г. вовсе не упоминается о хлопчатобумажных заведениях, тем не менее в первой половине XVIII в. хлопчаткачество в форме мелкого производства домашней промышленности и ремесла уже существовало. Однако употребление хлопчатобумажных тканей в России относится к очень давнему времени. Эти ткани издревле ввозились с Востока через Астрахань, а с середины XVI в. в связи с открытием пути через Белое море начался привоз хлопчатобумажных тканей и из За-

падной Европы, в частности из Англии, через Архангельск.

Относительно крупные хлопчатобумажные заведения в России появляются лишь во второй половине XVIII и начале XIX в.: ситценабивные, ткацкие и много позднее — прядильные мануфактуры.

Хлопчатобумажная промышленность России в XVIII в. сосредоточивалась в Центральном районе (Московская, Владимирская и другие губернии), районе Петербурга и районе Волги (Астрахань, Саратов, Казань).

Основным районом хлопчатобумажного производства в России уже в XVIII в. был Центральный, Московско-Владимирский район, в котором в начале XIX в. была сосредоточена подавляющая часть всех рабочих, станов и мануфактур хлопчатобумажной промышленности, в том числе и самых крупных, с числом рабочих свыше 500 и 1000.

В Астрахани на базе персидского и турецкого хлопка уже в середине XVIII в. имелось несколько «указных» хлопчатобумажных заведений; кроме того, хлопчатобумажные и шелковые ткани производили так называемые кустари. Согласно Ведомости о мануфактурах в России, в 1813—1814 гг. в Астрахани было 70 заведений, имевших каждое не больше 16 рабочих, и 7 заведений с числом рабочих от 16 до 32. Это были, конечно, не фабрики, как их называли в официальной статистике, а мануфактуры и мелкие заведения, базировавшиеся на ручной технике. На этих предприятиях трудился в 1814 г. 691 работник и действовало 587 станов.

Вторым по значению местом размещения хлопчатобумажных мануфактур является Петербургский район. В Ведомости о мануфактурах за 1813—1814 гг. по Петербургской губернии зарегистрировано 14 хлопчатобумажных заведений. Так, на шести из них трудилось до 16 рабочих, еще на одном — от 51 до 100 и на двух — от 101 до 200.

Ко времени реформы 1861 г. хлопчатобумажная промышленность в Астраханской, Казанской и некоторых других губерниях под влиянием конкуренции центральных районов почти исчезла.

Развитие хлопчатобумажной промышленности — классический образец возникновения капитализма в нашей стране. В этой отрасли раньше, чем в какой-либо другой, произошел промышленный переворот. Примене-

ние машин способствовало резкому росту производства. Особенность хлопчатобумажной промышленности России составляло то, что уже в дореформенное время в этой отрасли принудительный труд играл незначительную роль. Так, в 1804 г. здесь было 85 % вольнонаемных, в 1815 г. — около 95 и в 1820 г. — около 96 %. Доля помещичьих и приписных крестьян уже в первой четверти XIX в. была очень маленькой. Таким образом, эта отрасль почти полностью базировалась на вольнонаемном труде, в то время как во всей обрабатывающей промышленности России вольнонаемные рабочие составляли в 1812 г. лишь около 50 % (из 119 093 человек — 60 641 вольнонаемный), а в 1825 г. — около 54 % (из 210 568 человек — 114 515 вольнонаемных).

Техническим базисом многих производств хлопчатобумажной промышленности в этот период служило ручное производство, и большинство крупных заведений представляло собой по существу капиталистические мануфактуры. В начале XIX в. относительно крупные размеры мануфактур в хлопчатобумажной промышленности были свойственны не только централизованным предприятиям.

Работа на ткацких мануфактурах, в светелках и на дому основывалась на ручном труде. Работники мануфактур получали заработную плату и не владели ни сырьем, ни готовой продукцией. В первой половине XIX в. в подавляющем большинстве это были уже наемные рабочие, хотя отношения найма еще не вполне оформились.

Кроме черной и цветной металлургии, текстильной промышленности в России в XVIII в. были довольно значительно развиты стекольная, кожевенная, писчебумажная, лесопильная отрасли промышленности, металлообработка, производство пороха. Однако по численности рабочих они не шли ни в какое сравнение с металлургией и текстильной промышленностью. По далеко не полным сведениям Берг- и Мануфактур-коллегии, в 1767 г. в стекольной промышленности было занято около 700 работников, в писчебумажной — 2,2 тыс. (преимущественно крепостных), в канатной — 330 человек и т. д.

В XVII в. имелись четыре бумажные мельницы, которые по своему уровню превышали ремесленное и мелкое промышленное производство. В 1725 г. работало 5—6 бумажных мельниц, в 1760 г. — 18, а через семь

лет — 30 писчебумажных мануфактур, использовавших главным образом несвободный труд. Но и в этой отрасли в конце XVIII в. наемный труд начал играть большую роль; так, в пяти мануфактурах использовали только наемный труд, в семи — смешанный.

Кожевенное производство в XVIII в. существовало в форме домашней промышленности, ремесла и мелкотоварного производства. Однако и здесь появляются предприятия мануфактурного типа (сафьянная мануфактура, кожевенный завод): в 1720 г. 11 кожевенных мануфактур, в 1799 г. Мануфактур-коллегия располагала данными о 572 кожевенных заведениях, насчитывавших всего 575 рабочих, т. е. в среднем по одному работнику на заведение. К этому времени существовало лишь несколько мануфактур. Мелкие заведения ремесленного типа обслуживались самим работником и членами его семьи, привлекалась также наемная рабочая сила (один-два человека). Кроме «указных», зарегистрированных кожевенных предприятий было огромное число незарегистрированных мелких заведений во всех районах страны. Число рабочих в этой отрасли возросло с 6304 в 1804 г. до 14 151 в 1860 г., причем почти все рабочие были вольнонаемными.

Относительно крупные заводы по производству стекла и хрусталя существовали еще в первой половине XVIII в.; в 1720 г. было около 12 стекольных и хрустальных заводов; в 1804 г. — 114 и в 1860 г. — 195 заводов с 11 464 рабочими. В первой половине XVIII в. лишь некоторые мануфактуры в этой отрасли обходились вольнонаемным трудом, а во второй половине вольнонаемный труд составлял около $\frac{2}{5}$ занятой рабочей силы, к началу XIX в. — уже почти 50 %. На некоторых мануфактурах применялся только наемный труд.

В химической промышленности наряду с крупными предприятиями, возникшими также еще в XVIII в. (поташные заводы), действовало множество мелких заведений, городских и крестьянских, производивших на продажу деготь, сургуч, мыло, кислоты, свечи и т. д. и обслуживаемых либо членами семьи, либо рабочей силой, привлекаемой со стороны.

Скупые и разрозненные данные за 1804 г., не охватывая всей химической промышленности (не включены, например, гонка дегтя, смолокурение, изготовление пороха и др.), показывают, что на мыловаренных, свечных и воскобойных заводах работали 686 вольнонаемных

и 1 крепостной, на красочных предприятиях — 80 вольнонаемных и 2 крепостных. На купоросных и нашатырных заводах насчитывалось 164 вольнонаемных; на поташных — 456 крепостных и только 13 вольнонаемных¹. Даже эти неполные данные говорят о значении вольного труда в химической промышленности.

Изучая формы промышленности, особенно важно проследить возникновение в экономике феодально-крепостнической России рынка наемной рабочей силы, памятуя, что «в вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда»².

Перерастание ремесла в простое товарное производство расширяло сферу применения наемного труда. Единичные случаи использования наемного труда известны с давних пор, еще со времен Киевской Руси. Он иногда применялся и в ремесленном, и в сельскохозяйственном производстве. Так, в Волоколамском монастыре в последней четверти XVI в. работали за плату свыше 100 человек: кузнецы, токари, плотники, кожевники, портные и т. д. «Судебники» 1497 г., а также 1550 г. в статьях о «наймигах» указывали на применение наемного труда в условиях феодализма. Образование все-русского рынка расширило использование наемного труда.

В XVII в. на промышленных предприятиях трудились не только феодально зависимые, но и наемные работники. В первой половине века (1641 г.) из 128 кузниц в Москве и в слободах сами владельцы кузниц работали в 83 кузницах, в 6 кузницах владельцы трудились совместно с наемными работниками (по одному-два), в некоторых же кузницах были заняты лишь наемные работники.

Наемный труд в XVII в. применялся не только в ремесленном и мелкотоварном производстве города, но изредка и в сельском хозяйстве. Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича 1649 г., устанавливая различные условия работы (по наемным и служилым кабалам), определяло и условия вольного найма.

Основной рабочей силой на предприятиях царской

¹ См.: Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. С. 190.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 581.

вотчины были «местные крестьяне, для которых госуда-рево дело было такой же натуральной повинностью, как для владельческих крестьян барская работа. В подмосковных селах к местным крестьянам присоединялись... рабочие еще двух категорий: «работные люди» и «вольница». Для первых работа была повинностью, вторые — представители вольного труда, получавшие вознаграждение «по уговору»¹.

В феодальной вотчине боярина Морозова (XVII в.) так называемые деловые люди использовались как на промышленных предприятиях, так и в сельском хозяйстве. Большая их часть рекрутировалась из помещичьих крепостных, другую часть составляли наемные деловые люди из разных категорий населения: «гулящие», оброчные и т. д. Но и этих наемных феодалы принуждали работать, хотя делались попытки экономически стимулировать их труд. Позднее, в конце XVII в., когда железодельные предприятия Морозова перешли в казну, а затем к купцу Воронину, на них стал применяться исключительно вольнонаемный труд. Следовательно, на подобных предприятиях рабочая сила эксплуатировалась как на основе найма, так и главным образом путем внеэкономического принуждения. Считать, что там осуществлялась типичная капиталистическая эксплуатация, было бы неправильно, как неправильно игнорировать в составе рабочей силы наемных работников из ремесленников, бобылей, «вольных», «гулящих» людей и оброчных крестьян.

Наемный труд в XVII в. применяли не только крупные царские, монастырские, боярские вотчины, но и промышленные предприятия, принадлежавшие нарождавшейся буржуазии, а также иностранцам. Источником вольнонаемной рабочей силы для промышленности были разорившиеся ремесленники, беглые, разоренные налогами и непомерной феодальной рентой крестьяне и т. д.

В законодательстве Петра Великого имеется немало указов, распоряжений, свидетельствующих о попытках царского правительства расширить сферу применения вольнонаемного труда в промышленности. При выдаче разрешений на заведение частных мануфактур выдвигались требования «нанимать вольных» людей, «с уговором достойной платы», «повольную ценою». В указе «О построении в Усольском уезде медных заводов и о

¹ ПСЗ. Т. V. № 3124. С. 522—523.

приписке к оним деревень» говорилось также, чтобы «на оные ж заводы вольных работников принимать по указу»¹. В указе 1721 г. призываются вольные работники «для перекопания крутых лук на реке Гжати»². В 1717 г. на строительстве Петербурга Петр в значительной степени применял и вольнонаемный труд.

Меньше вольнонаемный труд был распространен в металлургии Урала, хотя и там были мастеровые и работные люди, которые трудились «по добровольным договорам, из платы, живущие по паспортам из разных мест».

Если взять петровскую промышленность в целом и не переоценивать экономического значения приписных крестьян, то можно сделать вывод, что среди производственных работников во многих отраслях наемные работники составляли значительный процент, даже в металлургии, которая выделялась использованием феодально зависимого труда.

Конечно, отношения найма в России в XVII и XVIII вв. не оформляются еще так четко, как в XIX в. Феодальные отношения в XVII в. накладывали определенный отпечаток на формы найма, делая иногда «наймита» полузависимым человеком. На наемном труде еще лежала печать феодализма. Так, оброчный крестьянин, работая в промышленности по найму, должен был из своей заработной платы часть отдавать помещику в форме докапиталистической ренты. Наемный труд в XVII — XVIII вв. не сделался, естественно, основой экономических отношений, но сбрасывать со счетов это новое явление в экономике России было бы неверно.

Интенсивный рост промышленного производства со всей остротой поставил проблему рабочей силы. Ввиду низкого органического строения капитала в тогдашней промышленности спрос на рабочую силу был особенно большой. Вольнонаемных рабочих не хватало, и труд их был дороже, поэтому царизм стремился вовлечь работников в промышленность с помощью различных форм принуждения. Как и в других странах, в частности в Англии, где в мануфактурный период вербовали рабочих на фабрики используя кровавое законодательство, в России, применяя насилие, создавали кадры рабочих для мануфактур.

¹ ПСЗ. Т. VII. № 4237. С. 72.

² ПСЗ. Т. VI. № 3827. С. 435.

В промышленности широко использовался принудительный труд крепостных, осужденных, «гулящих», пленных, военнообязанных и т. д. На мануфактуры отправляли «баб и девок, которые не будут подлежать смертной казни», «незаконнорожденных, пришедших в возраст и обученных разным мастерствам», преступников, осужденных на каторгу и ссылку, раскольников, праздношатающихся и бродящих по миру работоспособных женщин. В 1721 г. был издан указ, который предписывал: «Для ссылки в работу винных баб и девок отсылать в Берг- и Мануфактур-коллегию»¹.

Вместе с тем проблема рабочей силы решалась и другими путями. Во второй четверти XVIII в. усилились феодальные формы привлечения рабочей силы, поскольку была расширена приписка крестьян к предприятиям и промышленникам разрешалось покупать деревни с крепостными крестьянами для использования их в мануфактурах. В русской промышленности применялся феодально зависимый труд так называемых посессионных рабочих, приписных крестьян, рабочих на помещичьих промышленных предприятиях и т. д.

Как известно, петровский указ 1721 г. разрешал растущей буржуазии приобретать крепостных крестьян для работ на заводах.

Было разрешено шляхетству и купечеству покупать деревни, «дабы те деревни всегда были при тех заводах неотлучно»². Промышленник мог продать купленных на основе этого указа крестьян только вместе с заводом. Постановлением создавалась особая, специфическая для России форма крупного предприятия — так называемая посессионная мануфактура. Надо сказать, что до издания указа были лишь отдельные, весьма редкие случаи покупки крепостных людей промышленниками. Еще в 1701 г. Н. Демидову предоставлялось право купить у вотчинников крестьян. Указ 1721 г. историки и экономисты России оценивали и оценивают по-разному. Одни видели в нем ограничение феодальных прав землевладельцев, другие считали, что он обусловил то, что вместо капиталистического производства с вольнонаемными рабочими у нас водворилось крупное производство с принудительным трудом.

Несомненно, этот указ был важным мероприятием

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3808. С. 410.

² ПСЗ. Т. VI. № 3711. С. 311—312.

в экономической политике царизма, но он не вносил принципиальных изменений в господствующий способ производства. Положения указа 1721 г. получили дальнейшее развитие в указе 1736 г., который усиливал применение принудительного труда на мануфактурах. Через восемь лет принципы экономической политики, изложенные в указе, распространились на другие предприятия Мануфактур-коллегии. Указ закреплял за фабриками людей, обучившихся какому-либо мастерству, и предусматривал освобождение их от подушного оклада и уплату за них денег по определенной расценке прежним собственникам.

На посессионных фабриках и заводах рабочая сила закреплялась за предприятием и не могла продаваться без его ведома. Несколько позднее эта практика была отменена, так как в подобных случаях крестьяне разбегались с мануфактур на прежние места жительства. Однако в 1752 г. указ Сената разрешил фабрикантам и заводчикам покупать крестьян к заводам по своему усмотрению, ограничивалось при этом лишь число душ, которые могли приобретать отдельные предприятия.

В результате осуществления перечисленных указов значительная часть мастеровых стала по принуждению работать на мануфактурах. Вначале были закреплены рабочие на семи мануфактурах, а позднее и на других. Характерно, что чернорабочие не подлежали закреплению, а, согласно указу 1736 г., возвращались прежним владельцам. Недостаток материалов не позволяет точно определить соотношение вольнонаемного и принудительного труда на русских мануфактурах в период после указа 1736 г. С. Г. Струмилин считал, что к середине XVIII в. на частных мануфактурах в обрабатывающей промышленности трудились 14 476 вольных и 12 839 обязанных людей, в добывающей — соответственно 10 775 и 9 990 человек¹.

Под влиянием борьбы крестьян и роста вольнонаемного труда в 1762 г. владельцам мануфактур было воспрещено покупать для работы на заводах и фабриках деревни как с землей, так и без земли и было предписано «довольствоваться им вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми»².

¹ См.: Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. I. С. 315.

² ПСЗ. Т. XVI. № 11638. С. 48.

В 1798 г. фабрикам и заводам вновь было разрешено покупать крестьян с землею и без земли при условии, что купленные деревни всегда будут оставаться при этих предприятиях, а в случае уничтожения предприятий крестьяне перейдут в казну. В 1802 г. закон о покупке крестьян был ограничен покупкой только крестьян ближайших деревень, а переселение к заводам запрещалось. Лишь в 1816 г. этот закон был окончательно отменен.

Хотя в конце XVIII в. право промышленников покупать для работы на предприятиях крестьян было восстановлено, оно широко уже не применялось, так как в указанный период промышленные предприятия в значительных масштабах использовали вольнонаемный труд. Изменение экономической политики в этом деле отражало колебание царизма между сталкивающимися интересами феодалов-землевладельцев и растущей буржуазии.

Посессионные предприятия, как частные, так и казенные, — самобытное явление в хозяйственной истории России, выражавшееся в применении зависимого труда в промышленности. Эти предприятия были специфической формой крупной промышленности России в условиях феодально-крепостнического строя, занимали как бы промежуточное положение, отличаясь как от предприятий, основанных на вольнонаемном труде, так и от вотчинных предприятий, базировавшихся на эксплуатации крепостного крестьянского труда. Посессионные работники имели в большинстве случаев приусадебные участки, огороды и т. д., были привязаны к посессионной мануфактуре, а владел ею часто феодальный собственник земли. Значительная часть посессионных рабочих имела землю, однако труд их на мануфактурах оплачивался деньгами.

Владельцы посессионных мануфактур и фабрик не могли продать рабочих без фабрик; они обязаны были выдавать им заработную плату и использовать их только на работах того предприятия, которому они были «крепки». Отношения между посессионными рабочими и фабрикантами (согласно Положению) должно было регулировать правительство, но делало оно это не всегда. Больше всего посессионных рабочих было в центральных губерниях и на Урале.

В первой половине XIX в. из-за низкой заработной платы (более низкой, чем у вольнонаемных рабочих),

чрезмерной продолжительности рабочего дня, штрафов, вычетов из заработной платы, жестокого обращения, из-за того, что у фабричных отнимали пахотные земли, выпасы, принуждали исполнять нефабричную работу и т. д., прошли волнения посессионных рабочих на Большой Ярославской мануфактуре, фабриках Осокина, Красносельской, Фряновской, Купавинской и других предприятиях.

Общие экономические условия первой половины XIX в., в частности обострение классовой борьбы на посессионных предприятиях, рост применения вольнонаемного труда и т. д., заставляли промышленников отказываться от посессионного труда, поскольку он был менее выгоден и производительен, чем вольнонаемный, что особенно проявилось к середине XIX в. Посессионный работник с меньшей производительностью труда обходился капиталисту дороже вольнонаемного, которого можно было в любую минуту выбросить на улицу, не неся при этом никаких издержек и набирая более способных и здоровых людей.

Правительство, идя навстречу просьбам владельцев посессионных фабрик, предоставило промышленникам право переводить с его разрешения посессионных работников в другие сословия (мещанство, сословие государственных крестьян и др.). В 1840 г. под влиянием роста капиталистических отношений было принято постановление уничтожить институт посессионных предприятий. Согласно этому постановлению, государство выплачивало промышленнику за каждую увольняемую ревизскую душу (мужского пола) 36 руб. (если работники были куплены фабрикантом или он заплатил за них во время их приписки). В результате около половины всех посессионных мануфактур и фабрик перешло на более производительный наемный труд. Таким образом, в первой половине XIX в. кризис посессионной формы промышленности был весьма заметен. Часть посессионных предприятий закрылась, другая превратилась в капиталистические предприятия.

Принудительный труд в русской промышленности широко применялся, как уже отмечалось, в форме приписки крестьян к предприятиям. Приписное население (главным образом, выходцы из государственных крестьян) вело длительную и упорную борьбу с этой формой феодальной эксплуатации. В течение всего XVIII в. происходили многочисленные выступления и восстания

крестьян, приписанных к рудникам, заводам и мануфактурам. Даже официальные сообщения о причинах возмущений (например, крестьян Ижевского и Воткинского заводов) не могли скрыть того, что они были вызваны непомерной эксплуатацией населения, неправильным зачетом в подушный оклад заработанных приписными крестьянами денег, неправильным распределением дней заводской и крестьянской работы, отдаленностью заводов от местожительства крестьян (до 400 верст и больше) и т. д.

Приписка крестьян к горным заводам, в особенности тогда, когда заводы находились далеко от крестьянских деревень, постепенно разоряла крестьянские хозяйства. Приписные крестьяне не были рабочими. Они появлялись на горнозаводских предприятиях периодически, как правило, не имея никакой квалификации и потому выполняя работу, не требующую особой подготовки; материальное положение их было связано в основном с земледельческим хозяйством, а не с работой в промышленности. Это были главным образом государственные крестьяне, обязанные отрабатывать подушную подать и оброчный сбор на государственных и частных заводах. Крестьянин мог отработать приходящуюся на его долю подать за 3,5—4 недели, но так как он отработывал подать не только за себя, но и за все ревизские души (стариков, детей, умерших после ревизии), то ему приходилось трудиться до 4 месяцев.

Волнения и протесты вынудили царское правительство дать перечень работ, которые должны были выполнять приписные крестьяне (возка угля, руды, рубка дров, ремонт плотин и др.). В 1779 г. оплата их труда была несколько повышена против норм 1769 г.¹

В 1719 г. было 31 383 приписных крестьянина, труд которых использовался главным образом в горной промышленности, в 1741—1743 гг. — 87 253, а в 1794—1796 гг. — 312 218 душ мужского пола, в том числе на казенных заводах — 241 253². Меры по ликвидации института приписных крестьян, занятых в горнозаводской промышленности, стали принимать только в начале

¹ См.: ПСЗ. Т. XX. № 14878. С. 822—824. В 1779 г. в подушный оклад крестьянин должен был отработать 1 р. 70 к., получая в летнее время в день 10 (без лошади) или 20 коп. (с лошадей), в зимнее — соответственно 8 и 12 коп. (см. там же.).

² См.: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. II. С. 304—305.

XIX в. Лишь незначительное количество приписных крестьян было оставлено за заводами в качестве непременных работников (58 человек на 1 тыс.), подавляющая же часть их была освобождена от работы на предприятиях. Недостающую рабочую силу возмещали путем переводов на заводы собственных помещичьих крестьян, покупки крестьян, передачи заводам некоторого числа государственных крестьян, рекрутов и т. д. и пополнения заводов наемными людьми.

Удельный вес приписной рабочей силы особенно снизился накануне крестьянской реформы: приписные составляли всего 17,6 тыс. человек, или 3—4 % общего числа рабочих обрабатывающей промышленности, а вольнонаемные — 80—85 %. Во второй половине XIX в. роль приписных и покупных работников понизилась даже в такой отрасли, как суконная промышленность.

Вотчинные промышленные предприятия не представляли переходной от феодальной к капиталистической формы промышленности, несмотря на то что на них в конце XVIII и первой половине XIX столетия усилились тенденции, свойственные товарно-денежному хозяйству (работа на рынок, иногда денежная оплата труда и т. д.).

Рассмотрим некоторые статистические материалы, показывающие социальную структуру рабочей силы, занятой на мануфактурах. По данным за 1737—1740 гг., охватившим 6992 рабочих, выходцы из крестьян (помещичьих, дворцовых и монастырских) составляли 30,4 %, из посадских и фабричных — 35,5, из солдат — 20,9 %¹. Следовательно, посадки давали свыше трети всех рабочих мануфактур. Значительную группу составляли солдаты, которые не могли быть причислены к крестьянам, поскольку потеряли связь с землей и тяглом. Из крестьян наибольшую группу здесь представляли монастырские, затем шли дворцовые, меньше всего было помещичьих (5,7 %).

До поступления на мануфактуры уже работали по найму 22,6 % всех рабочих, 1,8 % были ремесленниками, 21,6 % нищенствовали, 31,7 % жили при родных, 2,2 % торговали, 5,5 % занимались разной работой и 0,7 % крестьянствовали. Таким образом, большинство рабочих, охваченных переписью, жило продажей своей рабочей силы, не имея собственного хозяйства. Матери-

¹ См.: Крепостная мануфактура. М., 1934. Ч. IV. С. XII.

алы переписи 30-х годов XVIII в. указывают на значительное разделение труда. Сдельная оплата труда в полотняном и писчебумажном производстве охватывала 72,7 % рабочих-мужчин, в суконном — 97,1, в шелковом — 54,6 %.

Соотношение принудительного и наемного труда в конце XVIII в. (1799 г.) на предприятиях, находившихся в управлении только Мануфактур-коллегии, было различным в зависимости от отрасли. Вольнонаемный труд в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности: полотняной, шелковой, хлопчатобумажной, канатной — преобладал над трудом зависимым, а в целом он составлял в обрабатывающей промышленности, по официальным данным, более 40 %. В действительности роль вольнонаемного труда в промышленности (если учесть наемный труд в мелкотоварном производстве города и деревни) была выше, поскольку мелкие предприятия, в частности крестьянские заведения, на которых использовался наемный труд, не учитывались правительственной статистикой.

За первую половину XIX в. роль наемного труда в промышленности увеличилась, так что к 1825 г. в обрабатывающей промышленности его доля была больше, чем доля крепостного и других форм зависимого труда. Значение вольнонаемного труда возросло главным образом в результате снижения удельного веса приписных и покупных рабочих.

В начале XIX в. из 95,2 тыс. рабочих обрабатывающей промышленности вольнонаемных было 45,6 тыс. (47,9 %), приписных и купленных — 30,2 тыс. (31,7 %) и крепостных (помещичьих) — 19,4 тыс. (20,4 %); в 1825 г. при общем числе рабочих 210,6 тыс. — соответственно 114,5 тыс. (54,4 %), 29,4 тыс. (14 %) и 66,7 тыс. (31,6 %). Растущее городское население, ремесленники, государственные крестьяне, оброчные крестьяне и т. д. пополняли массу вольнонаемных рабочих в промышленности.

В обрабатывающей промышленности перед крестьянской реформой вольнонаемный труд составлял от 80 до 85 %; в горнозаводской его удельный вес как в конце XVIII в., так и перед реформой был ниже — менее 50 %. Статистика горного производства в то время была несовершенна, поэтому исчислить соотношение вольнонаемного и принудительного труда в этой отрасли нелегко. Более того, некоторые исследователи,

не отделяя приписных работников, а иногда и приписных крестьян от подлинных рабочих разных заводов, приходили к выводу, что перевес был на стороне подневольных работников, заключая на этом основании, что петровская мануфактура, например, была крепостнической.

В широких размерах практиковались приписки государственных крестьян к заводам с той целью, чтобы они отработывали на этих предприятиях государственные подати. Мы видели выше, что на металлургических заводах еще в XVII в. применялся вольнонаемный труд, а крестьяне приписывались преимущественно для выполнения внезаводских работ. XVIII и первая половина XIX в. характеризуются использованием в металлургии как вольнонаемного, так и принудительного труда. Соотношения между ними в отдельные периоды изменялись. Значительное число частных предприятий эпохи Петра I в особенности до указа 1721 г. обслуживалось преимущественно вольнонаемными работниками, в то время как казенные железоделательные заводы, используя вольнонаемный труд, весьма широко применяли и труд приписных крестьян.

Численность приписных в несколько раз превышала численность вольнонаемных работников. Однако простое статистическое сопоставление числа приписного населения, которое далеко не все обслуживало заводы, и вольнонаемных, занятых на этих заводах, может повести к недоразумениям¹. Если на протяжении всего XVIII и половины XIX в. в металлургической промышленности Урала использовался преимущественно подневольный труд, то на железоделательных заводах Центра преобладающей, а иногда и единственной рабочей силой были наемные работники. По переписи, производившейся в 1737—1738 гг., из 633 рабочих металлургических заводов Центра России наемных было 482, а крепостных — 151². Во всей русской промышленности перед освобождением крестьян преобладал вольнонаемный труд.

¹ См.: Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. С. 268; Мешалин И. В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М.; Л., 1950. С. 45.

² См.: Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953. С. 362.

Городское посадское население (ремесленники, бобыли), государственные крестьяне, оброчные и другие группы составляли контингент наемной рабочей силы. Надо отметить, что роль оброчных крестьян иногда преувеличивается. Оброчный крестьянин часть заработанных денег должен был отдавать помещику в счет ренты; до 1835 г. он мог быть даже отозван с фабрики. Мануфактуры и фабрики, использовавшие исключительно или преимущественно наемный труд и поставлявшие продукцию на рынок, на продажу, представляли капиталистические формы промышленности независимо от того, кому эти предприятия принадлежали — купцу, казне, помещику или крестьянину. Капиталистическими мануфактурами владело преимущественно купечество и богатые крестьяне.

Крепостной труд больше всего применялся в таких отраслях обрабатывающей промышленности, как суконная, стекольная, писчебумажная, свежлосахарная. Но даже в суконной промышленности, где он использовался больше всего, его удельный вес перед крестьянской реформой снизился до 34 %.

В свежлосахарной промышленности перед реформой примерно половину рабочих составляли крепостные (кроме Киевской губернии, где использовался главным образом вольнонаемный труд). Хотя с развитием сахарной промышленности число крепостных работников, занятых в этой отрасли, и возросло, доля их уменьшилась.

Из 100—115 тыс. рабочих, используемых перед реформой в обрабатывающей вотчинной промышленности, около 41 тыс. были заняты в суконной промышленности, примерно 32—33 тыс. — в свежлосахарной и почти 26 тыс. — в винокуренной.

Предприятия свежлосахарной промышленности, как и винокуренной, работали не весь год. Этого нельзя не учитывать при исчислении рабочей силы в обрабатывающей промышленности, в частности, удельного веса подневольных работников.

По мере развития товарного производства помещичьи домашние «фабрики», на которых использовался труд вотчинных ремесленников, превращались в предприятия, работавшие на рынок. Например, князь Щербатов имел в конце XVIII в. на девяти своих суконных «фабриках» 1050 крепостных крестьян, производивших некрашенные сукна, шедшие московским купцам. От

этих вотчинных «фабрик», работавших на рынок, отличались так называемые домовые фабрики с натуральным характером производства, удовлетворявшие посредством использования труда крепостных крестьян-ремесленников потребности помещика и его двора. Вотчинные или помещичьи промышленные предприятия основывались, как правило, на принудительной барщинной эксплуатации феодального крестьянства, часто без выдачи заработной платы.

В условиях промышленного переворота, перехода предприятий на машинное производство в отдельных отраслях на первый план выдвинулась капиталистическая форма промышленности.

Конец XVIII и начало XIX в. характеризуются внедрением машин в различные отрасли русской промышленности.

Мануфактурный период знает sporadическое употребление машин: бумажных мельниц для перемалывания тряпок, в металлургии машинных толчей для дробления руды и др. Элементарные машины в отечественной промышленности употреблялись давно. Они строились в России или привозились из-за границы. Огромные достижения русской научно-технической мысли в XVIII и в начале XIX в. (укажем хотя бы только на труды Ломоносова, Ползунова, Кулибина, Нартова, Глинкова) были серьезной предпосылкой промышленного переворота в стране. Ему способствовало также наличие огромных естественных богатств и высокий уровень металлургической промышленности, достигнутый в конце XVIII в.

Уже в конце XVIII и в начале XIX в. русские мануфактуры в некоторых отраслях превращаются в фабрики. Степень внедрения машин в отдельных отраслях промышленности была очень различна. Классический пример промышленного переворота дает хлопчатобумажная промышленность, развивавшаяся на базе наемного труда.

Создание первых прядильных машин (возвестивших о промышленной революции) в хлопчатобумажном производстве России относится к последним годам XVIII и первой четверти XIX в. Внедрение текстильных машин в отдельные производства происходило неравномерно. Хотя в процессе прядения после промышленной революции использовались машины, в ситцепечатании и особенно в ткачестве некоторое время сохранялся ручной

труд. Это относится к нашей промышленности так же, как и к английской.

Основная причина интенсивного внедрения в хлопчатобумажную промышленность прядильных и отделочных машин — необходимость увеличить производительность труда и соответственно рост доходов владельцев фабрик. Капиталистическая хлопчатобумажная мануфактура была господствующей формой производства в XVIII и в начале XIX в.; в текстильной промышленности Московской губернии в 1807 г. на мануфактурах, составлявших 31 % предприятий, было занято 59,3 % станов на 72,1 % рабочих. По мере роста машинной индустрии значение мануфактуры и различных форм мелкой промышленности непрерывно снижалось.

В 1793 г. в России фабрикант Лима установил прядильную машину на 104 веретена. Первой прядильной мануфактурой в России, оборудованной прядильными машинами, была Александровская мануфактура в Петербурге (основана в 1799 г.). Машины там с 1805 г. приводились в движение паром. Александровская мануфактура сыграла важную роль в истории русской хлопчатобумажной промышленности. По существу, это была уже не мануфактура, а хлопчатобумажная фабрика. В 1828 г. там трудилось 4 тыс. рабочих, имелись 3 паровые машины общей мощностью в 170 л. с.¹, ткань миткаля на фабрике производилось тоже машинами. Таким образом, возникновение прядильных фабрик в России относится к первой четверти XIX в. В 1808 г. в Москве начинает работать частная бумагопрядильня купца Пантелеева, машины для которой были получены с Александровской мануфактуры.

Архивные материалы указывают на существование к 1812 г. нескольких прядильных фабрик в Москве. В Шуйском уезде бумагопрядильни начали возникать с 1817 г., однако более или менее быстрое их развитие наблюдалось позднее. С 1838 г. по 1854 г. во Владимирской губернии появилось восемь бумагопрядилен. В Иванове первая прядильная фабрика возникла в 1838 г. В Журнале мануфактур и торговли (1828 г., № 6) помещен неполный список девяти действовавших в 1828 г. бумагопрядильных заведений, причем автор списка указывает, что он перечисляет лишь известные ему предприятия. В этих прядильнях было установлено

¹ См.: Журнал мануфактур и торговли. 1828. № 5. С. 39.

30 тыс. веретен. В 1846 г. начинает работать Гусевская бумагопрядильня Мальцева и Никольская бумагопрядильня Саввы Морозова; в следующем году — бумагопрядильни в Шуе и в Переяславском уезде; еще через год — бумагопрядильня Гарелина в Иванове, а затем (в 1849 г.) — братьев Борисовых в Переяславле.

В обозрении, посвященном мануфактурной выставке 1843 г., указывается, что в России имеется уже 48 бумагопрядилен с 350 тыс. веретен. В 40-х годах XIX в. возникает бумагопрядильная фабрика Хлудова в Егорьевске (Рязанская губерния), Охтенская бумагопрядильня в Петербурге, бумагопрядильня в Серпухове. В 1846 г. в России было уже 700 тыс., а в 1859 г. — около 1600 тыс. веретен, приводившихся в действие паром. Согласно данным Военно-статистического сборника (1871 г.), количество веретен распределялось по губерниям следующим образом: в Петербургской — 600 тыс., в Московской — 350 тыс., во Владимирской — 200 тыс. и в прочих губерниях — 450 тыс.

Заведение, оборудованное прядильными машинами, приводимыми в движение силой пара, где работали почти только вольнонаемные рабочие, — это уже не мануфактура, а прядильная фабрика, возникающая, однако, при господстве крепостнических отношений и носящая на себе их отпечаток.

В 1861 г. в России насчитывалось около 2 млн. механических прядильных веретен и около 15 тыс. механических ткацких станков. Эти станки «захватывали» постепенно вслед за хлопчатобумажной промышленностью и другие отрасли текстильной индустрии (льняную, шерстяную и шелковую). Первый механический ткацкий станок был установлен в 1808 г. на Александровской мануфактуре. Механизация хлопчаткацкого производства в России шла значительно медленнее, чем прядильного и отделочного. В России процесс вытеснения ручного ткацкого станка, как и технический прогресс в целом, задерживался крепостническими отношениями.

В Шуе первая механическая ткацкая фабрика была организована в 1846 г. В начале 50-х годов XIX в. имелось около 2 тыс. механических ткацких станков, из которых 300 были в Финляндии на фабриках у Финлейсона, 400 — у Райта в Петербурге, 600 — на Охтенской фабрике, 250 — в Шуе и 150 — у Волкова, близ Москвы. Перед крестьянской реформой число станков было уже в несколько раз больше.

Внедрение машин в ситценабивное производство относится к первой четверти XIX в. В 1817 г. московскому купцу и фабриканту Михаилу Веберу была выдана на 10 лет привилегия на цилиндровую машину для набивки ситцев и выбоек, «доныне нигде в России еще в употребление не введенную и совершенно неизвестную»¹. Эта машина, по сообщению журнала, заменяла ручной труд около 500 человек и приводилась в движение паром. Одновременно разрешено было иметь такую же цилиндровую машину и другому фабриканту. Через год была выдана новая привилегия на несколько видоизмененную цилиндровую машину.

В 1821 г. московский фабрикант Гребенщиков получил привилегию на 10 лет на цилиндровую печатную машину, которая приводилась в движение не паром, а лошадьми. В конце 30-х годов в связи с аннулированием привилегий, выданных раньше на цилиндровые машины в Московской губернии, ситцевые мануфактуры интенсивно переходили на машинную обработку. Цилиндры для набивки ситцев приводились в действие частично паром, частично лошадьми. В 1828 г. появляется первое ситценабивное производство в Иванове.

Русские домашние ткачи, как и ткачи на Западе, враждебно относились к применению печатных машин, ставших для них грозным соперником, поскольку машинное производство было дешевле и его продукция постепенно вытесняла ткани ручной набивки.

Капиталистическая форма в русской хлопчатобумажной промышленности (главной отрасли обрабатывающей промышленности России) возникла еще в условиях феодально-крепостнических отношений и притом раньше, чем в других отраслях индустрии.

Перед крестьянской реформой произведенная машинным способом продукция хлопчатобумажной промышленности в несколько раз превышала ручное производство, хотя последнее и располагало большим числом работников.

На протяжении первой половины XIX в. машины внедрялись и в некоторые другие отрасли производства: транспорт, свеклосахарную и писчебумажную промышленность. Возникла новая отрасль производства — машиностроение. В свеклосахарной промышленности в 1850—1851 гг. имелось 64 завода с паровыми машина-

¹ Журнал мануфактур и торговли. 1825. № 2. С. 8—9.

ми, а в 1861—1862 гг. — уже 183, и на них производилось свыше 80 % сахара. Согласно данным Обзора различных отраслей мануфактурной промышленности России (1862 г.), в писчебумажной промышленности на 29 фабриках с 40 бумагоделательными машинами было выработано в 1850 г. 760 тыс. стоп, что составляло около половины всей продукции отрасли, а в 1860 г. — уже около 80 %.

Машинизация промышленности осуществлялась как путем ввоза оборудования из-за границы, так и вследствие роста отечественного машиностроения. Перед крестьянской реформой в 50 губерниях европейской России насчитывалось уже 99 механических и 130 литейных заводов, многие из которых располагали паровыми двигателями. По некоторым ориентировочным данным, перед реформой 1861 г. фабричная продукция в обрабатывающей промышленности России преобладала уже над продукцией мануфактур, ремесленных мастерских и светелок. Несмотря на известную условность и относительность этих расчетов, они весьма интересны. Несомненно, что в указанный период фабричное производство достигло таких успехов, что стало преобладать в некоторых важнейших отраслях, и в первую очередь в хлопчатобумажной.

В конце феодального периода в России сложились в основном три главных промышленных центра — Центрально-Европейский, Петербургский и Уральский.

Центральные районы страны, обладавшие вековой промышленной культурой и включавшие районы Москвы, Тулы, Иваново-Вознесенска, Ярославля, Владимира, Нижнего Новгорода и др., сосредоточивали основную часть текстильной промышленности России (в отмеченное время там было занято больше половины рабочих промышленности) и значительную часть других отраслей обрабатывающей промышленности и имели большие экономические преимущества перед другими районами. Центральное положение, высокая плотность населения, наличие удобных естественно-географических условий, наличие сырья, топлива, системы судоходных рек и т. д., с одной стороны, и, с другой — относительное малоземелье, краткость рабочего периода в сельском хозяйстве — все способствовало возникновению здесь вначале домашней промышленности, ремесла, мелкотоварного производства, а затем мануфактур и фабрик.

Несовпадение периода производства и рабочего периода в сельском хозяйстве явилось одной из причин развития домашней промышленности. Мануфактурное производство легче находило в этом районе накопленные капиталы и вольнонаемный труд ремесленно-посадского населения и оброчных крестьян, перешедших на денежный оброк раньше, чем в других частях страны.

Крупным промышленным центром эпохи феодализма стал Петербург, в который с самого его основания Петр I собирал ремесленников не только со всех частей России, но и из-за границы. В Петербурге были созданы арсенал и адмиралтейство с многочисленными кузницами, оружейными и пушечными дворами, оружейный завод и другие металлообрабатывающие предприятия. На протяжении второй половины XVIII и первой половины XIX в. Петербург стал важнейшим центром машиностроения России и крупнейшим районом текстильной промышленности.

Значительнейшим промышленным центром России эпохи феодализма был Урал, где сосредоточивалась основная масса предприятий черной и цветной металлургии, но уже в XIX в. Урал начал переживать застой в промышленном производстве.

В конце периода феодализма на горизонте стал вырисовываться новый центр промышленности — Украина, правда, вначале заявивший о себе только интенсивным ростом сахарной промышленности в Киевской губернии. В этой отрасли использовался вначале преимущественно принудительный труд, а затем в годы перед крестьянской реформой получил распространение и вольнонаемный труд. В сахарной промышленности Украины, снабжавшей своей продукцией почти все районы страны, совершился еще в годы до крестьянской реформы переход от мануфактурной техники к технике машинной индустрии, произошла замена огневых заводов паровыми.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Товарное производство на Руси существовало уже на ранней стадии феодализма. В большей степени его возникновение связано с ростом ремесла и городов. Феодалы продавали на рынке продукты неоплаченного труда.

Новой ступени товарное производство достигает в эпоху Киевской Руси, когда началась чеканка собственной русской монеты. «Торги», эти древние рынки, образовывались вокруг церквей, в городах и поселениях и служили местом продажи товаров.

Торговый капитал при феодализме выполняет роль посредника в обмене прибавочного продукта, присвоенного феодалами, в обмене продукции крестьян, а также ремесленного населения. *Феодальная Русь характеризуется не только существованием внутреннего рынка, но и развитой внешней торговлей.* Размер рынка зависел от степени специализации общественного труда. Выделение ремесла, возникновение и рост городов содействовали расширению внутреннего рынка.

Формы образования городов были различны. Многие древние городища превращались в города. Экономическое значение городов росло в связи с ростом производительных сил.

Резких отличий городов от сел, особенно в ранний период, в Древней Руси не было. Известно, что у древлян жители городов «делали нивы своя и земли своя». Но при всех условиях в городах и в тот период сосредоточивались ремесла и торговля. На первых этапах феодализма торговлей занимались непосредственно сами производители, т. е. ремесленники, крестьяне; феодалы же реализовывали продукцию, полученную в форме докапиталистической ренты. Лишь позднее на Руси появляются купцы-торговцы.

Кроме товаров ремесленников на рынок поступала продукция земледелия (рожь, овес), а также продавались соль, рыба, мед и т. д. Таким образом, в товарные отношения были втянуты крестьянские и вотчинные

хозяйства. На внутренних городских рынках выступало и иностранное купечество. В этот период существовала денежная (преимущественно в городах) и меновая торговля.

Для Древней Руси типична связь торгов с церквями: духовенство наряду с князьями занималось торговлей, отдавало деньги в рост и т. д. В Киеве имелись «торжки» и «торговище» (на Подоле), насчитывалось 40 церквей и 8 рынков; в Новгороде «торг» подразделялся на отдельные ряды. Киевская Русь имела относительно развитое ремесло, товарное производство и значительный рынок. Часть городских ремесленников Киева, Смоленска, Новгорода работала не только на заказ, но и на рынок, который был в несколько раз больше рынка деревенских ремесленников¹.

Уже в период раннего феодализма в некоторых случаях ремесленники становились товаропроизводителями. Наши археологи склонны утверждать, что в Древней Руси были бродячие торговцы и существовала ярмарочная форма торговли².

Период феодальной раздробленности и татарского ига понизил роль товарно-денежных отношений в русских княжествах. Обращение металлических денег уменьшилось, и, по всей вероятности, во второй половине XII в. и в XIII в. их чеканки не было (об этом факте нет достоверных сведений). Лишь Новгородская феодальная республика, пострадавшая меньше других русских княжеств от татарского нашествия, продолжала добывать серебро на Урале и использовала его, в частности, для широко развитой внешней торговли.

Изъятие в виде дани в пользу татар значительных по тому времени денежных сумм и различных продуктов в натуре без соответствующего эквивалента не способствовало росту торговли. Однако несмотря на многочисленные препятствия, торговля продолжала существовать, особенно в деревнях (меновая). Кроме торговли внутри городов и деревень существовала также торговля между отдельными городами и областями. Новгородцы торговали с Тверью, Суздалем, Москвой, Киевом и Черниговом. Москва в XIV в., судя по договорным грамотам, торгует с Новгородом, Рязанью, Тверью и т. д.

¹ См.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. С. 460.

² См.: История культуры Древней Руси. Т. I. С. 364—365.

Важнейшими предметами межобластной торговли были соль и хлеб. Соль везли из Галича, Перемышля, с севера Руси. Новгород часто закупал хлеб во Владимиро-Суздальской и Московской землях. Князья этих полугосударств использовали в своих целях нужду Новгородской феодальной республики в хлебе: порой по политическим мотивам запрещали его вывоз. Феодальная раздробленность, сопровождавшаяся многочисленными войнами с захватом при этом торгующих купцов и установлением множества пошлин (мытов), тормозила развитие торговли. Поэтому купечество объединяется в гильдии и вместе с ремесленниками борется с феодалами и феодальной раздробленностью Руси.

Очень серьезным препятствием на пути развития торговли были *таможенные пошлины*. До образования всероссийского рынка это проездные и торговые пошлины. К числу первых относится «мыт» — древнейшая пошлина, упоминаемая в договорах русских с греками (IX в.), в «Русской Правде» и других документах. Имелись и такие виды пошлины, как «головщина», «мостовщина», перевозки и т. д. Число таможенных сборов особенно возросло во второй половине XIII в. Татары ввели тяжелую пошлину — «тамгу».

Вплоть до середины XVII в. существовало множество торговых внутренних пошлин. Привоз товара на продажу или денег для покупки облагался «замытом», объявление товара и намерение торговать — «явкой». При найме лавок и амбаров на гостином дворе брали «гостиное», «гостиную дань», «амбарное» и «полавочно»; при вывозе товаров из гостиного двора — «дворовую пошлину»; при складировании — «свальное»; при взвешивании — «весчее», «пудовое», «конторное», «рукознобную» и «подъемную» пошлины; при мере — «померное» и «покороченое»; при клеймении — «пятно»; при привязывании «продажной животины» — «роговое» и «привязную» пошлину; при отвозе купленного товара в другое место для продажи или привозимого куда-либо на продажу, но не проданного, — «узолки», или «узолцовое». Непосредственно за продажу и покупку товаров нужно было платить «тамгу», «осминичное» и «порядное».

Внутренних пошлин было так много, что феодальным правителям приходилось в своих договорах часто подтверждать желание не вводить новых пошлин. Подобные условия отражены в договорах московских

князей с рязанскими и других документах. В договорах с соседними государствами феодальные князья также обуславливали характер таможенных пошлин.

Внутренние таможенные пошлины имели в каждом княжестве много особенностей, некоторые группы населения освобождались от пошлин, отдельным феодалам предоставлялись права взимать в собственной вотчине пошлины в свою пользу и т. д. Крупнейшие монастыри, такие, как Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, ведшие широкую торговлю, были освобождены от внутренних пошлин. Так называемые тарханские грамоты предоставляли льготы, освобождали от пошлин в особенности монастыри и духовенство. Лишь в XVII в. тарханы начали постепенно уничтожаться и в 1672 г. были окончательно отменены: «Впредь тарханщиком никому не быть»¹.

Уровень развития товарно-денежных отношений в отдельных княжествах феодальной Руси был неодинаков. В период феодальной раздробленности выделялись Новгородская феодально-купеческая республика и Псков, в которых большую роль играла внешняя торговля. Однако несмотря на феодальную разобщенность, экономические связи русских княжеств постепенно усиливались. Во второй половине XIV в. восстанавливается чеканка русской монеты. Хозяйственное объединение раздробленной Руси, начавшееся в XV в., присоединение к Москве Перми (1472 г.), Новгорода и Двинской земли (1478 г.), Твери (1485 г.), Вятки (1489 г.) и Пскова (1510 г.) создавало благоприятные предпосылки для расширения внутреннего рынка.

В XVI в. Русское государство становится централизованным, присоединяет Казанское ханство, Астрахань и Западную Сибирь. Объединение вокруг Москвы всех русских земель способствовало дальнейшему росту товарного производства городов и внутреннего рынка.

В XV — XVI вв. природа русского города в значительной степени меняется: в нем все более преобладает торгово-промышленное население. Немалую роль в развитии внутреннего рынка в XVI в. играла торговля Архангельска, Холмогор, Ярославля, Костромы, Астрахани, Нижнего Новгорода, Казани, Новгорода, Пскова, Твери, Серпухова, Тулы, Смоленска и многих других, в частности растущих по Сибирскому пути, городов. По

¹ Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. С. 480.

размерам торговли выделялся Новгород, хотя он и утратил былое величие.

Все больше и больше возрастало хозяйственное значение Москвы, превратившейся в XVI в. не только в политический центр, но и в центр ремесленного производства и торговли России. Москва была связана торговлей со всеми крупными городами и районами страны. Старые торговые пути эпохи расцвета Киева и Новгорода сменились новыми, в центре которых была Москва: в ней жили крупнейшие купцы, торговали с Москвой многие монастыри.

XVI в. характеризуется дальнейшим ростом товарно-денежных отношений; углублялось общественное разделение труда, расширялось товарное производство и, как следствие этого, рос рынок. Подати и в известной степени рента принимают денежную форму, связь вотчины, поместья и крестьянского хозяйства с городом усилилась. В конце XVI в. крупное русское купечество, образуя две «сотни» — гостиную и суконную, приобретает черты сословной организации, начинает играть известную политическую роль. Все это создавало условия для образования в следующем столетии всероссийского рынка.

Рост рынка все больше втягивал в товарно-денежные отношения и феодальное крестьянство. Крестьяне не только продавали свои продукты, но и покупали чужие, в частности хлеб. Развитие поместной формы землевладения и внутреннего рынка в XVI в. способствовало усилению феодальной эксплуатации, росту барщины. Возрастает интерес вотчинников к организации на своих землях «торжков». Феодалы были заинтересованы в развитии торговли, поскольку она давала им значительные доходы от торговых пошлин.

Распространение товарного производства как в городе, так и в деревне увеличивало соответствующим образом возможности роста внутреннего рынка, питавшегося не одними «излишками производства».

Хотя в этот период существовали торговцы-посредники, торговля все еще тесно была связана с ремеслом: ремесленники и сами продавали свою продукцию. На городских и деревенских торжках торговцы и монастыри закупали сырье, хлеб, скот, изделия ремесла. Росту хозяйственных связей между отдельными областями способствовали также ярмарки, организовывавшиеся обычно в городах, а более мелкие — в сельских местно-

стях или около монастырей. Монастыри, игравшие значительную роль во внутренней торговле, были заинтересованы в ярмарочной торговле и потому, что таможенные доходы с ярмарок часто шли в их кассу.

Хлеб был важнейшим товаром внутренней торговли XVI в. Монастыри, помещики, купцы, крестьяне продавали и покупали хлеб. Спасо-Прилуцкий, Волоколамский и другие монастыри выступали важнейшими перекупщиками хлеба. Соловецкий монастырь, например, закупал крупными партиями зерно: в 1583 г. в Вологде и Устюге 3348 четвертей ржи и 332 четверти ячменя, в 1600 г. — соответственно 9000 и 800, а в 1601 г. — уже 11 402 и 703 четверти¹.

В XVI в. торговля хлебом достигает большого размаха и принимает разнообразные формы. Из грамоты Бориса Годунова, изданной в голодном 1601 г., видно, что хлебом торговали архимандриты, игумены, посадские люди, крестьяне, предприниматели Строгановы и т. д. Любопытно, что в грамоте отмечается роль скупщиков, покупавших хлеб у крестьян, а потом продававших его по повышенной цене.

Важнейшими товарами внутренней торговли были скот, мясо, рыба, мед, соль и другие продукты сельского хозяйства. Кроме того, на рынок поступали все в большем количестве товары ремесленного производства: металлы и изделия из них, ткани, одежда, продукция скорняжного производства, кожаные товары и т. д. Северные монастыри: Соловецкий, Никольский, Спасо-Прилуцкий и другие — наряду с купцами Строгановыми широко торговали солью, что способствовало концентрации в их руках крупных капиталов. Из района Белоозера почти во все области страны вывозилась рыба. Некоторые центры ремесленного производства поставляли свою продукцию повсюду, даже в самые отдаленные государства. Рост внутренней торговли России содействовал усилению экономических связей между отдельными частями страны.

Товарно-денежные отношения расширялись, конечно, в первую очередь в городе. Но они возникали, хотя и крайне медленно, также в экономической жизни деревни. Например, Волоколамский монастырь продавал крестьянам в некоторые годы 22 % общего количества

¹ См.: Савич А. А. Соловецкая вотчина XV — XVII вв. Пермь, 1927. С. 155.

проданного хлеба и в то же время покупал у них 60 % хлеба.

Для характеристики предпосылок, приведших к образованию всероссийского рынка в XVII в., очень важно выяснить движение цен на товары, реализуемые на внутреннем рынке. Этому периоду свойственны крайне различные цены в отдельных частях страны. В этом нет ничего удивительного, если учесть существовавшие тогда транспортные средства и все еще слабый общий уровень товарных отношений.

XVI столетие характеризуется повышением цен на продукты ремесла и в особенности сельского хозяйства. Цены на хлеб на внутреннем рынке за столетие выросли в 4,5 раза, на скот — в 2,5, на мясо — в 2, на животное масло — в 3, на сено — тоже почти в 3 раза¹; в среднем цены на продукты питания повысились почти в 4 раза. Поднялись они за это столетие и на продукцию ремесленного производства: на железо — в 3,5—4 раза, на холст — в 1,5, на крашенину — в 1,6, на сукно — почти в 2 раза. В целом по группе товаров ремесленного производства цены возросли примерно в 2 раза.

Таким образом, цены на товары ремесленного производства выросли меньше, чем на сельскохозяйственные товары. Некоторые ученые объясняют отмеченный факт тем, что «сравнительная оценка этого процесса в области сельского хозяйства и ремесла приводит к признанию более глубокой товаризации продукции именно сельского хозяйства, а не ремесел»². С этим утверждением согласиться нельзя. Данные показывают, что и в XVI в. товаризация сосредоточенного главным образом в городах ремесла, которое все больше превращалось в мелкое товарное производство, работающее на рынок, была выше, чем сельского хозяйства.

Следует указать, что такой рост цен не является особенностью лишь XVI столетия. Движение цен зависело как от факторов, связанных с изменением стоимости товаров и металлических денег, так и от спроса на товары и предложения их. Производительность труда в феодальном хозяйстве хотя и медленно, но росла. При этом она могла расти быстрее в ремесленном производстве, а не в сельском хозяйстве, в большей мере опутанном

¹ См.: Маньков А. Г. Цены и их движение в русском государстве XVI века. М., 1951. С. 72.

² Там же. С. 97.

рутиной феодальных отношений. Ускоренный рост производительности труда должен был привести при прочих равных условиях к большему снижению стоимости и цен на товары ремесленного производства. Однако обесценение денег сыграло главную роль и в конечном счете определило повышение цен.

Нельзя пройти мимо того факта, что в отмеченное время в Западной Европе цены также резко повысились под влиянием обесценения серебра и золота после открытия и разработки рудников в Америке. «Революция цен» на Западе в XVI в. не могла не коснуться и Русского государства, поскольку Россия, ведя широкую торговлю со странами Западной Европы, ввозила значительное количество серебра.

Большое распространение в экономике феодальной Руси получил купеческий капитал, возникший еще в период раннего феодализма, но заметно возросший в XVI — XVII вв. Купеческий капитал Киевской Руси, а позднее Новгорода развивался на основе внешней торговли, где он в то время главным образом и применялся. Ремесленники и крестьяне вначале сами продавали на внутреннем рынке излишки (или даже подавляющую часть своей продукции) по их стоимости. Но еще в домонгольское время часть ремесленников отказалась от непосредственного участия в торговле, и их изделия развозили во все концы славянского мира купцы-коробейники.

К XV и XVI вв. еще не произошел полный отрыв торговли от ремесла; небольшое число торговцев-посредников не мешало городским ремесленникам самостоятельно реализовывать свою продукцию. В Новгороде, судя по лавочным книгам XVI в., многие торговые лавки принадлежали самим городским ремесленникам, хотя встречались и купцы-посредники. Несомненно, что уже тогда значительная часть городских ремесленников превратилась в мелких товаропроизводителей, работавших на рынок.

В XVI и особенно в XVII в. выделяются скупщики деревенских сельскохозяйственных товаров. Росло число всевозможных торжков и ярмарок. Во многих местах торговые «рядки» и лавки принадлежали людям, считавшим себя крестьянами; на самом деле это были типичные представители торгового капитала. В Коломне и Можайске большинством торговых лавок владели недавние крестьяне, в Туле упоминается 15 лавок, нахо-

дившихся в собственности церковных и помещичьих крестьян, в Пскове имелось множество лавок, принадлежавших дворцовым крестьянам; почти ни одного города не было без крестьянских торгов.

Расширение внутреннего рынка и купеческого капитала привело к образованию в XVII в. всероссийского рынка. Рост торговых оборотов, усиление обмена между областями в условиях господства феодального способа производства привели к широкому развитию торгового капитала. Значение его в экономике феодального государства возросло, но отнюдь не изменило самого способа производства. Хотя развитие купеческого капитала и составляет предпосылку возникновения буржуазного производства, однако превращению денежного капитала в промышленный сильно препятствовал феодальный строй.

Рост товарного производства, усиление отделения города от деревни, создание централизованного государства и образование всероссийского рынка увеличили роль торгового капитала в экономике страны. Купеческий капитал в отличие от предыдущих периодов, когда производители сами продавали свою продукцию, становится посредником во внутренней торговле между производителем и потребителем товаров. Следовательно, внутренняя торговля XVII в. и последующего времени отличалась от более раннего периода не только объемом товарооборота и дислокацией рынков, но и своей природой, поскольку важнейшую роль стал играть купеческий капитал.

После образования всероссийского рынка купеческая торговля выступала как один из рычагов первоначального накопления, поскольку содействовала разложению натурального хозяйства, усилению эксплуатации и разорению мелких производителей, концентрации денежных средств в руках отдельных лиц и втягиванию их в производство. Для первоначального накопления большое значение имела торговля купцов с народами Востока, в частности Сибири.

Ко второй половине XVII в. число купцов гостиной и суконной «сотни» увеличилось до 400 человек. Гости имели уже крупные капиталы — от 20 тыс. до 100 тыс. руб. В особенности выделялись представители купеческого капитала: Строгановы, Евреиновы и Босовы. Крупнейшие купцы, торговавшие солью, пушниной и многими другими отечественными и «заморскими» това-

рами, постепенно превращались в промышленников. Купеческий капитал, овладевая производством, часто применял феодальные способы эксплуатации (покупались деревни и земельные участки).

В XVII в. рынок расширился и географически. Так, присоединение Восточной Сибири, увеличение числа «ясачных» людей расширяло для торговцев возможности неэквивалентного обмена с народами Сибири. В противоположность купцам и служилым людям, заботившимся только о неэквивалентной торговле и взимании ясака, русское трудовое население содействовало росту пашенного земледелия и ремесленных промыслов среди народов Сибири.

Воссоединение в 1654 г. Левобережной Украины с Россией расширило внутренний рынок, несмотря на то что таможенная граница с Украиной была уничтожена позднее. На внутреннем украинском рынке в XVII в. выступает сам производитель, хотя имелось уже значительное число купцов, обладавших относительно крупными капиталами. Внутренний рынок Украины становился все менее замкнутым. Рост товарооборота уменьшал самостоятельность отдельных рынков. Несмотря на таможенную границу между Великороссией и Украиной во второй половине XVII в., украинские купцы, ремесленники и крестьяне продавали в Москве и пограничных городах вино, табак, пеньку, воск, масло, поташ, скот и т. д.

Консолидация украинского рынка с всероссийским происходила постепенно. Наличие на Украине в первое время некоторых особенностей денежного обращения, налоговой системы и торговых мер, существование таможенных границ — все это затрудняло полное слияние рынка Украины с рынком России. Так, вначале на Украине чеканилась собственная монета, но из-за недостатка металла в малом количестве. Наряду с русской обращалась и различная иностранная монета, но уже в конце XVII в. русские деньги вытеснили все другие. Этому способствовало, в частности, то обстоятельство, что Московское правительство платило казакам жалованье русскими металлическими деньгами.

Вначале на рынке применялись разные единицы измерения товаров, что затрудняло торговлю. В силу этого было решено перейти на единую систему мер во всей России. Уничтожение таможенной границы между Россией и Украиной ликвидировало важнейшие пре-

пятствия на пути образования национального рынка страны. Прогрессивное значение воссоединения Украины с Россией состояло и в том, что оно послужило новым этапом в развитии рынка, городов и промышленности на Украине в форме ремесла и мелкотоварного производства, а затем в XVIII столетии и в форме мануфактур. Центральная Россия, обладающая вековой промышленной культурой, оказала положительное влияние на развитие промышленного производства на Украине, сыграла прогрессивную роль в преодолении ее хозяйственной отсталости.

Рост общественного разделения труда все больше втягивал ремесленников, крестьянское хозяйство, феодальные вотчины в товарно-денежные отношения. Взимание многих государственных налогов в денежной форме, переход в ряде случаев к денежной ренте расширяли обмен. Денежные оброки и подати служили важным фактором развития обмена; необходимость приобретать некоторые средства производства (серпы, лемехи, косы и т. д.) и продукты потребления (соль и др.) вынуждала феодальное крестьянство, несмотря на натуральную основу его хозяйства, обращаться к рынку. Даже во время «медного» бунта крестьяне не перестали возить в город съестные припасы и сено. Подмосковные крестьяне отправлялись в Москву со своим хлебом на продажу. Возросла связь с рынком и феодальных вотчин. Монастыри в XVII в. ведут крупную торговлю хлебом, солью, рыбой и другими товарами. Так, Троице-Сергиев монастырь вел значительную оптовую и мелкую торговлю в различных городах страны. Духовенство принимало широкое участие в торговле: в 1701 г. в Москве ему принадлежало около $\frac{1}{5}$ всех лавок.

Главную роль в торговле играли посадские люди. Участвовала в ней и значительная часть городских производителей. Так, в Москве в 1701 г. из 16 354 дворов торговлей занимались 6894 двора¹, или больше 40 %. В Нижнем Новгороде, Туле, Суздале торговое население составляло также большой процент. В Тихвине, имевшем торговые связи с 45 городами России, крестьяне составляли около половины всех торговавших, а среди приезжавших торговать в этот посад из Новгородского уезда и Заонежья — еще большую часть. Это были не

¹ См.: Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы XVI — XVII вв. С. 56.

только крестьяне-товаропроизводители, но и известное число крестьян, превратившихся в торговцев-скупщиков.

Усиление связи крестьянина с рынком создавало конкуренцию купеческому торгу; в интересах последнего Уложение 1649 г. ограничило крестьянскую торговлю. Многие последующие постановления запрещали крестьянам продавать свои товары купцам в розницу, запрещали торговлю в воскресные дни и т. д. В XVII в. образуются крупные торговые компании, ведущие широкую не только внешнюю, но и внутреннюю торговлю.

Торговым уставом (1653 г.) и Уставной грамотой (1654 г.) была в некоторой степени уничтожена сложная система проезжих пошлин, затруднявшая развитие торговли. В грамоте указывалось на то, что несправедливые и лишние проезжие пошлины вредят торговле, разоряют торговых людей и обогащают откупщиков и мытчиков. Откупа были запрещены, хотя впоследствии к ним прибегали вновь. Запрещалось взимать проезжие пошлины и «мыт», в том числе и частновладельческий, «мыт» по рекам и дорогам, «посаженное» с судов, привальные, грузовые пошлины, «головщину», «полозовое» с саней и т. д. Различные мелкие сборы и «мыты» заменялись рублевой пошлиной, которая взималась с продажной и покупной цены товара. Это мероприятие по упорядочению внутренних таможенных пошлин существенно способствовало росту внутреннего рынка.

В отдельные периоды под влиянием финансовых затруднений правительство вводило на Руси новые пошлины. Так, при Петре I были введены пошлины с возов на торговых площадях, перекрестках, с судов на пристанях, поворотный сбор и др. В середине XVII столетия вводятся с целью поддержки русского купечества пошлины на ввозимые и вывозимые за границу товары, пошлины, падавшие главным образом на иностранных купцов.

Новоторговый устав 1667 г. подтвердил замену различных сборов единой пошлиной в размере 10 денег с рубля. Главные статьи устава обеспечивали поддержку растущей отечественной торговой буржуазии в ее борьбе с иностранным торговым капиталом. Вместе с тем Новоторговый устав предусматривал и мероприятия по упорядочению внутренней торговли: упорядочение обложения, борьбу с произволом воевод и т. д.

Многие мероприятия правительства Петра I прово-

дились в интересах купеческого сословия. Организацией монополий, предоставлением самоуправления городскому населению, созданием «ратушей», магистратов, привлечением купечества к выполнению государственных обязанностей Петр I пытался собрать «рассыпанную хранину», т. е. купечество. Накоплению денежных средств купечеством способствовало государство, выступавшее в России в качестве важнейшего рычага первоначального накопления. Торговая политика в первые годы царствования Петра I продолжала идти по линии прежних ограничений крестьянства в области торговли, но так как эти ограничения сдерживали рост рынка и, главное, уменьшали доходы казны от пошлин, в 1711 г. было разрешено всем, независимо от чина, и везде торговать любыми товарами, уплатив все обычные пошлины.

Право записываться в купечество, предоставленное крестьянству, могло быть использовано лишь богатой его верхушкой, поскольку переход в посад требовал наличия сравнительно крупного по тому времени капитала. Вступление крестьян в гильдии ограничивалось также тем, что записавшийся в посад крестьянин должен был платить кроме подушной подати и феодальную ренту помещику. Способствуя возвышению и росту купечества, Петр намечал переход в купечество даже дворян, не получивших недвижимого имущества, указывая, что такой переход не должен сопровождаться каким-либо бесчестьем для этих фамилий «ни словесно, ни письменно».

Острая нужда в деньгах заставила Петра I использовать внутреннюю торговлю в качестве важнейшего источника государственных доходов. Торговля облагалась разными сборами, что не могло не сдерживать роста ее оборота. Определенная часть товаров внутренней торговли была объявлена государственной монополией. К ним относились вино, соль, табак и другие товары, торговля которыми часто отдавалась на откуп крупным купцам, монастырям или производилась казной. Беспшлинная торговля для отдельных феодалов была с 1700 г. запрещена.

Окончательно все внутренние таможенные пошлины были отменены в России в 1754 г., т. е. значительно раньше, чем, например, во Франции и Германии. Путем увеличения пограничных таможенных и портовых сборов (с 5 коп. до 13 коп. с рубля) были уничтожены

внутренние таможенные пошлины, которые в то время давали свыше 900 тыс. руб. доходов, но препятствовали росту торговли. Отмена пошлин мотивировалась «отягощениями» от сборщиков, грабительством и воровством при их взимании.

Отмена внутренних таможенных пошлин между Украиной и Россией с заменой их 13 %-ной внешнеторговой пошлиной, компенсировавшей фискальные потери от отмены внутренних пошлин, способствовала росту рынка на Украине и расширению всероссийского рынка. Эта реформа, проведенная одновременно с уничтожением внутренних пошлин в Великодержавии, ровно через 100 лет после воссоединения Украины с Россией содействовала еще большей концентрации всероссийского рынка, росту производительных сил и товарно-денежных отношений. Улучшение транспорта, проведение дорог и каналов помогало выравнивать товарные цены, резко колебавшиеся в эпоху феодализма по отдельным районам.

Капиталисты-купцы стали играть в хозяйственной жизни страны большую роль. «Торг — дело великое! — писал И. Т. Посошков. — Купечеством всякое царство богатится, а без купечества никакое и малое государство быть не может»¹.

Торговый капитал частично шел и на развитие промышленного производства. Так, мануфактуры петровского времени в значительной степени были созданы за счет торгово-купеческого капитала. Рост мануфактур, втягивание в торговлю крестьян, увеличение числа и оборотов ярмарок, рост городов — все это отражало развитие внутреннего рынка. Правда, в XVII в. купечество охотнее вкладывало свои капиталы не в обрабатывающие, а в добывающие отрасли промышленности, имевшие более низкий органический состав капитала.

Правительство продолжало содействовать крупной торгово-промышленной буржуазии и ограничивало как крестьянское производство, так и крестьянскую торговлю. В частности, Таможенный устав 1755 г. налагал множество запретов на крестьянскую промышленность и торговлю: запрещалось торговать у морских портов, стеснялась торговля в городах и т. д. Все же внутренняя торговля в конце XVIII в. достигла большого объема. В 1770 г. по всей стране насчитывалось 1637 сельских

¹ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 17.

и городских торжков и ярмарок, на которых продавалась продукция сельского хозяйства и мелкой промышленности.

Вторая половина XVIII в. характеризуется расширением внутреннего рынка, ростом торговой буржуазии, возникновением новых торговых пунктов: ярмарок, базаров, торжков и т. д., что свидетельствовало о росте товарного и капиталистического производства в стране. Из среды купцов выходят крупные фабриканты и заводчики. В целях развития торговли были выработаны нормы вексельного права (устав), купцам с 1729 г. предоставлялось право выдавать векселя; в 1766 г. купечество освободилось от рекрутской повинности с обязательством уплачивать за каждого рекрута вначале 360 руб., а затем 500 руб.

Крупную роль на внутреннем рынке играла торговля хлебом; рост товарности сельского хозяйства привел к существенному расширению хлебного рынка еще в первой половине XVIII в. Во второй половине столетия принимаются меры к развитию хлебной торговли также через порты Каспийского и Черного морей. Экспорт хлеба хотя и возрасстал, но продолжал играть второстепенную роль. Внутри страны торговля хлебом имела разнообразные формы: продавали хлеб помещики, у крестьян скупали его купцы, а также наиболее зажиточные крестьяне.

Историк М. М. Щербатов приводил следующие сведения о ценах на рожь у Гжатской пристани: в 1760 г.— 86 коп. за четверть, в 1773 г.— 2 р. 19 к. и в 1787 г.— 7 руб.¹, т. е. цены возросли, по этим данным, более чем в 8 раз.

В основе роста цен на хлеб в тот период лежали различные факторы: усилившийся выпуск и обесценение ассигнаций, часто повторяющиеся неурожаи, рост спроса на хлеб и т. д. Конечно, отдельные данные о ценах малопоказательны. Но, несомненно, общей закономерностью XVIII и первой половины XIX в. было повышение цен на хлеб. Цены на ржаную муку на Урале (в копейках серебром за пуд) в 1700—1709 гг. равнялись 2,5; в 1710—1719 гг.— 4,5; в 1720—1729 гг.— 6,5; в 1730—1739 гг.— 10,8; в 1740—1749 гг.— 10,7; в 1750—1759 гг.— 9,1; в 1760—1769 гг.— 11,9; в 1770—1779 гг.— 16; в 1780—1789 гг.— 29,2; в 1790—1799 гг.—

¹ См.: Щербатов М. М. Сочинения. СПб., 1896. Т. I. С. 647.

33,7. Под влиянием растущего спроса на хлеб, большого выпуска бумажных денег, медленного подъема производительности труда в сельском хозяйстве и т. д. цены на хлеб на протяжении XVIII в. увеличились в несколько раз.

Степень развития торговли в XVIII в. в отдельных районах страны была неодинаковой. Главными торговыми центрами были Москва и Петербург. Выдвижение последнего отодвинуло Архангельск еще в первой половине века на менее заметное место. Огромную роль во внутреннем обороте играло Поволжье, его крупные торговые города. Нижний Новгород, Казань, Саратов, Самара, Рыбинск, Астрахань, Пенза, Тамбов были важнейшими центрами торговли хлебом. Важную роль посредника в торговле Великодержавии с Украиной играл Орел. На Украине крупными торговыми центрами были Нежин, Кременчуг, Полтава, Харьков, Сумы, Киев и др. На пути торговли с Сибирью значительное место занимали северные города: Архангельск, Вологда, Великий Устюг.

О росте рынка свидетельствует и численность купеческого класса. В 1764—1765 гг. в 12 губерниях России насчитывалось 9295 купцов первой гильдии, 32 049 купцов второй гильдии и 88 268 купцов третьей гильдии. Для того чтобы попасть в первую гильдию, в 1775 г. требовался минимум капитала 10 тыс. руб., в 1794 г.— 16 тыс., а в 1807 г.— даже 50 тыс. руб. Соответственно повысился минимум для купцов второй и третьей гильдии¹.

Размер купеческого капитала исчислялся «по добровольному от купцов по совести каждого о капиталах объявлении». С этих капиталов шел в казну 1 %, а позднее, с 1812 г.— 4,75 %. Кроме указанного сбора купечество должно было дополнительно платить 10 % с податного рубля за сухопутные и водные сообщения, 0,5 % с капитала в качестве земской повинности на купеческие книги².

Рост налогов на купечество приводил к тому, что в некоторые периоды численность этого класса и размеры его капитала фиктивно уменьшались. В действитель-

¹ См.: Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 125.

² См.: Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 111.

ности же товарооборот и размеры купеческого капитала увеличивались. Купечество жаловалось, что торговля притесняется, требовало своего освобождения от подушного оклада, ратовало за учреждение для купеческой коммерции государственных банков в отдельных городах и т. д. Известно ходатайство сибирского купечества (сереброплавильного Барнаульского завода) о снижении пошлин в Кяхтинской таможне, об общем «облегчении» сибирского купечества от наложенных на него «должностей», о необходимости запретить брать и давать взятки и т. д.

Вместе с тем купечество, борясь за сохранение и расширение привилегий торгового сословия, требовало исключительного права владеть торгово-промышленными предприятиями, препятствовало торговле крестьян и т. д., чем не только не способствовало росту внутреннего рынка, но и тормозило его.

Черносошные крестьяне, однодворцы и другие группы крестьян жаловались, что купечество притесняет их, препятствует торговле.

Царская монархия в XVIII в. удовлетворяла в первую очередь требования феодального дворянства и в меньшей степени — растущей буржуазии. Так, «Грамотой городам» царизм удовлетворил некоторые требования купечества, выраженные им в наказах 1767 г., оставив, правда, без внимания одно из основных его желаний: ограничить торгово-промышленную деятельность помещиков.

В жалованной грамоте дворянству в 1785 г. разрешалось «в вотчинах их заводить местечки, и в них торги и ярманки»; феодалам было предоставлено право «оптом продавать, что у них в деревнях родится или рукоделием производится»¹.

Дворянство и до грамоты имело широкие права в области торговли. Крупнейшие феодалы вместе с тем широко пользовались системой откупов, тормозя своими монопольными ценами рост торговли и промышленности. Уничтожение откупной системы во второй половине XVIII в., несомненно, способствовало росту внутреннего рынка. В это время в нем главную роль играли купцы, затем торгующие крестьяне, мещане, однодворцы, казаки. Известное значение имел также иностранный торговый капитал.

¹ ПСЗ. Т. XXII. № 16187. С. 348.

Несмотря на различные запрещения, роль крестьянской торговли на протяжении XVIII и первой половины XIX в. все возрастала, и, как уже указывалось, помещики были заинтересованы в росте торговли крепостных крестьян и поддерживали их в борьбе с купечеством. В 1825 г. в Москве более 2 тыс. крестьян занимались торговлей, разнося товары по домам и дворам.

В первой половине XIX в. издаются указы, расширяющие права крестьянства в области торговли; ему было разрешено вести оптовую торговлю и даже торговлю иностранными товарами¹. Указ 1824 г. разрешал «казенным, удельным и помещичьим крестьянам... производить торговлю и промышленность, купечеству предоставленная, также заниматься разными торгами, промыслами и ремеслами, присвоенными торгующим мещанам и посадским, но не иначе, как со взятием свидетельства и с заплакою пошлины»². Правда, крепостной крестьянин, чтобы купить свидетельство, должен был предъявить «дозволительные виды от помещиков или управляющих». Купечество в разных формах протестовало против постановлений, расширявших торговые права крестьян, заявляя, что «крестьяне... паче же помещичьи, под защитою и покровительством господ своих, втеснялись в торговлю... больше прежнего в совершенный подрыв купеческому и мещанскому обществу»³.

Крестьянский торг рос, из крестьянской среды выделялись богатеи-купцы. Среди крестьян-скупщиков имелись крупные торговцы, хотя основная масса торговавшего крестьянства (прасолы, шибай, булыни и др.) располагала небольшими капиталами.

Развитие товарно-денежных отношений, рост промышленности и торговли вносили глубокие изменения в экономику страны. Зажиточная часть государственных крестьян на основе закона 1801 г. приобретала в частную собственность ненаселенные земли. В 1834 г. 431 государственный крестьянин перешел в купечество, в 1835 г.— 1192. Рост товарно-денежных отношений способствовал снятию ряда преград на пути развития крестьянской торговли. Например, в

¹ См.: ПСЗ. Т. XXXIX. № 22030. С. 85.

² ПСЗ. Т. XXXIX. № 30115. С. 601.

³ Материалы для истории Московского купечества. М., 1892. Т. I. С. 330.

1801 г. крестьянам было разрешено свободно торговать с заморскими странами, в 1814 г. люди всех состояний получили право торговать на ярмарках; в 1818 г. казенным, удельным и помещичьим крестьянам было разрешено с согласия начальства учреждать фабрики и заводы при условии уплаты пошлин. Постановления снимали и другие ограничения, стоявшие на пути развития торговли и промышленности и касавшиеся переселения государственных крестьян в города, права открывать фабрики в селениях и др. С рынком больше всего были связаны государственные и помещичьи оброчные крестьяне; связь с рынком барщинных крестьян, составлявших перед реформой значительную часть населения России, была слабее. По ориентировочным подсчетам, доля крестьянского хлеба, поступавшего на рынок, составляла в 50-х годах XIX столетия всего лишь около 10 %. Многие помещики, стремясь сохранить свое монопольное положение, всячески противодействовали крестьянской торговле хлебом. Надо иметь в виду также, что в первой половине XIX в. особенно интенсивно происходил процесс сокращения крестьянского землепользования как в помещичьей, так и в казенной деревне.

Рост товарного производства и капиталистических отношений в первой половине XIX в.— показатель разложения феодально-крепостнического хозяйства. В этот период численность наемных рабочих и число городов значительно возросли. Усилилась специализация отдельных районов страны. Развитие мануфактурной и фабричной промышленности, а также мелкотоварного промышленного производства расширяло рынок. Больше стало ярмарок и базаров, выросли их обороты. Скупщики-офени, коробейники и другие мелкие торговцы повсюду скупали и продавали населению промышленные и сельскохозяйственные товары.

Характер внутреннего дореформенного рынка вполне отражал экономику феодально-крепостнической России: торговля происходила преимущественно в форме ярмарок, товарооборот замедлялся вследствие отсутствия железных дорог, широкого кредита и т. д. Но с развитием капитализма по мере создания железных дорог, расширения кредита, увеличения числа банков уничтожалась замкнутость и ограниченность внутреннего рынка. Резкий рост товарного обращения наблюдался уже в первой половине XIX в., особенно интенсив-

но во второй его четверти, когда значительно углубился кризис крепостнических отношений.

Помещики все в большей степени начинали производить хлеб на продажу. По некоторым данным, в 50-х годах на продажу шла примерно $\frac{1}{5}$ всего хлеба. Заметную роль в товарообороте играли другие продукты сельского хозяйства и изделия обрабатывающей (особенно хлопчатобумажной и металлообрабатывающей) промышленности.

Определить размер внутренней торговли в дореформенное время крайне трудно из-за абсолютной неизученности этого вопроса. Одно ясно, что внутренний рынок, несмотря на довольно быстрый рост внешнего рынка, имел первенствующее значение. По подсчетам статистика профессора Арсеньева, оборот внутренней торговли равнялся 900 млн. руб., а внешней — 235 млн. руб. Для 1831 г. Е. Зябловский определял общий оборот внутренней и внешней торговли в 1378 млн. руб., отмечая при этом, что внутренняя торговля важнее внешней по своей цене¹.

Большую роль в развитии внутренней торговли играли судоходные реки, служившие наряду с гужевым транспортом важнейшим средством связи между отдельными районами страны. Один из показателей товарного обращения — развитие транспорта, рост перевозки грузов. Россия вследствие обширности ее территории, а также отдаленности районов производства важнейших продуктов от мест их потребления и вывоза особенно нуждалась в улучшении транспортных средств. Это было необходимо для расширения товарооборота и товарно-денежных отношений. В начале XIX в. строятся новые каналы, улучшаются Мариинская и Тихвинская водные системы, зарождается пароводное движение на реках. Развитие внутренней и внешней торговли заставляло обратить внимание и на улучшение сухопутных дорог. К 1835 г. было сооружено 6485 верст шоссейных дорог. Москву, как важнейший экономический центр страны, шоссейные дороги соединили с Петербургом, Харьковом, Нижним Новгородом, Ярославлем, Рязанью и Брест-Литовском.

Развитию внутреннего рынка мешало отсутствие рельсового транспорта. Первая железная дорога в Рос-

¹ См.: Зябловский Е. Ф. Российская статистика. СПб., 1842. Чт. 2. С. 155, 165.

сии для нужд производства была сооружена в 1834 г. на Урале. Огромное экономическое значение имела постройка железной дороги Москва — Петербург. Главным образом из стратегических соображений начала строиться Петербургско-Варшавская железная дорога. Эта дорога, а также Московско-Нижегородская открылись для движения в начале 60-х годов. Железная дорога, соединившая Москву с Нижним Новгородом, одним из торговых центров России на Волге, и проходившая через районы с развитой промышленностью, была очень важна для развития экономики страны. Однако масштабы строительства железных дорог в России были очень небольшими. Особенно наглядно это подтвердила Крымская война. После ее окончания к железнодорожному строительству начинают привлекаться частные, и в том числе иностранные, капиталы. Перед крестьянской реформой в России имелось свыше 1,5 тыс. км железнодорожных путей. Особенно интенсивное железнодорожное строительство разворачивается лишь после уничтожения крепостного права, тормозившего прогресс народного хозяйства, в частности средств транспорта. Частный капитал в строительстве железных дорог начал играть доминирующую роль в первые два десятилетия после реформы 1861 г. В дореформенный же период большая часть железных дорог была построена за счет казны.

Железные дороги оказали глубокое влияние на развитие внутреннего и внешнего рынков, поскольку в торговлю были вовлечены ранее не затронутые районы. Развитие транспорта способствовало также уничтожению огромных разрывов цен на товары между отдельными районами страны. Общая схема изменения динамики цен в дореформенной России была такова: цены на сельскохозяйственные товары повышались, а на промышленные изделия снижались. За первую половину XIX в. оптовые цены на товары сельскохозяйственного производства повысились примерно на 50 %. Общий же товарный индекс промышленных товаров снизился в два раза, причем цены на ткани, выпускаемые хлопчатобумажной промышленностью, в которой больше всего росла производительность труда, в этот период снизились в три с лишним раза.

Торговый оборот таких городов, как Москва, Петербург, Архангельск, Казань, Ярославль, Нижний Новгород, Рыбинск, Воронеж, Тобольск, Томск, Иркутск,

был весьма значительным и возрастал по мере увеличения населения. О существенном развитии товарных отношений свидетельствует рост числа ярмарок и их оборотов. Несмотря на известные неудобства (огромные потери времени, порча товаров, резкие колебания цен), ярмарочная торговля в первой половине XIX в. играла очень большую роль. Предпосылками ее развития были обширная территория страны, низкая плотность населения, слабое развитие путей сообщения и кредита. В 30-х годах XIX в. насчитывалось 1705 ярмарок, на которые привозились товары на сумму 563 млн. руб.

В начале 60-х годов, согласно Статистическому временнику Российской империи, в 48 губерниях европейской России имелось 1127 городских ярмарок и 4768 сельских. При относительно низком уровне экономического развития страны ярмарки имели большое значение, поскольку плохие пути сообщения мешали периодически подвозить товары во все районы страны. С интенсивным развитием железнодорожного строительства значение ярмарочной торговли начало снижаться.

Торговый капитал прошел как период самостоятельного развития, так и период подчинения промышленному капиталу. По мере роста мануфактурного производства и усиления всероссийского рынка он в большей степени стал переходить из сферы обращения в сферу производства. Еще в XVII в. отдельные крупные купцы вкладывали накопленные в сфере обращения капиталы в различные промыслы. Петр I всячески поощрял промышленную деятельность купечества. Но все же на протяжении первой половины XVIII в. эта деятельность была сравнительно небольшой. За 1764—1765 гг. в Москве имели заводы и откупа 58 из 984 купцов первой гильдии, 5 из 4363 купцов третьей гильдии¹. Купцы владели железодельными, полотняными, шелковыми и другими предприятиями. Незадолго до крестьянской реформы из постоянных и временных московских купцов первой гильдии уже около 32,8 % владели фабриками и заводами, из купцов второй гильдии — 33,9, а из купцов третьей гильдии — 8 %. Следовательно, крупное и среднее купечество в значительной степени было связано в это время с промышленностью. Торговый

¹ См.: Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. С. 57, 173.

капитал становится все более промышленным, организует мануфактуры и крупное машинное производство. По мере развития товарно-капиталистических отношений росла зависимость торговой прибыли от промышленной и подчинение торгового капитала промышленному.

Возникновение внешних торговых сношений восточных славян с другими народами уходит в глубь веков. На территории Поднепровья, Поильменя и Окско-Волжского бассейна наблюдался оживленный обмен с Кавказом — V — IV вв. до н. э. и греческими причерноморскими колониями в V — IV вв. до н. э., в I — III вв. до н. э. — с римлянами; в III — VI вв. н. э. — с готами¹. Примерно с VIII в. н. э. начала интенсивно развиваться торговля с народами Арабского халифата и продолжалась примерно до X в. В IX в. начинается торговля с Византией.

Вначале ведется меновая торговля, а затем денежная. Из-за незнания языков покупатели и продавцы объяснялись жестами, или, как выразился древний летописец, торговцы «помовали рукой».

В Лаврентьевской летописи дано описание своеобразной «немой» торговли новгородцев с Угрой: «...в горе той просечено оконце мало, и туде молвять и есть не разумети языку их, но кажють на железо, и помавають рукою, просяще железа; и аще кто дасть им ножь ли, ли секиру, и они дають скорою противу».

Археологические данные, в частности многочисленные клады монет, рассеянные по территории нашей страны, характеризуют торговлю в древности. Изучение географии монетных кладов позволяет восстановить картину древних торговых путей. Так, около Пскова был найден диргем (арабская монета) VII в.

Распространение обмена определялось внутренними процессами, происходившими в первобытно-общинном строе: ростом производительности труда, его разделением. Иоанн Эфесский говорил о славянах VI в., что они «стали богаты»; что они владели не только золотом, серебром и оружием, но и табунами лошадей. Скот, подобно соли и другим товарам, был предметом внутренней и внешней торговли. Константин Багрянородный писал, что «руссы стараются жить в мире с печенегами:

¹ См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1944. С. 249.

они покупают у них быков, коней и овец и от этого живут легче и привольнее...»¹

В представлении арабов руссы были торговым народом, продававшим меха, мед, воск, оружие, мечи, стрелы, свинец и т. п. Однако славяне вывозили не только эти продукты, но и изделия ремесленной промышленности, а иногда и рабов. Часть изделий русских мастеров экспортировалась в соседние государства. Русские вещи найдены в Волжской Булгарии, в Херсонесе, Чехии и Моравии, в Польше, у балтийских славян, в Швеции. Русское ремесло оказало влияние и на некоторые области, заселенные западными славянами.

Ибн-Хордадбах, арабский географ и писатель, писал в середине IX в.: «Что же касается купцов Русских — они же суть племя из Славян, то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю, и царь Рума берет с них десятину»². Арабские купцы в свою очередь ездили в Киев, привозя с собой предметы роскоши, золотые и серебряные украшения, бисер, бусы; русские купцы выступали нередко посредниками в торговле между Востоком и Западом. Источники говорят о значительной торговле славян с арабами в VIII — IX вв. Арабские серебряные диргемы обнаружены в различных частях нашей страны: в Муроме найдено около 11 тыс. этих монет весом в 42 кг, в Великих Луках — около 100 кг.

Волга и ее притоки были главной артерией, по которой шла торговля с арабами; через Волгу и Западную Двину соединялись два крайних пункта этой торговли — остров Готланд и Швеция, с одной стороны, и столица Хазарского каганата, Итиль — с другой. Аль Балхи писал, что руссы вели торговлю с Хазаром, Румом и Великим Булгаром. Примерно в середине IX в. Ибн-Хордадбах отмечал, что купцы-руссы с мехами бобров и лисиц ездят по рекам, а иногда возят товары на верблюдах в Багдад. По свидетельству Гардизи, персидского историка XI в., руссы и славяне не продают товара иначе как за чеканенные диргемы³. Торговля славян с арабами продолжалась примерно до X в.

¹ Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 91. 1934, С. 6.

² Цит. по кн.: *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 49.

³ См.: Записки императорской Академии наук по историко-философическому отделению. СПб., 1897. Т. I. № 4, С. 121.

В IX в. усиливается торговля Древней Руси с Византией, Херсонесом и Константинополем. Большое значение для внешней торговли, для роста таких городов, как Киев и Новгород, имел знаменитый путь «из варяг в греки».

Древняя Русь ввозила шелковые и золототканые ткани, сукно, бархат, оружие, предметы художественного ремесла, церковную утварь, стекло и фаянс, драгоценные камни, пряности, фрукты и вино, краски, коней, хлеб (в голодные годы), соль, благородные и цветные металлы.

Киевская Русь вела относительно широкую внешнюю торговлю. В эпоху раннего феодализма внешняя торговля играла, возможно, большую роль, чем внутренняя. Киев, «мать городов русских», в то время был крупнейшим торговым центром, через который проходил один из самых важных международных торговых путей. И хотя в основе экономики Киевской Руси лежало сельское хозяйство, внешняя торговля князей и дружинников имела в то время существенное значение. Внешней торговлей занимались вначале представители господствующего класса, князья-феодалы, но затем, примерно с середины XI в., появляются купцы-профессионалы¹. Этим временем можно датировать начало развития купеческого капитала во внешней торговле Киевской Руси. Во внутреннюю торговлю купеческий капитал проникает позднее. *Появление купцов, знаменующее возникновение третьего общественного разделения труда, введение металлических денег, образование частной собственности на землю и ипотеки — важные ступени в развитии товарного производства.* Об известном уровне производительных сил Киевской Руси свидетельствует наличие торгового и ростовщического капитала — этих древнейших форм капитала вообще. Начиная с XI в. внешняя торговля в значительной степени переходит из рук феодальной знати к купцам. Владимир Мономах, упорядочивая кредит и ростовщичество, в «Поучении» завещал сыновьям чтить купечество и поддерживать его.

В экономике Киевской Руси торговля, в частности внешняя торговля с арабами, греками, Закавказьем, народами Средней Азии, Западной Европы (Чехией, Польшей, Скандинавией и др.), играла значительную

¹ См.: История культуры Древней Руси. Т. I. С. 366.

роль. Кроме Киева торговлю вели и другие города Древней Руси, например Смоленск, Владимир, Новгород.

Однако не на успехах внешней торговли основывалась мощь Киевского государства, и не внешней торговлей объясняется возникновение Киева, Новгорода, Смоленска, Полоцка, Владимира и других городов, как представляли некоторые дореволюционные русские и многие современные зарубежные историки.

Основой хозяйственной жизни внешняя торговля не могла быть уже потому, что в ней участвовала незначительная часть населения Киевского государства: князья, дружинники, гости. Внешнюю торговлю питала дань, собираемая князьями с населения, рента, получаемая с феодально зависимых крестьян, и в меньшей степени ремесленное производство.

Распад в XII в. Киевского государства на отдельные феодальные княжества под влиянием роста крупного феодального землевладения, возвышения отдельных родов Киевской Руси, монголо-татарских нашествий внес большие изменения и во внешнюю торговлю Древней Руси. Кроме того, перенесение торговых путей на Средиземное море в свою очередь подрывало торговлю Киева: ему, как и Византии, уже нельзя было играть роль посредника в торговле между Западом и Востоком.

Новгород еще в период Киевского государства вел торговлю через Балтийское море. По развитию торговли Новгород выделялся среди русских княжеств в XIV — XV вв. Новгородская феодальная республика вела широкую торговлю не только с русскими княжествами — Владимирским, Московским, Рязанским и другими, но и с зарубежными странами и городами — Нарвой, Дерптом, Ригой, Данигом, городами Ганзы, островом Готланд, Швецией. Особое значение имела торговля с Ганзой, этой ассоциацией 70 прусских, ливонских, голландских и других городов¹. Ганза ввозила в Новгород не только свои товары, но и товары других стран, т. е. вела и посредническую торговлю.

Из Новгорода вывозились сельскохозяйственные продукты, доставлявшиеся новгородскими феодалами из своих вотчин, а также из других русских земель, предметы ремесла и, главное, меха, добываемые в новгородских обширных «колониях» — в районах Северного

¹ См.: Казаков Н. А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. Исторические записки. М., 1949. Кн. 28.

Урала, Печоры, Камы и т. д. Ввозила же Новгородская республика суконные, льняные и шелковые ткани, медь, железо, соль, хлеб и др. Хлеб ввозился главным образом из Владимиро-Суздальской земли.

Новгородское купечество помимо торговли вело широкие ростовщические операции.

Если в других городах внешней торговлей занимались сами представители господствующего класса, то в Новгороде она находилась в руках купцов-профессионалов. Купцы наживали на торговой эксплуатации большие состояния. Часть новгородских ремесленников, работавших на рынок, превратилась в мелких товаропроизводителей. Новгород держал в своих руках очень важную транзитную торговлю Руси с Западом. Новгородское купечество имело большую экономическую и политическую силу в феодальной республике.

Крупную внешнюю торговлю кроме Новгорода вели также Смоленск, Витебск, Полоцк и Владимир. Во Владимир-на-Клязьме «гость приходил» из Царьграда и из других стран.

Феодальная раздробленность ставила серьезные препятствия на пути развития торговли. Падение Киева нанесло значительный урон торговле и другим городам. Татарское иго сильно подорвало ремесло, торговлю и всю экономику Руси. Лишь постепенно крупные города, расположенные на Севере — Новгород, Псков, Смоленск, Владимир, Суздаль и Ярославль, — стали налаживать торгово-ремесленную деятельность.

Феодальная раздробленность, опустошительные татарские набеги привели к тому, что центром экономической жизни восточного славянства стал Северо-Восток страны. Южные и юго-западные (украинские и белорусские) земли были почти на четыре столетия оторваны от исторического развития других русских земель. Но торговые связи этих районов с русским народом не прерывались на протяжении всего времени, в течение которого Украина и Белоруссия находились в составе шляхетской Польши и Литовского княжества. Киев в значительной степени оставался посредником в торговле Московского государства с государствами Западной Европы и Турцией, хотя перенесение торговых путей на Средиземное море серьезно ослабляло его посредничество в торговле между Западом и Востоком.

Галицкая Русь, попавшая под власть литовского князя, а затем Польши, также торговала с восточными

странами, в частности с черноморскими генуэзскими колониями. Львов, игравший в XIV — XV вв. важнейшую роль в торговле, был связан также с Молдавией, Валахией, Краковом, Познанью и др. Города Западной Руси, Смоленск и Полоцк вели торговлю и с Северо-Восточной Русью.

В период феодальной раздробленности значительная часть знаменитого торгового пути «из варяг в греки» принадлежала уже не Руси, выход к Черному и Каспийскому морям был крайне затруднен, что сильно отражалось на развитии торговли.

Политическая разобщенность русских земель, а также другие многочисленные препятствия, в частности высокие пошлины, затрудняли развитие экономических связей между отдельными феодальными княжествами. Обстоятельства заставляли князей в договорах между собой предусматривать, чтобы был «путь чист без рубеж», или «непошлых мытов и пошлин не замышляти».

Купечество, ремесленники поддерживали прогрессивную борьбу с феодальной раздробленностью Руси. Развитие экономических связей между отдельными частями русской земли, рост торговли содействовали и политическому объединению вокруг Великого княжества Московского, которое постепенно расширялось, укрепляя торговые связи с Поморьем, нижегородскими, рязанскими, суздальскими землями, с Тверским и другими княжествами, с Новгородской и Псковской республиками, политически объединяя их вокруг себя, образуя феодальную монархию.

В торговле Востока с Западом, в частности с Литовским государством, играла большую роль Тверь. Тверской купец Афанасий Никитин в 1466 г. добрался через Персию до далекой Индии. Москва продолжала развивать торговлю с Крымом, получая через него товары из Персии, стран Малой Азии и даже Египта.

XV и XVI вв. вносят большие изменения как во внешнюю торговлю России, так и в международные торговые связи.

Открытие Америки и морского пути в Индию, падение Византии под ударами турок, упадок торгового значения греко-итальянских черноморских колоний, Ганзы, перемещение торговых путей из Средиземного моря на Атлантический океан — все это сильно изменило мировую внешнюю торговлю, выдвинув на первые места такие страны, как Нидерланды, Англия, Франция.

XVI век — век образования мирового рынка, Россия в этот период вела торговлю на западной границе с Польшей, Ливонией, Ганзой, Литовским княжеством; на южной и восточной — с татарскими ханствами, Кавказом, Средней Азией и Турцией.

После присоединения к Русскому государству Нарвы (1558 г.) последняя сделалась важным торговым портом. Значительные перспективы для расширения торговых и культурных сношений России с западноевропейскими странами создавало открытие пути в Западную Европу через Архангельск по Белому морю. Центр торговли с Западом перемещается с Западной Двины на Северную.

Овладение волжским путем на всем его протяжении после присоединения к России Казанского и Астраханского ханств открыло широкие возможности для торговли с Востоком. Главную роль здесь стала играть Астрахань.

В историко-экономической литературе при характеристике внешнего рынка России XVI в. нередко обращается внимание почти исключительно на торговлю со странами Западной Европы и упускается из виду торговля с восточными странами (Турцией, Персией, Средней Азией и т. д.). Между тем торговые связи Москвы с Востоком в это столетие были очень широкие, а по мнению некоторых исследователей, играли даже «в общем внешнем товарообороте России первенствующую роль»¹.

Русь вела торговлю с греческими и итальянскими купцами в Суроже, Кафе и Константинополе. Интересно, что гости-сурожане (купцы, торговавшие с Сурожем и причерноморскими колониями) были не только купцами, но и владельцами вотчин, где жило зависимое население. Любопытно, что если Россия XVI в. экспортировала в страны Западной Европы главным образом сырье, то в восточные страны уже в то время вывозилась преимущественно продукция ремесленного производства, среди экспортируемых из России товаров встречались и транзитные товары из Западной Европы. Основными транспортными путями в страны Востока были Волга и Дон.

Что же касается торговли хлебом, то она и в XVI

¹ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1952. С. 5.

столетии не занимала заметного места во внешней торговле России. В XVII в. русский хлеб покупали англичане, голландцы и шведы. Так, за 1628—1633 гг. Швеция закупила в России больше 330 тыс. четвертей хлеба, или больше 2 млн. пудов. В XVII в. правительство часто запрещало вывоз хлеба из страны. В то же время он стал играть все большую роль на внутреннем рынке.

Создание централизованного государства превратило Москву в основной центр внешней и внутренней торговли. Русское правительство, заинтересованное в развитии внешней торговли, в то же время преследуя и коммерческие цели, шло, в особенности на первых порах, на значительные уступки иностранным купцам.

В 1555 г. после открытия пути по Белому морю Иван Грозный выдал первую привилегию английской компании, которой он предоставлял право беспошлинной торговли в России, в дальнейшем, в 1567 г. привилегии были расширены; в частности, англичане получили право беспошлинной торговли в вошедших в состав русского государства городах Астрахани, Казани, Нарве и Дерпте, право чеканки английской монеты на монетных дворах России. Царское правительство в XVI в. предоставляло льготы и другим иностранным купцам, давая в ряде случаев деньги взаймы без «роста», освобождая дворы иностранных купцов от податей и повинностей и т. д. Иван IV был крайне заинтересован в торговле с Англией, особенно в импорте оружия, поскольку соседние государства, Ливония и Польша, всячески затрудняли связи России с западными странами. Англичане в свою очередь прилагали, хотя и безуспешно, большие усилия, чтобы вытеснить с русского рынка голландских, немецких, фламандских купцов и купцов других стран, торговавших с Россией через Ригу, Ревель и Дерпт.

Образование централизованного Русского государства содействовало усилению торговых связей России с Латвией и Эстонией, несмотря на противодействия Ливонского ордена и немецких феодалов, господствовавших в Прибалтике. Торговля с ослабевшей Ганзой не имела в XVI в. прежнего значения. Торговые отношения России и Швеции из-за острых политических конфликтов между ними также ослабли. Из Швеции Россия ввозила железо и железные изделия, а вывозила туда разные товары, в том числе хлеб, экспорт которого

иногда (как, например, в 1649 г.) в эту страну запрещался.

В первой половине XVI в. Русское государство устанавливает торговые отношения с далекой Индией. В Астрахань стали приезжать и индийские купцы. Царское правительство неоднократно отправляло послов, чтобы улучшить торговлю с Индией. Индийские купцы, получившие в середине XVII в. определенные льготы, торговали не только в Астрахани, но и в Москве, Ярославле и нескольких других городах страны. Торговлей с Индией особенно интересовался Петр I, организовавший в этих целях несколько экспедиций.

В середине XVII в. завязались торговые отношения России с Китаем; до этого торговля между ними велась через посредника — среднеазиатских купцов, привозивших в нашу страну хлопчатобумажные изделия (китайки), шелковые изделия, фарфор, драгоценные камни и др. В 1689 г. был заключен первый русско-китайский договор, по которому разрешалась взаимная торговля, проходившая главным образом через Тобольск и Нерчинск. В XVII в. правительство заключило торговый договор с армянской купеческой компанией, которая вела широкую торговлю шелком.

Среди товаров, вывозимых из России в страны Европы, в XVI и XVII вв. большое значение имели пушнина, лен, пенька, холст, льняное семя, хлеб, масло, поташ, смола, лес, рыба, мед, воск, сало, кожи, соль и др. В 1653 г. только через Архангельск было вывезено за границу товаров (без пеньки и шелка) на сумму 1151 тыс. руб. Торговля с европейскими странами шла также через Новгород, Псков, Смоленск, Путивль и другие города.

В числе импортируемых английских, голландских, шведских, немецких, датских товаров в это время особое значение имели железо и изделия из него, медь, золото и серебро, драгоценные камни, шерстяные и шелковые ткани, бумага, вина, сахар, чай, пряности, жемчуг.

После смерти Ивана Грозного привилегии англичанам постепенно уменьшались, путь через Белое море открывался и для других государств. Торговля в розницу внутри России англичанам была запрещена. Московское государство начинает вести более широкую торговлю с голландцами, французами, поляками, шведами и др. По мере расширения торговых отношений России посредничество англичан делалось все менее необходи-

мым. В 1649 г. русское правительство, воспользовавшись как предлогом революцией в Англии, ликвидировало льготы англичанам, выслав английских купцов и предложив им «со всем своим именем ехать за море, а торговать с московскими торговыми людьми всякими товарами, приезжая из-за моря, у Архангельского города; в Москву же и другие города с товарами и без товаров не ездить»¹ и уплачивать, как это делали купцы других стран, пошлины. Такие меры, естественно, отразились на торговле с Англией. В это же время усилились позиции ее главного конкурента — Голландии.

Север нашей страны с Архангельском во главе был со второй половины XVI в. вплоть до петровских времен, когда Архангельск уступил место Петербургскому порту, главным пунктом торговой связи с Западом. Важную роль в торговле России с Европой с 1558 по 1581 г. играла Нарва.

Среди торговых связей централизованного Русского государства важно отметить торговлю с Украиной. Торговые отношения Украины и России особенно расширились в начале XVII в. Украинские купцы торговали в Калуге, Белгороде, Курске, Брянске, Осколе, на Дону и в других местах России; в Севске и Белгороде были специальные гостиные двory для приезжавших украинских и литовских купцов. Украинские купцы привозили селитру, вино, хлеб, поташ, а также волов и другие товары. Русские купцы везли на Украину пушнину, полотна, сукна, хлеб, мед, соль, церковные украшения, металлические изделия, оружие. В ряде мест России украинским купцам разрешалась беспошлинная торговля. Во время освободительной войны украинского народа (1618—1654 гг.) правительство оказывало ему всемерную экономическую помощь хлебом, оружием, солью и т. д.

Превращение небольших местных рынков в один всероссийский рынок, рост товарного производства и товарного обращения, а также дальнейшее разделение труда в России в XVII в. имели большое значение и для внешней торговли. Объем ее увеличился, возросло число стран, с которыми торговала Россия. Русский торговый капитал стал играть все более значительную роль в эко-

¹ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (X). СПб., 1892. Т. IX. С. XCIII—XCIV.

номике страны, в частности в борьбе против засилия иностранного капитала. И все же внешняя торговля не занимала в России в процессе первоначального накопления такого места, какое она имела, например, в Англии.

Иностранный капитал пытался превратить свою торговлю с Московским государством в колониальную и прибрать к рукам, в частности, пути к торговле с Персией, государствами Средней Азии, Турцией и Индией. Проникая на внутренние русские рынки, иностранцы всеми мерами препятствовали самостоятельной торговле российских купцов также и на внешних рынках.

Иностранные купцы пытались добиться права проезда по Волге в Персию. По этому поводу московские купцы заявили царю, что взимание пошлин с англичан дает казне прибыль, а у торговых людей промыслы отнимает. Московские купцы были также настроены против просьб голландцев торговать с персиянами в России. Любопытно при этом, что московские купцы ссылались на Индию, в которой голландцы завладели месторождениями золотой и серебряной руд и другими промыслами, «отчего и теперь великое богатство себе приобретают, а тамошних жителей до скудности».

Русский рынок XVI и XVII вв. представлял собой арену борьбы отечественного и иностранного купеческого капитала. Русское купечество как экономически менее сильное, чем западноевропейское, не всегда могло конкурировать с английскими, голландскими и немецкими купцами. Ввиду слабости отечественного купеческого капитала внешняя торговля России была во многом монополизирована государством и роль казны поднялась. Государство, покровительствуя своему купечеству, принимало ограничительные меры в отношении иностранцев: устанавливало более высокие пошлины, запреты и т. п. В этом отношении особую роль сыграли Торговая уставная грамота (1654 г.) и Новоторговый устав (1667 г.). Обеспечение интересов русских купцов, ограничение торговли иностранцев, привлечение в страну иностранной валюты и т. д. — основные параграфы устава.

В результате протекционистских принципов Новоторгового устава русское купечество во второй половине XVII в. сильно потеснило с внутреннего рынка России иностранный торговый капитал. Но недостаток со-

бственных торговых судов и отсутствие выходов к Балтийскому морю не давали возможности расширить непосредственные торговые связи с западноевропейскими государствами. Внешняя торговля продолжала находиться преимущественно в руках англичан и голландцев.

Существенно изменилось положение при Петре I, при котором были отвоеваны выходы к морю. Петр способствовал не только расширению внешней торговли с Западом и Востоком, увеличению в несколько раз торгового оборота, но и значительному изменению структуры экспорта и импорта России, в частности увеличению вывоза изделий мануфактурного и ремесленного производства. Внешнюю торговлю Петр рассматривал как один из важнейших источников государственных доходов, ибо таможенные пошлины составляли немалую часть бюджета России. Политика в области внешней торговли была неотделима от общей внешней политики Петра. Протекционизм в форме установления высоких пошлин на иностранные товары (а то и полное запрещение их продажи) был в России того времени типичным явлением. Так, Петр I запретил ввоз ряда товаров еще до Устава 1724 г.

Роль государства во внешней торговле в этот период была огромной: оно стало главным экспортером, а отдельные торговые монополии и откупщики вывозили меньшую часть продукции. Вследствие финансовых затруднений перечень монополизированных товаров увеличился; к их числу относились поташ, смола, пенька, льняное семя, икра, корабельный лес и деготь. Торговля некоторыми из них отдавалась на откуп купцам и купеческим компаниям. Право торговли льняным семенем было предоставлено вначале купцам Окошинниковым, а потом купцу Мостину, торговли корабельным лесом у Архангельска — иноземцу Ортману, вывоза тюленьих шкур и продуктов рыболовства Архангельского побережья — Меньшикову с компанией; надворный советник Рагузинский и консул Гутфель получили право вывозить поташ.

Откупщики на этих внешнеторговых откупах наживали большие состояния (как, впрочем, и на других). Правда, правительство Петра I иногда отступало от широкой монополизации внешней торговли. В 1719 г. оно оставило монополию казны лишь на «поташ и смольчуг», уступив торговлю другими товарами

русскому купечеству и откупщикам, а в 1721 г. разрешило в портах Балтийского моря (кроме Риги) вольную торговлю мачтовым лесом всем «купецким людям».

В целях развития торговли и привлечения иностранного капитала в первый период царствования Петра I иностранным купцам предоставлялись определенные привилегии и льготы. Иностранцам иногда сдавалась монополия на вывоз из России корабельного леса, овечьей шерсти и т. п. Одновременно Петр принимал меры к усилению позиций русского купечества путем субсидирования организующихся торговых компаний.

Чтобы усилить позиции русского купечества в международной торговле, Петр I создает отечественный торговый флот, всячески поощряя русских купцов вывозить товары на русских торговых судах. Он принимает меры по расширению торговли с Англией, Францией, Испанией, Италией, Персией, Китаем, Индией и т. д. Петр стремился вести активную внешнюю торговлю, боролся за превышение вывоза над ввозом, за накопление денежного капитала в стране. «Тщиться по всякой возможности, дабы более наши товары на деньги продаваны были, нежели на товары менены»¹. Ввоз денег в страну всячески поощрялся, а пошлины за ввозимые и вывозимые товары взимались только золотом и серебром.

Политика в области внешней торговли использовалась как средство поддержания и развития отечественной промышленности. Знаменитый протекционистский тариф 1724 г. защищал от иностранной конкуренции быстро растущую промышленность; тариф на ввозимые в Россию товары устанавливался так, что он был выше, когда речь шла о товарах, производство которых в стране увеличивалось.

Таможенная политика в отношении иностранных и русских купцов была неодинаковой. Всячески поощрялась внешнеторговая деятельность российского купечества. Вывозимые русскими купцами товары облагались пошлиной, в два раза меньшей, чем на товары иностранных купцов.

Покровительный тариф, несомненно, способствовал росту русской мануфактурной промышленности. Прогрессивное влияние тарифа на промышленность несколько сдерживалось тем, что правительство вы-

¹ ПСЗ. Т. VII. № 4348. С. 152.

нуждено было часто сдавать на откуп сборы таможенных пошлин с целью «пополнения... денежных казны в нынешнее Свейское военное время»¹. Откупщики же в погоне за доходами находили для себя выгодным уменьшать размер пошлины и там самым увеличивали привоз товаров и доходы, поощряя контрабандную торговлю и торговлю «заповедными» товарами, нанося вред народному хозяйству.

Петр много сделал для усиления торговых позиций растущей буржуазии. Был расширен рынок в Сибири, на Дальнем Востоке, на побережье Каспийского моря и в Азове.

Системой мероприятий (запрещением отпускать отдельные товары «за море» через Архангельск, снижением пошлин в Петербургском порту и повышением их в Архангельском, переселением купцов в Петербург) удалось направить внешнюю торговлю с Западной Европой через Петербург. В 1703 г. в этот порт пришел лишь 1 иностранный торговый корабль, в 1722 г. — 116, а в год смерти Петра I, в 1725 г. — уже 914 кораблей. Таким образом, главным центром русской внешней торговли стал Петербург.

Значительная внешняя торговля велась и через другие балтийские порты: Ригу, Нарву, Ревель, Выборг. Среди вывозимых из России товаров в этот период выделяются товары мануфактурного и ремесленного производства: железо, льняные ткани, парусина, юфть и т. д. Главными покупателями русских товаров были Англия и Голландия. Принимались меры к развитию торговли и через сухопутные границы, как восточные, так и западные.

Стоимость товаров, вывезенных за границу через три порта (Петербург, Ригу, Архангельск), равнялась в 1726 г. 4,2 млн. руб., а ввезенных — 2,1 млн. руб., что указывает на активный торговый баланс.

В XVIII в. внешняя торговля и торгово-купеческий капитал стали играть важную роль в экономике России. Торговый капитал не ограничивался завоеванием всероссийского рынка: часть его направлялась в производство, в промышленность.

Внешнеторговая политика быстро изменилась после смерти Петра. Дворянство было недовольно высокими ввозными пошлинами на многие товары. Под влиянием

¹ ПСЗ. Т. IV. № 2610. С. 876.

его требований и ходатайств иностранного купечества, а также русских купцов, связанных с иностранными торговыми фирмами, уже с 1732 г. вводится пониженный таможенный тариф с максимальной нормой обложения в 20 %. Владельцев мануфактур не удовлетворил этот тариф, и, несомненно, он отрицательно отразился на развитии русской промышленности, не говоря уже о том, что он уменьшил активный баланс внешней торговли России. В дальнейшем тарифы неоднократно пересматривались под влиянием различных обстоятельств.

С 1757 г. правительство вновь возвратилось к покровительственной системе тарифов. Сбор таможенных пошлин почти во всех таможах, за исключением среднеазиатских и остзейских, снова был отдан на откуп, несмотря на все отрицательные стороны откупной системы (откупщиков в одном из подметных писем сравнивали с ядовитыми змеями, которые гонят народ «... к великой нищете и вечной гибели») ¹. При Екатерине II большая часть откупов и других привилегий откупщиков была отменена. Постепенно откупная система сходит на нет ².

В целом внешнеторговая политика второй половины XVIII в. (тарифы 1757, 1766, 1782, 1796 гг.) характеризуется протекционистскими принципами. Для развития торговли имели большое значение мероприятия, осуществленные в XVIII в.: образование Коммерческого банка для купечества, уничтожение внутренних таможенных пошлин и отказ от системы монополий и привилегий, издание вексельного, банкротского и таможенного уставов. Все это в значительной степени содействовало росту торговли и буржуазных отношений. Поэтому, на наш взгляд, неправильно считать, что изменение экономической политики во второй половине XVIII в. было направлено под видом провозглашения «свободы торговли и промышленности» только «к расширению прав помещного дворянства в этой области» ³. От политики «свободы» торговли и промышленности выигрывало не только дворянство, но и торгово-промышленная буржуазия.

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899. С. 117.

² См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. I. С. 408.

³ Там же.

Внешний рынок во второй половине XVIII в. сильно вырос. Русское купечество в большей степени, чем раньше, вело активную торговлю со странами Европы, вывозя товары в ряд стран уже на своих судах. Из промышленных изделий в экспорте продолжали играть значительную роль льняные ткани и железо (хотя в конце XVIII в. в связи с организацией в Англии производства металла на каменном угле и вследствие этого понижением цен вывоз металла становился менее выгодным), пенька, лен, юфта, кожи, лес, меха, хлеб.

Среди импортных товаров преобладали предметы личного потребления дворянства и богатой промышленно-купеческой буржуазии (сахар, сукна, красители, шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, кожи, вина, фрукты). В 90-х годах импортировались также сельди, пряности, олово, косы, москательные товары, хлопок, свинец, цинк, листовое железо, иглы, галантерейные товары, писчая бумага, фаянсовые и фарфоровые изделия. Средний годовой ввоз в 1793—1795 гг. равнялся 27 886 тыс. руб. Хлеб как предмет экспорта не имел в XVIII в. такого значения, как в XIX в., хотя правительство всячески поощряло его вывоз.

В 1765 г. Вольное экономическое общество, чтобы стимулировать экспорт хлеба, объявило даже конкурс с присуждением золотой медали в 25 червонцев тому, «кто в течение 1766 года, до ноября, отправит через Петербургский и Архангельский порты наибольшее количество русской пшеницы за границу, на российских или иностранных кораблях, однако же не меньше, как от 500 до 1000 четвертей». Однако вывоз хлеба почти не увеличился; более того, его удельный вес в стоимости русского экспорта в 90-х годах снизился по сравнению с 60-ми годами. В отдельные годы, в частности в неурожайные, вывоз хлеба даже ограничивался.

Основным западноевропейским торговым партнером России оставалась Англия, торговля с которой, как и в целом с Западом, в противоположность торговле с восточными странами имела в большинстве случаев активный баланс. Растущая обрабатывающая промышленность Англии усиливала спрос на русское сырье — лес, пеньку, лен, сало и т. д. В XVIII в. были заключены торговые договоры с Пруссией, Швецией, Китаем, Турцией и Францией.

В 60-х годах XVIII столетия разрешается частная

торговля (до этого велась торговля только казны) с Китаем, что способствовало значительному росту ее объема. Среди привозимых из Китая через Сибирь товаров главное место продолжали занимать хлопчатобумажные ткани, в частности «китайка».

Основной путь торговли с Западной Европой в XVIII в. шел через порты Балтийского моря; торговля на Черном море развивалась еще слабо, и лишь в середине XIX в. она оживляется в связи с ростом экспорта хлеба.

Примерно с середины XVIII в. русский капитал начал постепенно овладевать и среднеазиатским рынком. Потребность в сырье и рынках для растущей промышленности, с одной стороны, опасность английской конкуренции — с другой, вынуждали правительство усиливать торговлю с бухарцами, тонкинцами и хивинцами. Среди привозимых купцами товаров П. Рычков перечисляет золото и серебро, «состоящее по большей части в Индийских, Персидских и Бухарских монетах», далее бумажные и полушелковые «парчицы», занавесы и полотна, каракуль и т. д.¹ Из российских товаров в Среднюю Азию вывозились сукна, краски, олово, котлы, сахар, юфть, меха, изделия промышленности — иглы и наперстки. В конце XVIII в. и начале XIX в. среди привозимых из Средней Азии товаров на первое место выдвигаются пряжа и хлопок для растущих мануфактур и фабрик России.

Существенные изменения претерпевает внешняя торговля в условиях разложения и кризиса феодальнокрепостнической экономики России. Расширение товарных и капиталистических отношений все больше втягивало Россию в систему мирового рынка. В связи с этим внешняя торговля приобретала новое содержание и значение в экономике страны. Помещики стали все большую часть хлеба производить на продажу, в частности для внешнего рынка, где за Россией закреплялась роль экспортера преимущественно сельскохозяйственных товаров. Рост товарности сельского хозяйства подрывал основы крепостнической экономики.

Хотя торговые обороты в результате изменений таможенной политики, неурожаев, неустойчивости международных отношений и т. д. подвергались большим

¹ См.: Рычков П. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. I. С. 325.

колебаниям, все же размер внешней торговли России увеличился за 1801—1860 гг. более чем в три раза. Чаще всего преобладал активный торговый баланс, хотя в 1820, 1821, 1826, 1848, 1849, 1851 и 1855 гг. ввоз превышал вывоз. Либеральный тариф 1819 г. способствовал усилению привоза иностранных товаров в Россию в последующие годы.

В то же время в результате увеличения спроса на хлеб на мировых рынках экспорт его увеличивался. Среднегодовой вывоз хлеба (пшеницы, ржи, ячменя и овса) возрос с 5120 тыс. пудов в 1806—1810 гг. до 69 254 тыс. пудов в 1856—1860 гг. Все же экспорт хлеба составлял незначительную долю его производства.оборот хлеба (внутренний и внешний) составлял около $\frac{1}{5}$ всего производства ($59\frac{1}{2}$ млн. четвертей из 250)¹. Этому же мнению придерживались и некоторые другие статистики. На долю экспорта в начале XIX в. приходилось немного более 1 % урожая основных хлебов. Этот процент повысился в 1850—1855 гг. до 2,4 и в 1856—1860 гг.— до 5.

Россия в первой половине XIX в. становится главным поставщиком хлеба на мировой рынок. Много русской пшеницы ввозила, в частности, Англия. Особенно быстро стал возрастать вывоз хлеба из России после того, как в 1846 г. в Англии были отменены хлебные законы, ограничивавшие ввоз русского хлеба. Высокие цены на хлеб в первой половине 1847 г. из-за неурожая и картофельной болезни также способствовали увеличению ввоза в Англию хлеба, в частности русского. Рост товарного сельского хозяйства, растущее производство хлеба для внутреннего и внешнего рынков служили важным показателем разложения феодального способа производства. Внутренние цены на хлеб с 1800 по 1860 г. в общем увеличились примерно на 30 %, резко колеблясь по отдельным годам под влиянием неурожая, таможенной политики и т. д.

Снижение хлебного экспорта за пятилетие (1851—1855 гг.) по сравнению с предыдущим пятилетием было главным образом результатом начавшейся в 1853 г. Крымской войны.

Перед крестьянской реформой стоимость вывозимо-

¹ См.: Протопопов Д. О хлебной торговле в России // Журнал министерства государственных имуществ. СПб., 1842. Ч. V. Кн. III. С. 93, 100.

го хлеба составляла около 35 % стоимости всего экспорта. Второе место принадлежало пеньке (правда, ее значение в экспорте в 1856—1860 гг. снизилось). Крупную роль играл вывоз сала, льна. Вместе с хлебом увеличилась в экспорте доля семян, шерсти и некоторых других товаров.

Наряду с Россией с 50-х годов XIX в. в крупнейшего экспортера сельскохозяйственных продуктов превращаются также США, а позднее Австралия и Канада, ставшие довольно серьезными конкурентами нашей страны на хлебном рынке. Однако вытеснить Россию с мирового хлебного рынка в тот период они не могли.

Крайне интересно указать на резкое по сравнению с XVIII в. уменьшение доли экспорта металлов и изделий из них. В результате изобретения плавки чугуна на каменном угле производство чугуна в европейских странах (Англии, Германии и Франции) и США резко увеличилось, в России же выплавка чугуна в первой половине XIX в. возрастала слабо, в силу чего доля нашей страны в мировом производстве сильно уменьшилась. Стоимость продуктов земледелия и животноводства занимала в это время подавляющую часть стоимости всего русского экспорта. Продукция обрабатывающей промышленности во внешнем товарообороте составляла лишь несколько процентов и направлялась почти исключительно в азиатские страны; роль промышленных товаров в экспорте была меньше, чем в конце XVIII в. И это, в свою очередь, служило одним из показателей медленного развития русской промышленности в условиях крепостного хозяйства первой половины XIX в.

В мировом товарообороте на долю России приходилось в 1800 г. 3,7 %, в 1850 г.— 3,6 %, т. е. ее удельный вес остался почти без изменения, а к концу XIX в. даже немного снизился.

Среди стран, торговавших с Россией в первой половине XIX в., первое место как по экспорту (37 %), так и по импорту (29,2 %) принадлежало Англии. Россия была поставщиком хлеба и сырья (льна, пеньки, шерсти, кожи и т. д.) для быстро растущей английской промышленности. Из-за слабого развития русской обрабатывающей промышленности часть сырья, вывезенного из России и переработанного в Англии, возвращалась в нашу страну уже в виде готовых изделий.

Интересно, что торговые отношения России с Ан-

глией фактически не прекращались даже во время Крымской войны. Посредником в торговле выступала Пруссия, экспортировавшая русские товары в Англию через свои порты (используя суда нейтральных стран). Англия, нуждаясь в сельскохозяйственных продуктах, вынуждена была разрешить их ввоз, несмотря на строгую блокаду русских портов.

Второе место в торговом обороте России принадлежало Германии (11,4 %), третье — Франции (9,8 %), четвертое — Китаю (6,7 %).

Экспорт России в страны Запада составлял около 90 %, а в страны Востока — около 10 %. В Китай вывозились пушнина, сукна, льняные и хлопчатобумажные ткани, юфть и др. Основным товаром, импортируемым из Китая, в это время был чай, привоз которого в Россию возрос с 45 тыс. пудов в 1802 г. до 461 тыс. пудов в 1860 г.

Характерно, что торговый баланс России с восточными странами был все время пассивным. Если в Европу Россия поставляла почти исключительно сырье, то в страны Востока направлялись преимущественно изделия промышленности.

Среди импортируемых товаров русская статистика в 1816 г. впервые выделяет машины и аппараты на сумму в 35 тыс. руб. ассигнациями. В дальнейшем ввоз машин для фабрик сильно возрос и равнялся вместе с ввозом инструмента за десятилетие с 1851 по 1860 г. уже 54 млн. руб. серебром. Структура импорта за первую половину XIX в. значительно изменилась, отражая перемены в русском народном хозяйстве. В стоимости импорта сильно снизилась доля сахара, тканей и хлопчатобумажной пряжи и увеличилась доля хлопчатобумажной пряди для растущей хлопчатобумажной промышленности. В среднем за 1856—1860 гг. первое место по стоимости среди ввозимых товаров занимали уже не готовые хлопчатобумажные ткани, а хлопок-сырец, второе — красители, далее шли машины и аппараты, вино, сахар и чай. Ввозимые товары удовлетворяли в значительной мере потребности господствующего класса. Первое место по стоимости привозимых в Россию товаров принадлежало по-прежнему Англии (29,2 %), далее следовали Германия (15,7 %), Франция (9,2 %) и Китай (7,6 %).

Внешняя торговля проходила преимущественно по морским рубежам и лишь в середине XIX столетия за-

метно возросло значение сухопутной границы. Как уже отмечалось, вывоз и ввоз товаров в Россию в большей степени происходил на иностранных судах, что указывает на слабое развитие русского торгового флота того времени. Среди судов, заходивших в 1802 г. в русские порты, русские суда составляли всего лишь 7,2 %; правда, этот процент поднялся к 1850 г. до 16,6, в то время как число английских судов увеличилось с 25,8 до 27,5 %, германских — уменьшилось с 26,5 до 10,5 %.

Эти данные свидетельствуют о том, что иностранные купцы и иностранный торговый капитал все еще играли огромную роль в русской торговле (на это жаловался еще экономист И. Посошков). Россия не располагала в необходимом количестве торговым флотом и не могла полностью взять в руки свою внешнюю торговлю. С увеличением экспорта хлеба значение черноморских портов быстро возрастало, поскольку именно через них преимущественно вывозился хлеб. Если в 1802 г. из 3710 судов заграничного плавания, зашедших в русские порты, 2786 прибыло в порты Балтики и лишь 706 — в порты Черного и Азовского морей, то в 1850 г. из 6560 судов в порты Балтийского моря зашло 3423 и в порты Черного и Азовского морей — 2590 судов. Правительственная политика поощряла развитие торговли на Черном море: в 1803 г. все таможенные пошлины на ввозимые и вывозимые товары были понижены для Черноморья на 25 %.

Нельзя полностью охарактеризовать внешнюю торговлю, не рассмотрев вопросов таможенной политики. Последняя представляет собой очень интересную и вместе с тем важную сторону экономической истории России. Вся проблема протекционизма¹ и фритредерства² может быть правильно понята лишь на фоне анализа конкретных социально-исторических условий. Таможенная политика России первой половины XIX в. под влиянием различных обстоятельств подвергалась довольно частым изменениям. Несмотря на частичные

¹ Протекционизм — экономическая политика государства, направленная на ограждение национальной экономики от иностранной конкуренции. Реализуется посредством финансового поощрения отечественной промышленности, стимулирования экспорта, ограничения импорта.

² Фритредерство — направление в экономической теории и политике промышленной буржуазии, его основные принципы — требование свободы торговли и невмешательства государства в частнопредпринимательскую деятельность.

отступления и временные победы фритредеров, в общем таможенная политика царского правительства на протяжении отмеченного периода характеризуется или запретительными, или высокопокровительственными принципами: ввоз многих товаров совершенно запрещался, ввоз же других товаров облагался высокими пошлинами. В 1800 г. был запрещен ввоз в Россию многих товаров: тканей (шелковых, хлопчатобумажных, льняных и пеньковых), стекл, фарфора и др. Затем было запрещено торговать английскими товарами, да и вся торговля с Англией была под запретом. Это, конечно, подрывало русскую торговлю, поскольку Англия была главным потребителем сырья и играла первую роль среди других стран в торговле с Россией. Купцы и земледельческое дворянство были недовольны таким запретом правительства, это решение было отменено после смерти Павла.

В империи существовала единая таможенная система (за исключением Финляндии, имевшей не только особый таможенный тариф, но и особую валюту, денежную систему и государственный банк).

Многочисленные войны в начале XIX в. затрудняли внешнюю торговлю и обуславливали частые изменения таможенной политики. Тильзитский мир, по которому Россия присоединилась к континентальной блокаде, оказал большое влияние на таможенную политику.

Континентальная система просуществовала до 1810 г. Затем было введено новое Положение о внешней торговле, согласно которому ввоз английских товаров разрешался на нейтральных судах; по этому же Положению ввоз многих товаров, в частности предметов роскоши, поступавших главным образом из Франции, был запрещен. Это обстоятельство и фактическая отмена континентальной системы обострили отношения России с Францией.

В 1816 г. был введен новый тариф, где уменьшалось число товаров, которое запрещалось ввозить в Россию. Через три года вступает в действие общий тариф для империи и Польши, разрешавший ввоз почти всех ранее запрещенных товаров и снизивший таможенные пошлины. Это был либеральный тариф, введение которого означало победу сторонников свободной торговли и способствовало росту импорта товаров в Россию.

Фритредерская политика наносила существенный вред нарождавшейся промышленной буржуазии. Госу-

дарство, как утверждали представители буржуазии, оказывало поощрение изделиям других стран, а собственные предприятия его должны были закрыться; земледелие без рынка, промышленность без охраны могут заглохнуть, деньги уйдут за границу, самые солидные предприниматели не смогут этого выдержать.

На тарифную политику, несомненно, оказывали существенное влияние и фискальные соображения правительства, которым оно придавало особенное значение в периоды трудного финансового положения страны. В 1822 г. был введен строго запретительно-протекционистский тариф. Такое направление таможенной политики сохранилось до середины XIX в. — до принятия тарифа 1850 г., несмотря на то что тариф 1822 г. подвергался многочисленным изменениям (в 1824, 1825, 1826, 1830, 1838, 1841, 1845 гг.), в которых запретительные статьи в целях увеличения таможенных доходов заменялись другими, предусматривающими высокое обложение товаров.

Насколько возросли пошлины в первой половине XIX в., видно из того, что в начале века они редко превышали 15 % стоимости импорта, в 20-х годах — 27 %, в 30-х же годах этот процент поднялся до 45 и в 40-х годах опять снизился до 30¹. Большие таможенные пошлины на ввозимые товары были одной из причин огромных прибылей, получаемых капиталистами.

Несмотря на такую резко выраженную протекционистскую политику, ввоз товаров не только не снижался, но за исключением отдельных лет систематически увеличивался. Наметившееся некоторое ослабление протекционистской политики в 40-х годах завершилось под давлением дворянства введением тарифа, согласно 725 статьям которого были понижены пошлины и протекционистская политика правительства становилась более умеренной.

Фритредерские тенденции особенно были усилены в тарифе 1857 г. Любопытно, что введению его предшествовала дискуссия о внешней торговле, начатая либеральным экономистом И. В. Вернадским, точка зрения которого была поддержана также профессором Н. Бунге. Протекционистские принципы в дискуссии защищали А. Шипов (основатель журнала «Вестник

¹ См.: Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. Отд. XIX. С. 144—145.

промышленности»), славянофилы и др. В тарифе 1857 года делались значительные уступки в пользу дворянства: он еще больше снизил пошлины, а число запрещенных к ввозу товаров уменьшилось.

Между промышленной буржуазией, купечеством, с одной стороны, и дворянами-помещиками — с другой, шла длительная борьба вокруг проблемы тарифа. Свое требование установить и поддерживать высокие таможенные пошлины промышленники прикрывали лицемерными заявлениями о необходимости благоденствия народа, о желании дать работу рабочим и ремесленникам и т. д.

Дворяне-землевладельцы в большинстве случаев всячески старались добиться отмены пошлины или во всяком случае снижения ее до минимума. Вместе с тем решение вопроса о таможенной политике затрагивало одновременно другой вопрос — о дальнейших путях экономического развития, о целесообразности и о темпах роста промышленности в России. Представители свободной торговли — фритредеры, доказывали, что экономическое развитие страны нужно предоставить естественному ходу событий, что искусственно (путем таможенных пошлин) не следует форсировать рост промышленности. Они заявляли, что высокие пошлины приводят к переплате за товары значительных сумм. Фритредерские принципы защищали министр финансов Гурьев, экономисты Бутовский, Вернадский, Бунге и др. Идеи свободной торговли использовали и идеологи реакционного дворянства. Крепостники-помещики доказывали вредность увеличения числа фабрик в России, а поскольку покровительный тариф способствует росту капиталистической промышленности, то, по их мнению, он вреден и не должен применяться.

Одним из первых фритредеров в России был декабрист Н. И. Тургенев. Правда, далеко не все декабристы защищали фритредерство. Следует указать, что вопрос о таможенной политике был для них частным вопросом.

Защиту протекционистских принципов можно встретить у различных представителей русской экономической мысли. Наиболее полно идеи протекционизма выразил известный русский экономист Н. С. Мордвинов, который писал, что Россия, отставшая в своем экономическом развитии от западноевропейских стран, нуждается в осуществлении протекционистской политики.

Протекционизм Н. С. Мордвинов рассматривал с общеэкономических позиций, в то время как официальная защита протекционизма министром финансов графом Канкриным диктовалась главным образом фискальными соображениями. Канкрин был противником запретительного тарифа, поскольку он приводил к снижению дохода от таможенных пошлин.

Не подлежит сомнению, что покровительственная система способствовала развитию в России крупной капиталистической промышленности. С этой точки зрения протекционизм в тот период играл прогрессивную роль. Крупная промышленность, железные дороги были необходимы для России, что стало особенно ясно после Крымской войны. Однако промышленность не могла быть создана без покровительственной системы, поскольку в это время Россия сильно отставала от ряда стран, в частности от Англии. Поэтому царское правительство всячески поддерживало капиталистов путем государственных субсидий и покровительственных пошлин. Таким образом, протекционизм в дореформенной России был только одним из условий промышленного развития страны.

Деньги возникли в период разложения первобытно-общинного строя, завершив процесс длительного развития форм стоимости товара. Деньгами становился какой-либо наиболее важный предмет, преимущественно предмет потребления. У многих народов функции денег выполнял скот: Гомер, говоря о некоторых видах оружия, оценивал их в 100 быков, в 9 быков и т. д. В Германии в I тысячелетии н. э. имелись так называемые коровьи деньги. У северных народов денежной единицей служил олень. Деньгами некоторых народов были сахар, слоновая кость, меха, опиум, бобы, какао и т. д.

На Руси скот на определенном этапе экономического развития также выполнял функции денег. В древнейших списках «Русской Правды» скот встречался неоднократно как обозначение денег. В эпоху раннего феодализма термин «скотник» обозначал сборщика податей. Летописи, «Русская Правда» и другие исторические документы свидетельствуют, что слово «скот» выражало когда-то понятие денег. Так, в ст. 18 «Русской Правды» говорится: «А иже изломить копье, либо щит, либо порт, а начнеть хотети его держати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломил, еще ли начнеть приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будеть на нем»¹.

Можно привести много исторических документов, подтверждающих косвенно, что когда-то скот выступал на Руси в роли денег. Однако было бы ошибочным считать на основании этих источников, что в Киевской Руси скот служил всеобщим эквивалентом. Такое предположение не имеет оснований; оно, в частности, опровергается характером экономики Киевской Руси, поскольку наши предки еще в период, предшествовавший образованию Киевского государства, были уже земледельческим народом. Киевское государство имело сравнительно развитую денежную систему. Приводимые свидетельства из летописей и «Русской Правды» указывают лишь,

¹ Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 117.

что в древности славяне использовали в качестве денег скот.

На определенном этапе хозяйственного развития Древней Руси роль денег выполняли меха, вначале одновременно со скотом, а потом вытеснив его в силу многих преимуществ (большей сохранности, транспортабельности, делимости и т. д.).

У восточных славян в период до образования Киевского государства роль денег выполняли главным образом меха куницы («куна»). В «Русской Правде» слово «куны» употребляется свыше 20 раз. Встречается оно в летописях: летописец записал, что князь раздавал из «скотъницъ кунами»¹. Владимир на требование варягов заплатить им «окуи» просил подождать до тех пор, пока «куны сберуть за месяц»². Страна обширных лесов, богатых промысловым зверем, имела все условия для того, чтобы меха играли большую роль как во внутренней, так и во внешней торговле.

Меха в качестве денег еще в период до Киевского государства постепенно вытеснялись металлическими деньгами, передав последним свои наименования. Встречающиеся в «Русской Правде» слова «куны», «резаны», «векши», «бели» означают, вероятно, уже металлические деньги, к которым перешли названия мехов. Судя по «Русской Правде», можно говорить о том, что гривна и «куна» служили основными металлическими денежными единицами не только в торговле, но и в процессе взимания дани.

По мере роста общественного разделения труда роль денег все в большей степени переходит к благородным металлам. Это стало возможным, когда ремесло как форма промышленности все более отделялось от земледелия. Естественно, что процесс распространения металлов в качестве денег был весьма длительным; одновременно с мехами начали выполнять функцию всеобщего эквивалента благородные металлы, вначале в форме слитков, а позднее в форме монеты.

Основной денежной единицей стала гривна, весовая единица, древняя денежная единица славянских народов, служившая для измерения золота и серебра. Золотые, серебряные, бронзовые гривны, употреблявшиеся,

¹ Полный свод российских летописей (далее ПСРЛ). 1846. Т. 1. С. 125.

² Там же. С. 33.

очевидно, вначале как украшения, потом выступили в качестве весовой денежной единицы. Возникновение металлических денег — важный этап в развитии товарного производства на Руси, одна из его ступеней, с которой начинается цивилизация.

Еще до образования Киевского государства, а затем и в период его существования внешняя торговля, войны содействовали получению известного количества металлических денег из стран Востока, Византии, а несколько позднее из западных стран¹. Заметную роль в Киевской Руси играла монета собственной чеканки. Тем не менее основной формой металлических денег были гривны-слитки, которых найдено на территории нашей страны 355 штук общим весом 56 кг. Золото в слитках и золотая монета различаются только внешне.

Самые древние монеты, найденные на территории Поднестровья и Поднепровья, — римские серебряные монеты II—III вв. — денарии. В VIII—IX вв. восточные славяне получали в больших количествах арабские денарии, позднее — западноевропейские. На территории Восточной Европы обнаружено больше 400 кладов и около 150 кладов западноевропейских денариев.

Чеканка монеты началась в Киевской Руси раньше, чем в некоторых крупных европейских государствах. Имеются неопровержимые доказательства чеканки монеты в X—XI вв. на Руси. Так, в Государственном историческом музее хранятся образцы монет и слитков: злотник и серебренник Владимира Святославича, серебrenики Владимира Мономаха, серебряный слиток, называемый «киевская гривна». Не исключена возможность и более ранней чеканки монеты на Руси. *Наличие собственных монет в Киевской Руси — одно из свидетельств ее большой роли в политической и экономической жизни в тот период.*

О степени развития денежного обращения говорят многие факты: новгородская область платила при Ярославе 300 гривен дани, в XII в. — 2500 гривен; татарам давали 2 тыс. гривен серебром; смоленская область в XII в. давала князю доход 3200 гривен; дружинники

¹ По некоторым данным, славяне еще в IV и V столетиях имели золотые деньги (*Гагемейстер Ю. А. Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833. С. 215—216; Круг Ф. Критические разыскания о древних русских монетах. СПб., 1807. С. 22).*

получали от князя в XIII в. по 200 гривен (и были еще недовольны). Дмитрий Донской выкупил в 1371 г. из татарского плена сына тверского князя за 10 тыс. руб. серебром. Такая высокая степень развития денежного обращения, в том числе обращения металлических денег, могла быть достигнута только на протяжении длительного исторического периода.

Денежное обращение существовало в первую очередь в древнерусских городах с более развитой торговлей, ремеслом, ростовщическим кредитом и пр. О наличии денежного обращения можно судить также по взиманию дани, налогов, накоплению драгоценных металлов у феодалов и т. д. Товарное обращение уже с самых первых шагов вызывает к жизни необходимость в золоте.

По мере роста товарного производства развивались функции денег как меры стоимости, средства обращения, средства накопления, средства платежа и мировых денег. Деньги как средство обращения и мировые деньги широко использовались в Киевской Руси; они превращались в торговый капитал, приносящий прибыль.

В период татарского ига, лишившего Русь государственной самостоятельности, чеканка монеты в русских княжествах, судя по отсутствию данных, вероятно, прекратилась. Большинство исследователей считают, что чеканка монет раньше всего возобновилась в Московском княжестве при Дмитрии Донском, после Куликовской битвы¹. Есть мнение, что чеканка еще ранее началась в Нижегородском княжестве. А. А. Ильин в книге «Классификация русских удельных монет» (Л., 1940. Вып. 1. С. 23) считает, что первенство в этом надо предоставить великому княжеству Рязанскому. Он признает собственной рязанской монетой татарские монеты с подчеканкой славянских букв. Чеканка монеты с восточными надписями, возможно, преследовала цель платить этой монетой дань татарам, а также употреблять ее в торговле с восточными странами.

Московское княжество уже в XIV в. начало выделяться среди других княжеств развитием ремесла и торговли и общим уровнем экономической жизни. Поэтому оно, естественно, первым могло возобновить чеканку собственной монеты. Во всяком случае, во второй поло-

¹ См.: Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. М., 1896. С. 80—81.

вине XIV в. восстанавливается самостоятельная чеканка монеты — показатель начавшегося хозяйственного оживления, в частности роста торговли.

На первый взгляд, не совсем понятно, почему Новгород перешел к чеканке собственной монеты позднее, чем княжества Центральной Руси. Причину этого надо искать в более высоком уровне внешней торговли в Новгородской республике, обеспечивавшей и значительный прилив иностранной монеты.

Из древнерусской денежно-весовой системы образовалась позднее московская денежная система. Из гривны путем деления ее на несколько частей родился рубль, упоминание о котором в исторических документах относится к началу XIV в. 100 денег составляли счетный московский рубль. Однако гривна как одна из денежных единиц продолжала существовать и позднее. В Новгородских писцовых книгах второй половины XVI в. термин «гривна» употребляется наряду с рублями и алтынами, деньгой, полденьгой и четвертицей.

После присоединения Новгорода к Московскому государству (1478 г.) новгородская денежная система была подчинена московской, хотя счет в новгородских деньгах продолжался и несколько позднее. Новгородские переписные книги свидетельствуют, что феодальная рента взималась с крестьян в монастырских волостях новгородскими деньгами (в книгах писцы оговариваются: «в новгородское число»), а хлеб — коробьями, в то время как новгородские оброчные волости великого князя платили оброк по московскому денежному счету, а хлеб сдавали уже не коробьями, а московскими четвертями.

Во второй половине XIV в. после длительного перерыва на Руси началась широкая чеканка собственной монеты из серебра и меди почти в каждом удельном княжестве. Монета чеканилась в Москве, Твери, Новгороде, Пскове, Смоленске, Рязани, Нижнем Новгороде, Суздале, Ярославле, Чернигове, Серпухове, Угличе, Ростове, Можайске, Дмитрове, Кашине, Новом Торге и др. Размер и внешний вид монеты периода феодальной раздробленности были различны. Так, новгородский и московский рубли имели разный вес.

Образование централизованного государства требовало единой денежной системы. Это было достигнуто ликвидацией чеканки монеты в удельных княжествах, поглощением московской денежной системой систем

других княжеств. Иван III установил единую монету для всего государства с надписями на монетах: «Оспадарь всея Руси»¹. При нем чеканка монеты отдельными феодальными князьями прекратилась и стала правительственной монополией; была унифицирована русская монетная система. Эту политику Иван III завещал продолжать и своим сыновьям. «А сын мой Юрьи з братьею по своим уделом в Московской земле и в Тферской денег делати не велят; а денги велит делати сын мой Василей на Москве и во Тфери, как было при мне»².

По мере роста товарного производства, общественного разделения труда, ремесла, рыночных отношений значение денег в экономике страны и потребность в них все увеличивались. В XV—XVI вв. денежные отношения, деньги, серебро, «издельное» серебро, «ростовое» и т. д. стали играть все большую роль. О степени развития денежного обращения говорят выдачи денежного жалования монастырским слугам и ремесленникам в первой половине XVI в. в Волоколамском монастыре³.

В условиях господства натурального хозяйства феодальное крестьянство, землевладельцы и само правительство испытывали большую потребность в деньгах. Для периода феодализма как общая тенденция характерно понижение покупательной способности денег и рост цен.

При слабой добыче металла в стране важнейшими средствами увеличения денежных ресурсов феодально-крепостнической России были внешняя торговля и порча монеты. На протяжении всего периода феодализма многократная порча монеты используется в Российском государстве как важнейший источник увеличения доходов. В Великом Новгороде в 1447 г. денежники, т. е. люди, чеканившие деньги, начали ухудшать монету, чеканя вначале 216 денег из гривны, а потом — по 240 и 270 денег. В результате деньги обесценивались, цены на товары росли. Новгородцы подняли бунт, жестоко рас-

¹ Двухсотлетняя зависимость Руси от татар была окончательно уничтожена при Иване III. «...В России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 416).

² Собрание государственных грамот и договоров (СГГид) М., 1813. Ч. I. С. 397.

³ См.: Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. М.; Л., 1948.

считались с виновными, сбросив их в Волхов и захватив их имущество. После этого чеканка монеты, по-видимому, сделалась в Новгороде государственной монополией.

Очень большое ухудшение монеты произошло в Московском княжестве при Василии Темном и позднее. В XV—XVI вв. появилось много поддельных и обрезных денег. После проведенных розысков «в лето 7042 (1535 г.) на Москве казнили многих людей в деньгах, Москвичь и Смольнян, и Костромичь, и Вологжан, и Ярославцов, и иных многих городов Московских, а казнь была, олово лили в рот да руки секли»¹. Но порча монеты, вероятно, стала таким распространенным явлением, что правительство вынуждено было приступить к чеканке новых серебряных денег, «повеле делати денги серебряные новые на свое имя, без всякого примеса»².

В целях борьбы с поддельными и неполноценными деньгами в 1535 г. проводится денежная реформа. Этой реформой завершился процесс создания единой денежной системы в стране. В результате вся чеканка была полностью унифицирована, установлена единая для всех русских городов монетная система. Был учрежден денежный (монетный) двор, во главе которого стояла группа назначенных московским великим князем лиц, отвечавших перед ним за добросовестность чеканки. Монетная стопа была значительно снижена. Вместо 260 денег (новгородок, чеканившихся из гривенки при Иване III и Василии III) было положено чеканить 300 денег³. Однако ухудшение монеты наблюдалось и позднее, особенно в XVII в. Около 1620 г. вводится «новый чекан» более легкой (примерно на четверть) монеты. Рубль новой чеканки стал равняться 10 английским шиллингам вместо 14. Ухудшая монету, правительство оправдывалось тем, что это не новое дело: во многих государствах прибегают к таким мерам во время войны.

В середине XVII столетия финансовое состояние Московского государства под влиянием многочислен-

¹ Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. // Опыт исследования И. И. Кауфмана. СПб., 1910. С. 62.

² Известия Академии наук СССР // Серия истории и философии. М., 1950. Т. VII. № 6. С. 549.

³ См.: ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XX. Первая половина. С. 429.

ных войн было очень тяжелым. Важнейшим источником получения ценных металлов служила внешняя торговля. Вырученные в ходе ее иоахиметалеры («ефимки») перчеканивались на Московском монетном дворе в русские монеты, содержавшие меньшую долю серебра. Это давало правительству существенный доход. Принимая «ефимки» за 49—50 коп., монетный двор чеканил из них 64 копейки, а в 1654 г. — рубль. В тяжелых условиях войны с Польшей за Украину правительство с целью увеличения доходов прибегает к выпуску медных денег с принудительным курсом. Медные монеты были известны у нас и раньше, но они не играли тогда столь большой роли в денежном обращении. Наряду с выпуском медных денег правительство брало принудительные займы у монастырей и церкви, уменьшало количество серебра в монете.

Медные деньги очень быстро вытеснили из обращения серебро (которое в значительной степени ушло за границу). Они сильно упали в цене; к тому же много было фальшивых медных денег.

Когда объявились «воровские» деньги, людей стали хватать и пытаться, причем особенно подозревали денежных мастеров, серебряников, котельников, оловянных, которые, судя по народной молве, делали «денги в погребах», «тайным обычаем, ночью»¹. В результате обесценения денег цены возросли, подвоз товаров на рынки сократился.

Доведенный до разорения и голода народ поднял летом 1662 г. восстание, известное под названием «медного бунта», еще больше обострившего противоречия феодально-крепостнической России. Бунт был подавлен, медные деньги выкуплены по цене за рубль медных денег две серебряные деньги. Впрочем, порча монеты в целях увеличения дохода не прекратилась и в последующие годы.

С ростом товарного производства проблема денежного обращения и финансов вообще приобретала все большее значение. Петр I называл деньги артерией войны. При нем, как и при Софье, наблюдалось уменьшение металла в денежной единице, в результате чего счетный рубль 1698 г. составлял уже только немного более $\frac{1}{3}$ счетного рубля Ивана III, $\frac{5}{12}$ счетного рубля

¹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 100.

Ивана IV, $\frac{3}{5}$ рубля Михаила Федоровича и Алексея Михайловича и немного меньше $\frac{3}{4}$ (70 %) счетного рубля царевны Софьи¹.

Веда многочисленные войны, Петр I вынужден был прибегать к порче монеты в целях увеличения доходов. Характерно, что экономист И. Т. Посошков оправдывал эту финансовую политику Петра, хотя в отдельных случаях и критиковал ее. Он полагал, что ценность денег зависит от государственной власти². Испытывая острую потребность в средствах, Петр запрещал вывоз золотых и серебряных денег из России. Политика, направленная к удержанию их в стране, объясняется не только их недостатком, но и желанием оградить русскую казну от потери монетного дохода, получаемого от чеканки новых монет и перечеканки иностранных монет в русские.

Рост промышленности и торговли увеличивал потребность в деньгах. Правительство Петра I принимало энергичные меры к изысканию и разработке золотых, серебряных и медных руд: снаряжались многочисленные экспедиции на Урал и в Сибирь, всячески поощрялась частная добыча драгоценных металлов. «Кто в своих землях полезные металлы, яко золото, серебро и медь, сыщет и объявит в Берг-Коллегиум и похощет завод построить, тому дастся из Коллегии, по доброту руд смотря, в займы денег на строение»³.

Добываемые золото, серебро и медь на основе существовавшего монопольного права государства на эти металлы подлежали сдаче в казну. Правительство издало ряд указов, запрещавших вывозить из России золото и серебро и всячески стимулировавших привоз их из-за границы. Запрет вывоза из России серебряных и медных денег И. Т. Посошков также находил правильным. Петр I не только запрещал вывозить русские деньги из России, но и из опасения ввоза фальшивых денег он одновременно не разрешал иностранным купцам продавать русские товары за русские деньги.

В эпоху Петра I было выпущено всех монет на 43 441 тыс. руб., в том числе золотых на 706 тыс. руб. и медных на 4354 тыс. руб. Таким образом, основное

¹ См.: Записки нумизматического отделения Русского археологического общества. 1910. Т. II. Вып. 1—2. С. 124.

² См.: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 239.

³ ПСЗ. Т. V. № 3464. С. 761.

значение в обращении имели серебряные деньги. Выпускалось также немало мелкой медной монеты. В указе 1700 г. выпуск такой монеты объяснялся тем, что «во многих Низовых и в иных городе, за скудностью денежек, на размену в мелких торгах, пересекают серебряные копейки на двое, и на трое, и торгуют ими вместо денежек на размен; в Калуге и в иных городах, вместо серебряных денежек торгуют же кожаными и иными жеребьями»¹. Петр I видел, что чрезмерный выпуск менее ценной монеты, медной, наносит ущерб торговле.

Золотые монеты чеканились еще в X в.; чеканили их и при Иване Грозном; иностранец Бухау писал, что попадались, хотя очень редко, и золотые монеты, деланные в Московском государстве². Правда, золотые деньги не играли большой роли ни в допетровское время, ни даже в эпоху Петра. Значение золота в денежном обращении России было невелико и во второй половине XVIII в.: с 1762 по 1796 г. было начеканено золотой монеты на 16 млн. руб., серебряной — на 71 млн., медной — на 80 млн. руб.

Металлическая денежная единица, все больше и больше уменьшаясь в весе, вызвала к жизни вначале менее ценную медную монету, а затем и бумажные деньги³. Первые предложения о их выпуске встретили возражения сената, который считал весьма предосудительным, что вместо денег будут ходить бумажки, поскольку медные, пятикопеечные монеты имеют «внутреннюю доброту» около 8 руб. за пуд, а бумажные билеты уже никакой «внутренней доброты» иметь не будут. Но вскоре к отвергнутой идее выпуска бумажных денег вынуждены были возвратиться: правительству Петра III необходимо было выпускать ассигнации для покрытия дефицитов бюджета, и 25 мая 1762 г. вышел указ об учреждении в стране банка с правом выпуска банковских билетов, в котором отмечалось желание в целях развития коммерции найти средство облегчить хождение медных денег в стране. Однако он не был

¹ ПСЗ. Т. VI. № 3748. С. 365.

² На Бухау ссылается В. О. Ключевский. (*Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве*. М., 1916. С. 305.)

³ Любопытно отметить, что за полстолетия с лишним до выпуска бумажных денег русский «рудных дел промышленник» Даниил Воронцов представил в 1712 г. записку о выпуске кредитных денег, делаемых из дерева (см.: *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 135—137).

осуществлен в связи с дворцовым переворотом. К идее выпуска бумажных денег вернулись через шесть лет, а до того времени продолжалась чеканка неоплодотворенной медной монеты.

Перейти к выпуску ассигнаций в 1769 г. царскому правительству пришлось и в связи с военными событиями. Поскольку налоговый пресс уже был использован до отказа, истрачены значительные внешние займы и испробованы другие средства для увеличения доходов, оно встало на путь выпуска бумажных денег, хотя в манифесте об учреждении Ассигнационного банка на первое место вновь выдвигалось желание улучшить денежное обращение в стране, облегчить циркуляцию медных денег, организовать кредит и т. д. Бумажные деньги (ассигнации, а позднее так называемые кредитные деньги), выпущенные в России в 1769 г., сделались очень важным средством покрытия дефицитов бюджета.

В первый год выпуск ассигнаций составил 2,5 млн. руб.; ежегодный размер его колебался от 500 тыс. до 5 млн. руб., но в 1787 г. сразу выпустили ассигнаций на 53,8 млн. руб., в результате чего цена ассигнационного рубля против серебряного понизилась до 97 коп. Дальнейшая эмиссия бумажных денег (к началу 1800 г. их было в обращении на 210 млн. руб.) привела к тому, что курс их равнялся уже только 65,5 коп. Чрезмерное количество бумажных денег вызывало их обесценение и вело к снижению жизненного уровня трудящегося населения.

Хотя в манифесте от 28 июня 1786 г. было заверено, что число банковских ассигнаций никогда и ни в каком случае не превысит в России ста миллионов рублей, однако обещанное количество ассигнаций держалось только три года, а затем печатный станок заработал опять очень интенсивно. В манифесте, изданном в 1810 г., вновь утверждалось, что выпуск ассигнаций пресекается и все производство Государственного ассигнационного банка будет удовлетворять только потребности обмена ветхих ассигнаций на новые. Это обещание также осталось невыполненным.

Вследствие частых дефицитов бюджета и при огромной потребности в деньгах в связи с многочисленными войнами в начале XIX в. российское правительство продолжало, и притом весьма интенсивно, использовать печатный станок для покрытия дефицитов. Золотые и серебряные деньги в этих условиях уходили из обращения, курс бумажного рубля упал в 1814—1815 гг. до

20 коп. Это было наибольшее его падение. Изменение курса ассигнаций отрицательно сказалось на экономике страны: росли цены, спекуляция, осложнились кредитные отношения; особенно страдала от этого беднейшая часть населения.

Положение ухудшали и ввезенные войсками Наполеона фальшивые ассигнации. Чрезмерный выпуск бумажных денег отрицательно отражался на народном хозяйстве. В целях поддержания курса ассигнаций правительство ввело принудительное обращение их. Налоги и недоимки стали взиматься ассигнациями по 2 руб., а различные доходы (таможенные, лесные и др.) — по 3 руб. за 1 руб. серебром. Все платежи между частными лицами должны были осуществляться ассигнациями.

Крупный русский экономист Н. С. Мордвинов, назначенный председателем департамента государственной экономики, направил царю записку о последствиях обращения бумажных денег, где затрагивал вопрос о вреде, приносимом их обесценением. В качестве одного из средств, предназначенных для улучшения денежного обращения в России, он предлагал уменьшить количество ассигнаций. Разрабатывая программу экономического развития страны, Мордвинов уделял большое внимание накоплению и мобилизации отечественных капиталов.

В то время усиленно выдвигалась идея организации частных банков как важнейшего средства аккумуляции распыленных средств и развития промышленности. Н. С. Мордвинов предложил проект организации «трудопоощрительного банка», «банка погашения» и написал работу о пользе организации частных банков.

В поле зрения интересов Мордвинова находились все аспекты проблемы финансово-денежных и кредитных отношений тогдашней России. Частые дефициты бюджета, огромные расходы, недоимки налогоплательщиков, т. е. общее расстройство финансов России особенно волновало его. Он пишет Александру I специальное «мнение» «о причинах нынешнего расстройства финансов наших и о мерах, могущих способствовать к отсечению сих причин и к постепенному улучшению народного благосостояния и государственных доходов»¹. Но Мордвинов не выдвигает на первое место основной причины народного обеднения — наличия крепостного права.

¹ Мордвинов Н. С. Избранные произведения. М., 1945. С. 191.

Начиная с 1817 г. правительство приступило к изъятию из обращения некоторого количества ассигнаций, для чего использовались и внешние и внутренние займы, доходы с государственных имуществ и т. д. В дальнейшем образовался «простонародный лаж» на ассигнации. Дело в том, что закон требовал уплачивать налоги обязательно ассигнациями, и в тех местах, где их трудно было достать, за них приплачивали. Хроническая инфляция служила в известной степени интересам помещиков — и как экспортеров хлеба, и как должников ипотечных банков, поскольку помещики часто уплачивали долги падающим рублем. Денежная реформа 1839 г. заменила ассигнации так называемыми кредитными билетами.

Рост капиталистической промышленности, товарно-денежных отношений вообще требовал упорядочения денежного обращения. Усиленный вывоз хлеба помог России добиться перед реформой 1839 г. активного торгового и платежного баланса. Одновременно увеличивалась и добыча золота в стране. Все это создало некоторые предпосылки для проведения на протяжении 1839—1843 гг. денежной реформы по принципу девальвации. В значительной степени эта реформа основывалась на принципах, выдвинутых в работах Сперанского, предусматривавшего введение серебряного монометаллизма в России. Реформа признала серебряный рубль единственной монетной единицей.

Ассигнации обменивались по курсу 3 руб. 50 коп. за 1 руб. новых кредитных денег, обеспеченных золотом и серебром и размениваемых на звонкую монету. Размен продолжался до 1851 г. На 1 января 1844 г. было выпущено на 30 млн. руб. кредитных билетов, а разменный фонд составлял 36 млн. руб., или 118 %. В дальнейшем количество кредитных билетов, находящихся в обращении, начало возрастать, а доля металлического фонда стала снижаться, так что перед Крымской кампанией она составляла уже только 39,8 %, а в год крестьянской реформы — лишь 11,8 %. Одновременно с кредитными билетами в обращении находились и другие виды бумажно-денежных знаков (вкладные билеты казенных банков и т. д.).

Крымская война привела к огромному дефициту бюджета, покрываемому главным образом выпуском кредитных билетов. Металлический разменный фонд уменьшился. Интенсивный выпуск кредитных билетов

начал подрывать устойчивость валюты, достигнутую в результате проведенной денежной реформы. В 1854 г. появился лаж на серебро, а в 1858 г. был прекращен обмен кредитных билетов. Часть кредитных билетов (96,6 млн. руб.) удалось изъять из обращения, но все же курс кредитного рубля по отношению к золоту составлял в 1859 г. 83,5 коп.

К концу феодально-крепостнического периода в России в качестве бумажных денег обращалось кредитных билетов на 713 млн. руб., билетов государственного казначейства (серий) — на 168 млн., бессрочных вкладов бывших банков — на 178 млн. руб., а всего почти 1 млрд. руб. бумажных денег, т. е. сумма, в несколько раз превышающая государственные доходы бюджета. Денежное обращение носило явно инфляционный характер.

Перейдем теперь к рассмотрению форм развития кредита и связанного с ним ростовщичества.

Первой, наиболее старой и распространенной формой капитала было ростовщичество. Отделение скотоводства, а затем и ремесла от земледелия способствовало росту обмена. Из всех товаров выделялся особый товар — деньги. Вместе с денежной ссудой появляются процент и ростовщичество. Ростовщический кредит, возникнув в условиях первобытно-общинного строя, сыграл важную роль в разложении последнего, в превращении должников в рабов, в закабалении их и т. д.

Одновременно с ростом торговли и денежного обращения в Древней Руси развивались и кредитно-ростовщические операции. В «Русской Правде», где кредитные отношения закреплены определенными юридическими актами, свыше 20 статей посвящено кредиту; эти статьи регулируют кредитные сделки купцов, штрафы за неплату денег, размер месячных процентов и т. д.¹

Киевской Руси был широко известен ростовщический капитал. В ст. 50 «Русской Правды» указывается на то, что «куны» отдаются в «рост», в проценты (в «рез»). В «рост», займы отдавали не только деньги, но и различные продукты: хлеб, мед и др. Из документов несколько более позднего времени видно, что хлеб отдавался часто из расчета «на четыре пятое зерно»; встре-

¹ Впервые термин «займы» мы встречаем в наших летописях в 996 г., далее — в 1015 г. и т. д. (ПСРЛ. 1846. Т. I. С. 54, 56).

чаются и другие размеры: «...а давати мне в дом Николы Чудотворцу из прироста треть за семена» и т. д.¹

Ростовщичество в Древней Руси получило широкое распространение. Киевской Руси знаком не только ростовщический, но и коммерческий кредит: купцы продавали друг другу товар в кредит на определенных условиях. Ростовщичество выполняло функцию денег как средства платежа, и роль его все увеличивалась по мере роста товарно-денежных отношений.

По вопросу о размере процента в Древней Руси имеются различные точки зрения. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов считал, что в эпоху «Русской Правды» проценты разрешалось взимать чрезвычайно высокие; в противоположность этому мнению, профессор М. В. Довнар-Запольский утверждал, что «процент в Древней Руси был вовсе невелик»². В ст. 51 «Русской Правды» мы читаем: «Месячный рост при краткосрочном займе брать заимодавцу по уговору; если же долг не будет уплачен в течение целого года, то считать рост с него на два третий (50 %), а месячный рост отвергнуть»³. Таким образом, до XII в. русское древнее право ограничивало размер процента, вероятно, нормой 50 % годовых. На практике ростовщический процент, в особенности по натуральным ссудам, был намного больше.

В условиях значительного риска, которому подвергался ссужавший деньги ростовщик (другие предпочитали держать их в форме сокровища), в условиях господствовавшего натурального хозяйства и слабого развития товарного производства ростовщический кредит не мог быть дешевым. Чем менее развито товарное производство, тем дороже деньги, тем выше размер процента. Ростовщический гнет вызывал огромную ненависть населения, доходившую нередко до открытых восстаний. Ненависть к ростовщикам отражена в народных преданиях, например в сказании о посаднике Изиле, который будто бы провалился в землю за взимание большого «роста». В летописях мы находим указание о разграблении «кирянами» дворов ростовщиков. В свете этого понятна попытка Владимира

¹ Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 218.

² См.: Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства, Киев; Петербург, 1911. Т. I. С. 199.

³ Правда Русская. Т. II. С. 419.

Мономаха ограничить в 1113 г. действие «Устава о резах».

Ростовщичество может быть правильно понято лишь в связи с развитием феодально-крепостнических отношений. На протяжении всего периода феодализма оно играло большую роль в экономике. Ростовщик, как и купец, получил часть феодальной ренты.

Долговая зависимость крестьян на Руси способствовала закабалению свободного общинника, его превращению в зависимого феодального крестьянина — «закупа», «изгоя» и т. д. Обезземеленные крестьяне, получавшие в кредит у феодалов деньги, хлеб, соль, все больше попадали в кабалу. Конечно, ростовщичество нельзя рассматривать как главную причину возникновения феодально-крепостнических отношений, и оно не являлось основой феодализма. Долговую кабалу нельзя считать основным источником крепостной зависимости, хотя не следует и отрицать того, что она сыграла известную роль в закреплении крестьян.

Не только «Русская Правда», но и другие исторические памятники: «Псковская судная грамота», «Судебники» и т. д. — уделяли большое внимание докапиталистическому кредиту. Так, в «Псковской судной грамоте» сказано, что договор займа на сумму свыше рубля должен оформляться в письменном виде; там же содержится ряд постановлений об уплате процентов по займу и т. д.

В ряде работ дореволюционных историков развивалась идея о том, что в эпоху «Русской Правды» несостоятельный должник обращался в рабство. Позднейшие исследователи доказали неправильность этого тезиса и пришли к другому выводу¹.

В «Судебнике» 1497 г. читаем, что должник в случае неуплаты долга выдается «головой в продажу»², т. е. на продажу имущества должника, а не его самого. В «Судебнике» царя Ивана Васильевича (1550 г.) также было установлено: «А кто у кого, идучи в торговлю, взяв да пропьет или иным каким безумием тот товар погубит без

¹ См.: *Удинцев В.* История займа. Киев, 1908. С. 140—141; *Струмилин С. Г.* приходит к выводу об отсутствии долгового рабства в эпоху «Русской Правды», о беспочвенности «гипотезы о долговом рабстве» в тот период (*Струмилин С. Г.* Договор займа в древнерусском праве. М., 1929. С. 60, 69).

² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. СПб.; Киев, 1889. Вып. 11, С. 101.

напрасства, и того выдати истцу головою до искупа»¹.

Согласно Уложению 1649 г., несостоятельный должник подвергался «правежу» — битью «до тех мест, покамест с должники разделяются», причем должник мог находиться на «правеже» не больше месяца, после чего его имущество поступало истцу, а неимущих должников отдавали истцам на работу до искупа «опричь дворян и детей боярских», засчитывая им (мужчинам) год работы за 5 руб.² Неурожаи, войны, налоговый феодальный гнет заставляли крестьян и ремесленников брать на тяжелейших условиях ссуды и попадать затем в сети ростовщиков.

Вне феодально-крепостнических отношений кредитные отношения не могут быть правильно рассмотрены и поняты. Отношения займа, долга выражали возраставшую феодально-крепостническую зависимость крестьянина от землевладельца. Кредитная кабала, ростовщичество на отдельных этапах развития феодализма принимали различные формы. Своеобразной формой кредита в условиях раннего феодализма было «закупничество». «Закуп» — это зависимый от феодала человек. Зависимость устанавливалась договором и сопровождалась выдачей феодалом «закупу» денег, подлежащих возврату, если «закуп» пожелает уйти от своего хозяина.

Вопрос о «закупах» очень сложный, и нас здесь интересует лишь одна сторона — условия займа. Взятие в долг денег, хлеба и т. д. приводило к значительной потере самостоятельности, росту феодальной зависимости недавнего смерда, попавшего в экономическую нужду, к необходимости работать на феодала до возврата полученных «закупом» денег или хлеба.

В «Псковской судной грамоте» уделено большое внимание крестьянской задолженности, предусмотрены формы взыскания ее феодалом в случае ухода или побега крестьянина и т. д. Зависимость феодального крестьянина от ростовщиков принимает в конце XV и в XIX в. форму кабалы. Было несколько форм кабалы: докладная, ростовая, закладная, служилая. Закладная кабала — выдача ссуды под залог имущества. Юридически человек, выдавший кабалу, попадал в отличие от холопа во временную зависимость от феодала.

¹ Судебники XV—XVI веков. М., 1952. С. 173—174.

² См.: Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. М., 1913. С. 97—98.

Наиболее распространенной была служилая кабала. Сущность ее состояла в том, что человек, нуждавшийся в деньгах, получал их у ростовщика-феодала с обязательством отдать через год, а это время он должен был работать у ростовщика за «рост». Служилую кабалу мог дать на себя только свободный человек. «Судебник» 1550 г. установил предельную сумму, на которую могла быть выдана кабала,— 15 руб. Важно отметить, что одна статья «Судебника» направлена была на то, чтобы кредитные отношения не вели к закабалению должника.

Занявший деньги давал обязательство в случае их неуплаты кредитору «служити по вся дни во дворе»¹. Возвратить долг было очень трудно, и занявший деньги попадал обычно в тяжелейшую феодальную кабалу. В последующее время служилая кабала была использована феодалами как средство приобретения рабочей силы. В результате развития кабальной зависимости появились так называемые кабальные холопы, позднее приравненные к крепостным.

Характерно, что в голодные годы число кабальных холопов росло, а размер ссуды по кабале падал. Закабалились не только поодиночке, но и целыми семьями. Нужда, голод заставляли крестьян и посадских людей закладывать свою «личность». Среди лиц, которые закабалились, преобладали помещики-дворяне, боярские дети, церковники (от митрополита до дьячка), приказные и торговые люди.

По одной Новгородской земле с 1591 по 1609 г., по весьма неполным данным, насчитывается свыше 2566 кабал; в них записано 4473 холопа. Все они были закабалены всего лишь за 7384 руб., т. е. в среднем по 1 руб. 65 коп. за человека.

Отпущенные холопы, бывшие бобыли, разорившиеся крестьяне, разночинцы, непашенные люди и т. д.— вот категории, поступающие в кабальное холопство. По мере развития феодально-крепостнического хозяйства положение этих людей ухудшалось. Раньше с уплатой долга прекращалось обязательство за «рост служити», но с конца XVI в. по мере закрепощения феодального крестьянства должник даже после уплаты долга обязан был служить кредитору за проценты до смерти господи-

¹ Новгородские кабальные книги 1599—1600 года. СПб., 1894. С. 15.

на, и лишь после смерти его получал свободу. Кабалы перезакладывались и переуступались¹.

От служилой кабалы следует отличать крестьянскую ссудную запись. Хотя деревенская служилая кабала и имеет много общего с крестьянской ссудной порядной записью, они различаются тем, что новопорядчик-крестьянин либо непосредственно после порядка, либо по истечении льготных лет включался в крестьянское тягло, а работник по служилой кабале тягла не тянул².

Крестьянское и посадское население вынуждено было по мере роста товарно-денежных отношений все более обращаться к ссуде, к займу денег (серебра), т. е. к ростовщикам. О степени роста денежных долгов крестьян уже в первой половине XVI в. дает представление хотя бы «долговая книга» Волоколамского монастыря. В ней можно найти не только сумму долга и фамилию должника, но и сведения о составе его семьи, члены которой вместе с должником отвечали за взятые в долг деньги; кроме того, в ней в некоторых случаях указана причина долга (пожары, покупка скота и т. д.). Ростовщики эксплуатировали не только крестьянское, но и посадское, ремесленное население. В их сети попадали нередко даже феодалы, большей частью мелкие и средние, а также разорившиеся.

В роли кредиторов выступали до организации государственных кредитных учреждений церковь, монастыри, землевладельцы, купцы. Свообразными формами кредита феодально-крепостного хозяйства были «ростовое» и «издельное» серебро. Церковь с принятием христианства стала получать часть княжеских доходов, сделавшись крупнейшим феодальным земельным собственником. Кроме того, в ее пользу шли пошлины от церковного суда по делам веры, от браков, завещаний и другие доходы. Огромные суммы монастырей составляли также вклады различных лиц. Церковь, монастыри и духовные власти были богатейшими феодалами. Поэтому не только на Руси, но и в Западной Европе церковь широко занималась ростовщичеством, хотя отдельные представители духовенства и высказывались против «роста», а на соборе во Флоренции в 1311 г. защита процентов была даже объявлена еретичеством.

¹ См.: Акты юридические. СПб, 1838. С. 263; Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. С. 80.

² См.: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1954. Кн. 2. С. 132.

Новгородский епископ Лука в середине XI в. наставлял мирян: «Судите по правде, мзды не емлите, в лихву не дайте»¹. Представители русской церкви изображали мытарства, которые будет испытывать после смерти душа человека, повинного в «резоимании» и «мздоимстве»². Церковь на Руси, следовательно, советовала лишь воздерживаться от «резоимства» как тяжкого греха, но не запрещала ростовщичества, поскольку это ей было выгодно.

Отдельные русские церковники в многочисленных выступлениях обличали «резоимство», ростовщичество. Митрополит Петр писал: «А который игумен или поп, или чернец торговал прежде сего или серебро давал в резы, а того бы от сех мест не было, занеже вам казненным быти за то от бога... и аз не благославию»³.

Несмотря на осуждение церкви и на попытки регулировать размер процента государственной властью, ростовщичество на Руси процветало. Барон С. Герберштейн, посетивший Москву в XVI в., по-видимому, был прав, когда писал, что «отдача денег на проценты во всеобщем употреблении, хотя они (московиты.— П. Х.) говорят, что это большой грех, однако почти никто не отказывается от процентов»⁴. Герберштейн называл 20 % роста годовых, другой путешественник, А. Олеарий,— около 30 %. Иногда при кабальных займах брали даже до 100 % и более годовых. Любопытно, например, что законами Георгия V (1318—1346) в Грузии было запрещено брать за кредит свыше 20 %.

Борьба внутри русской церкви в конце XV — начале XVI в. между «нестяжателями» и «иосифлянами» по вопросу о крупном монастырском землевладении касалась также и ростовщичества. Представители «нестяжателей» обвиняли духовенство в том, что оно отдает церковные деньги в рост бедным и богатым, налагает «проценты на проценты», что монастыри дают деньги в рост. Иван Грозный спрашивал Стоглавый собор в 1551 г.: «...угодно ли се Богови и что писание о сем глаголет? Божественное писание и миряном резоимство

¹ Цит. по кн.: *Келтуяла В. А.* Курс истории русской литературы. СПб., 1913. Ч. I. С. 571.

² *Владимиров П. В.* Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев, 1901. С. 163.

³ Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Т. II. Вып. IV. С. 187.

⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1898. С. 93.

возбраняет, нежели церквам Божиим денги в росты давати, а хлеб в наспы (т. е. с обязательством возвратить с излишком.— П. Х.). Где то писано во святых провилех?»¹ Собор постановил: «И того ради отныне по священным правилам святителем и всем монастырем денги давати по своим селам своим хрестьяном без росту и хлеб без наспу того, для чтобы за ними хрестьяне жили и села их были не пусты»². Однако несмотря на эти постановления, ростовщичество процветало.

Наиболее крупными ростовщиками феодально-крепостнической Руси были монастыри, являвшиеся в тот период своеобразными банками, ссужавшими и князей и вотчинников деньгами под большой процент. Монастыри и церковь выступали также как кредиторы крестьян, купцов, а иногда даже правительства. Так, князь Гундоров был должен Спасо-Евфимьеву монастырю 74 руб., 8 лошадей, 4 доспеха; вотчинник Хабаров — 150 руб., 200 четвертей ржи, несколько лошадей, шубу соболью и т. д. Верейский князь Михаил, как видно из духовного завещания, был должен 267 руб., в том числе часть Кирилловскому монастырю³. Князь Волоцкий задолжал несколько сотен рублей, в том числе часть Волоколамскому монастырю.

И в XVII в. монастыри занимались ростовщичеством. Так, Тихвинский монастырь давал в кредит часть денег торговым людям по заемным кабалам. Займы землевладельцам выдавались под обеспечение земель и крестьянами, жившими на ней.

Князь Ухтомский занял в 1563—1564 гг. у Кирилловского монастыря 290 руб. под залог села и нескольких деревень. За рост монастырским властям было предоставлено право «село и деревни пахать, крестьянами владеть и всякие оброки и доходы хлебные и денежные с них брать»⁴. «А полягут деньги по сроце, ино то село... князю Дмитрею да князю Данилу за рост пахать и крестьяны владить»⁵. Из документов того времени мы видим, что в случае несостоятельности должника вотчина переходила в собственность монасты-

¹ Стоглав. СПб., 1863. С. 61.

² Там же. С. 344—345.

³ См.: СГГид. Ч. I. № 122. С. 303.

⁴ *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 156.

⁵ Акты юридические. СПб., 1838. С. 265.

ря или другого ростовщика, который сам становился землевладельцем.

Выдача денежных ссуд знатым расточителям, преимущественно землевладельцам, представляет одну из форм ростовщического кредита феодальной России. Монастыри, церковь, купцы и богатые землевладельцы ссужали не только деньгами, но и хлебом и другими товарами. Однако за долги знатных расточителей приходилось расплачиваться феодальным крестьянам и зависимому посадскому населению.

Сын Дмитрия Донского Юрий брал деньги у гостей и суконников; уплата этих денег считалась одним из важных условий договора его с Василием Темным. Один из братьев Ивана III был должен перед смертью около 31 тыс. руб., в том числе 30 тыс. руб. заняты были на уплату дани Золотой Орде.

Правительство также брало деньги взаймы, например у Строгановых, причем не только под обеспечение: известны многочисленные случаи и принудительных займов. Как мы уже указывали, основными кредиторами на Руси были монастыри и купцы. Землевладельцы-феодалы, выступая главным образом в лице заемщиков, в то же время бывали, хотя реже, заимодавцами. Из духовной грамоты князя Кривоборского (1513 г.) видно, что он имел множество должников, в том числе князей Долгоруких, Оболенских и Коладоновских.

В некоторые периоды задолженность вотчинников и служилых людей достигала таких размеров, что правительство вынуждено было вмешиваться с целью ее уменьшить. Так, в 1557 г. оно освободило заемщиков от уплаты процентов в течение пяти лет, установило в дальнейшем максимальный процент в 10 вместо 20, т. е. уменьшило процент и «наспы» вдвое и рассрочило возвращение полученных ссуд на пять лет. Указом 1558 г. правительство распространило эти условия и на займы, полученные под обеспечение земель, вотчиной. Перечисленные меры касались как служилых, так и несслужилых людей.

Указы о снижении размера процентов, нарушавшие интересы кредиторов, свидетельствуют, что задолженность помещиков и вотчинников приняла угрожающие размеры. Уложение 1649 г. запретило брать проценты по займам; запрет оставался формально в силе до 1754 г. Но фактически он не соблюдался, и проценты взимались по-старому. Экономическую потребность не-

лзя было надолго отменить простым юридическим решением.

Примерно с XVII в. начался новый период русской истории, характеризующийся фактическим слиянием областей, земель и княжеств. Рост товарно-денежных отношений в стране создавал большие предпосылки для продажи товаров в кредит, значение коммерческого кредита возрастало. По мере подъема товарного производства кредитная система развивалась как реакция против ростовщичества.

Кредитная система возникает и развивается параллельно с мануфактурой. Идея создания банков была вызвана потребностями экономической жизни страны. Русская общественно-экономическая мысль, отражавшая процессы, происходившие в стране, ставила вопрос об открытии своеобразных кредитных учреждений. В Новоторговом уставе (1667 г.) Ордын-Нащокин выдвигал план использования земских изб как кредитных учреждений.

Несколько позднее в связи с прогрессом мануфактурного производства и торговли русские экономисты И. Т. Посошков, Ф. С. Салтыков и историк В. Н. Татищев вновь поднимали вопрос об организации кредита. Открытие своеобразных купеческих банков было лишь одним из звеньев в цепи предложений Посошкова, направленных на создание условий купечеству, которым «всякое царство богатитца»¹.

Крепостнический строй накладывал печать на возникшие в стране кредитные отношения. Еще до организации специальных кредитных государственных учреждений в XVIII в. правительство Петра I в довольно значительных размерах ссужало деньгами промышленников и купцов. Государственные ссуды с «возвращением» отпускались главным образом на строительство мануфактур, а Мануфактур-коллегия выполняла «функции своеобразного промышленного банка, или ссудной кассы, по финансированию промышленности в XVIII веке»². Значительная часть петровских мануфактур была создана частными лицами, пользовавшимися в большой степени государственными средствами.

Денежные и натуральные ссуды выдавались вла-

¹ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. С. 17.

² Бабурин Дм. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939. С. 211.

дельцам мануфактур и раньше. Государственный кредит играл в феодальном хозяйстве страны важнейшую роль — это одна из основных особенностей его организации в России в отличие от западноевропейских государств, где главное значение в кредитовании имели частные капиталы. В Англии, например, государство получало кредит от банков.

Во второй половине XVIII в. Россия начала прибегать к внешним займам, которые впоследствии стали играть значительную роль в покрытии бюджетных дефицитов. Попытки русского правительства получить деньги заимобразно за границей — в Голландии, Англии, Персии — предпринимались еще в начале XVII столетия. Но они не всегда были успешны, как, например, желание получить заем во время Семилетней войны¹.

Первый заем сроком на 10 лет в размере 7,5 млн. гульденов был получен (исходя из 5 % годовых) в Голландии. Царское правительство было вынуждено дать специальные гарантии.

Характерно, что правительство Петра I не прибегало к иностранным займам, хотя и испытывало огромную потребность в деньгах. Государственный долг также не был таким, как во второй половине XVIII в.

Вначале Россия получала внешние займы у Голландии, затем (в конце первой половины XIX в.) преимущественно у Англии. Позднее же, когда политические интересы России и Англии столкнулись на Ближнем Востоке, английский рынок капиталов был для России закрыт.

Таким образом, рост товарно-денежных отношений, необходимость борьбы с ростовщичеством требовали создания в стране кредитных учреждений. В Указе 1733 г. «О правилах займа денег из Монетной конторы» необходимость организации государственного кредита мотивировалась в основном тем, что «безсовестные грабители», т. е. ростовщики, берут чрезвычайно высокий процент: по 12, 15 и 20 %.

Ссуды из Монетной конторы отдавались из 8 % годовых, причем в указе оговаривалось, что «алмазных

¹ В 1617 г. из Персии было получено 7 тыс. руб. «Англичане прислали деньги тогда, когда в них не было надобности, вследствие чего правительство отказалось от них» (*Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 10*).

и прочих вещей, также деревень и дворов под заклад и на выкуп не брать». Однако объем кредитной деятельности Монетной конторы был невелик, поэтому она не оказала большого влияния на торгово-промышленное развитие страны; к тому же ссудами пользовалась главным образом (нередко вопреки уставу) придворная верхушка. Свои ссудные операции Монетная контора через несколько лет прекратила.

В отдельных случаях ростовщический процент достигал в начале XVIII в. колоссальных размеров. Например, купец Волков, кредитовавший чувашских выборных Чебоксарского уезда в 500 руб., получил от них обязательство уплатить через полгода 920 руб. Выдачей денежных ссуд занимались и некоторые государственные учреждения: Адмиралтейская коллегия, Канцелярия главной артиллерии и фортификации и др. Несмотря на это, ростовщичество продолжало процветать.

В 1754 г. был издан указ об учреждении Государственного заемного банка; о порядке выдачи из него денег и о наказании ростовщиков, где говорилось о запрещении под угрозой конфискации имущества взимать при денежных ссудах более 6 % в год¹. Было учреждено два банка: дворянский банк из денег, собираемых с вина, в 750 тыс. руб., и купеческий — из «капитальных» денег, находящихся в монетных дворах, в 500 тыс. руб.

Услугами дворянского банка могло пользоваться русское дворянство и те дворяне-иностранцы, которые обязались быть в вечном подданстве России и владели в стране недвижимым имуществом; позднее право получать ссуды в этом банке было предоставлено также остзейскому, белорусскому и украинскому дворянству. Дворянский банк с конторами в Москве и Петербурге выдавал ссуды из расчета 6 % годовых под залог золота, серебра, алмазов, жемчуга, сел и деревень с крестьянами и угодьями. При этом дворяне нередко решались на подлоги, пытались, в частности, получать ссуды под уже проданные и заложенные имения.

Вначале на ревизскую душу дворянский банк выда-

¹ См.: ПСЗ. Т. XIV, № 10235. С. 87. Интересно, что А. Н. Радищев, в противоположность дворянской характеристике, ставил ростовщиков на одну доску с помещиками: «Если не бесчестно получать прибыль от своего имения, то для чего же уничтожать и бесчестным в законе делать тех, которые получают прибыль от имения своего, в деньгах состоящего» (*Радищев А. Н. Материалы и исследования*. М.; Л., 1936. С. 130—131).

вал 10 руб., с 1766 г.— 20 руб., а позднее еще больше. Потом ссуды можно было получить также под заклад каменных строений. Общая ссуда одному лицу выдавалась банком в размере от 500 до 10 тыс. руб.

Деятельность банка проходила в сложных условиях: взятые капиталы помещики часто не возвращали, земщики порой не платили и процентов, встречались злоупотребления. В результате Дворянский банк попал в трудное положение, правительство было вынуждено выдать ему в виде помощи 300 тыс. руб. В 1786 г. обе конторы банка были ликвидированы, а их капиталы переданы вновь созданному Государственному заемному банку.

Купеческий банк был организован при Коммерц-коллегии и вначале выдавал денежные ссуды под залог товаров сроком от одного до шести месяцев. Однако этот срок был очень мал, поэтому купцы часто не решались брать ссуды. Позднее он увеличился до года, а в некоторых случаях и больше. Через десять лет было разрешено выдавать ссуды купцам под поручительство ратуш и магистратов без залога товаров.

У Купеческого банка были свои трудности: малый размер капитала, затруднительные условия получения кредита, ограниченность сферы действия только купцами Петербургского порта и т. д. Все это объясняет ограниченность его влияния на торговую деятельность. В 1770 г. Купеческий банк прекратил выдачу ссуд, и его капиталы были переданы в 1782 г. Дворянскому банку, а по ликвидации последнего, в 1786 г.— Государственному банку.

Наряду с дворянским и купеческим банками в 1758 г. были созданы так называемые Медный банк и две банковые конторы для обращения внутри России медных денег, а также долговые конторы вексельного производства. Организация Медного банка преследовала прежде всего цель улучшить денежное обращение: облегчить движение медной монеты в стране (перевозка тяжелой медной монеты тормозила рост торговли) и привлечь в казну серебряную монету. Конторы выдавали ссуды купцам, промышленникам и помещикам, осуществляли перевод векселей от лиц, которые сдавали на хранение медную монету. Ссуды под переводные векселя выдавались медной монетой, а возвращаться должны были серебром. Однако капитал банка использовался в значительной степени непроизводительно. Екатерина

II писала об этом банке: «Щедрость Сената тогда доходила до того, что медного банка трехмиллионный капитал почти весь роздан заводчикам, кои, умножая заводских крестьян работы, платили им либо беспорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятые из казны деньги в столице»¹. В результате малоуспешной деятельности банк был в 1763 г. ликвидирован.

В 1760 г. был создан Банк артиллерийского и инженерного корпусов. Капитал его состоял из медных монет, начеканенных из старых медных пушек.

Ассигнационный банк по выпуску бумажных денег был организован лишь в 1769 г., хотя указ о нем издали в 1762 г. Выпуск бумажных денег мотивировался главным образом неудобствами обращения и перевозки медной монеты, однако не менее важной целью было желание пополнить государственную казну, весьма опустевшую в результате войн. Выпуск ассигнаций рассматривался как внутренний кредит, внутренний заем. Для обмена ассигнаций открылись конторы банка в крупных городах России: Ярославле, Смоленске, Астрахани, Нижнем Новгороде, Тобольске, Иркутске, Пскове, Киеве, Курске, Харькове, Твери, Туле и др.

Помимо выпуска бумажных денег Ассигнационный банк в дальнейшем выполнял и некоторые другие функции: принимал вклады от частных лиц и отдавал их в ссуды, чеканил монету, учитывал векселя, для чего при нем были созданы «учетные конторы по векселям». Для облегчения кредитных операций в провинциях были организованы учреждения мелкого кредита, ссудные и сохранные казны (1772 г.) и приказы общественного призрения (1775 г.).

В 1786 г. в интересах дворянства был организован Государственный заемный банк, перед которым ставилась задача способствовать тому, чтобы всякий дворянин-хозяин был в состоянии удержать свои земли, улучшить их и оставить навсегда непоколебимый доход своему дому. Кроме того, банк должен был кредитовать внутреннюю торговлю, промыслы, торговлю с Китаем, Персией и другими странами.

Несмотря на организацию банков, «вредная лихва», «лихоимство» процветали. В манифесте «Об учреждении Государственного заемного банка» (1786 г.) было установлено, чтобы ни казна, ни кто-либо из частных

¹ Русский архив. М., 1865. С. 477.

лиц во всем государстве не взимали больше 5 %. Запрещалась «лихва», если же кто будет брать «рост» больше установленного, то корыстолюбец накажется лишением всего капитала, отданного в заем.

Капитал банка равнялся нескольким десяткам миллионов рублей, в частности, ему было выдано из Ассигнационного банка 22 млн. руб. для ссуд дворянству и 11 млн. — для ссуд городам. Кроме того, он получил капитал ликвидированного Дворянского банка. Государственный заемный банк давал ссуды под помещичьи имения, выдавая на каждую душу мужского пола (по данным последней ревизии) уже по 40 руб., а также отпускал кредит под каменные заводы и фабрики и под каменные дома в размере $\frac{3}{4}$ их цены.

В феодальной России потребность в рабочей силе была особенно острой, поэтому землевладельцы при продаже или завещании поместий, при получении денег под заклад имений и т. д. часто на первое место выдвигали число «душ» в имении, а не количество земли. Ссуды выдавались дворянству на 20 лет с ежегодной уплатой 5 % и 3 % в уплату капитального долга, а городам — на 22 года, соответственно с уплатой 4 и 3 %. Банк принимал вклады с уплатой по ним 4,5 % годовых.

Организованный для дворянства в 1797 г. Вспомогательный банк был присоединен в 1802 г. к заемному. В 1811 г. был организован банк Великого Княжества Финляндского.

В интересах дворянства срок ссуд неоднократно изменялся, размер ссуды на заложенную крестьянскую «душу» также повышался, а процент, взимаемый по кредиту, снижался.

Значительная часть дворянства использовала кредит для приобретения предметов роскоши, для расточительства, оно проматывало не только феодальную ренту, получаемую с крестьян, но и значительную долю государственных доходов путем получения кредитных ссуд в банках. Не случайно Н. Г. Чернышевский говорил о том, что ссуды часто давались только на мотовство помещиков¹.

Непроизводительное, паразитическое использование денежных ссуд, получаемых из банка, резко увеличивало задолженность помещиков; число заложенных и про-

¹ См.: Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. Т. II. С. 530.

данных дворянских имений росло. В 1840 г. должно было быть продано около 1500 имений. В 1843 г. в Государственном заемном банке и сохранных казнах было заложено 5576 тыс. душ мужского пола, а в 1852 г.— 5844 тыс. На заложенную ревизскую душу падало долгу по 69 руб. Общая задолженность помещиков банкам равнялась к 1856 г. 427 млн. руб.¹ Вместе с тем отдельные помещики сами производили ростовщические операции: в 1848 г. в Киевской губернии помещики брали деньги в кредит 210 раз и в то же время ссужали деньгами 103 раза.

Рост кредитных учреждений для торговли и промышленности отражал рост товарного производства и капиталистических отношений в России. По мере развития мануфактур, а позднее фабрик создавалась и кредитная система как обособившаяся форма промышленного капитала. Конечно, дворянские интересы в это время стояли на первом месте и в кредитной политике царского правительства, однако росло значение банковского кредита в развитии торговли и промышленности.

Растущая промышленно-торговая буржуазия в XVIII в. и первой половине XIX в. широко пользовалась коммерческим кредитом, а также в известной степени и кредитом ростовщиков, банкиров и т. д., хотя и банковский кредит играл значительную роль. В 1797 г. были созданы учетные конторы и страховая контора при Государственном ассигнационном банке «к вспомоществованию ремесел и торговли преимущественно Российским купцам, заводчикам и фабрикантам, имеющим в деньгах нужду, на срочное время для полезных и оборотов»². Ссуды из учетных контор выдавались под экспортные товары на срок в 6 — 9 месяцев. Кроме того, эти конторы, открытые в ряде городов, учитывали векселя.

В 1817 г. в связи с ростом числа кредитных учреждений и расширением их деятельности был создан Совет государственных кредитных установлений. В этом же году вместо учетных контор был образован при Ассигнационном банке Государственный коммерческий банк с отделениями во многих крупных городах России:

¹ См.: Банковские долги и положение губерний в 1856 году. СПб., 1860. С. 12.

² ПСЗ. Т. XXIV. № 18275. С. 833.

Нижнем Новгороде, Одессе, Киеве, Харькове и др. На этот банк возлагались операции по приему вкладов на хранение, для трансфера, вкладов из процентов (банк платил по вкладам вначале 5 %, затем 4 %), по выдаче ссуд под залог товаров и учету векселей. Банк кредитовал торговлю и частично промышленность (в особенности его екатеринбургская контора). Промышленность кредитовала и другие кредитные учреждения: фонд «для усиления выделки солдатских сукон», «мануфактурный капитал» и т. д.

Анализ операций показывает большое несоответствие между активными и пассивными операциями как коммерческого, так и заемного банков. Банки имели большие вклады, поскольку свободные денежные ресурсы направлялись в государственные банки, которые платили по сравнению с банками западноевропейских государств более высокий процент. Но спрос на ссудный капитал, помещенный в банках, был ввиду господства натурального хозяйства все еще относительно слабый. Ссуды под учет векселей и под товары составляли незначительную часть капиталов банка. Деятельность банков в этот период полностью отражала господство феодально-крепостнической экономики в России. Основную часть активных операций составляли ссуды под залог дворянских имений и передача средств в ссуду государственному казначейству.

Во второй половине 50-х годов после окончания Крымской войны частные вклады в государственные кредитные учреждения резко увеличились: общая сумма их достигала в середине 1857 г. 1276 млн. руб. В условиях, когда учет векселей и ссуды под товары составляли небольшую часть активных операций банков, банки вынуждены были значительную часть вкладов оставлять без употребления, часть обращать в долгосрочные ссуды, а часть передавать в долг правительству. Банки, естественно, терпели убытки, удерживая в кассах без употребления большие суммы. В результате этого в 1857 г. процент по частным вкладам уменьшился с 4 до 3, а по казенным — до 1,5, в 1859 г. произошло новое снижение.

Понижение процента по вкладам совпало с лихорадочной организацией акционерных обществ в России, вследствие чего многие вклады стали из банков быстро изыматься и направляться на покупку акций, что ставило кредитные учреждения в очень затруднительное

положение. Н. Г. Чернышевский в статье «Кредитные дела» обращал внимание на нерасторопность кредитных учреждений, не могущих с выгодой использовать имеющиеся в банках деньги, указывая, что эти капиталы могли быть обращены на выкуп крестьянских угодий.

После ряда паллиативных мероприятий, т. е. мероприятий, не обеспечивших полного решения поставленных задач, царское правительство, предвидя неизбежность крестьянской реформы, вынуждено было встать на путь изменения всей системы государственных кредитных учреждений. Заемный Государственный коммерческий банк был ликвидирован с передачей всех дел Государственному банку (1860 г.).

Коммерческий кредит в форме векселей существовал уже в XVIII в. Векселя как показатель развития кредитных отношений применялись еще в XVII в.

В связи с ростом денежного обращения и торговли потребовалась выработка правовых норм вексельного обращения. В 1729 г. был создан Вексельный устав, предусматривавший неустойку в размере 8 % с момента протеста векселя и дополнительные 1,5 %, если в продолжение месяца после протеста вексель не будет оплачен. В 1740 г. создается так называемый банкротский устав, в соответствии с которым имущество банкрота продавалось «с конкурса». Вырученные деньги шли в уплату долгов; вначале государству, потом иностранным кредиторам. При недостатке суммы, полученной от продажи имущества, на покрытие долгов банкрот отдавался «на заработки» или в солдаты.

Векселя применялись в торговой и промышленной деятельности; в частности, широко кредитовали промышленников купцы.

Господствовавшая в стране феодально-крепостническая система тормозила рост товарного производства и кредитных отношений. Так, Вексельный устав 1729 г. предусматривал, что векселя могли брать только купцы и в ограниченных случаях — разночинцы. В конце первой половины XVIII в. ряд указов запрещал дворянам и крестьянам всех категорий производить операции с векселями под предлогом, что крестьяне попадают в сети ростовщиков. Правда, дворянство обходило это запрещение, в частности, тем, что вело вексельные операции нередко под именем купцов. Векселя играли значительную роль в хозяйстве Демидовых. За железо, привезенное в Тверь, уплачивались деньги по

векселям, присланным из московской конторы. Демидовская контора была должна в 1793 г. по векселям В. В. Энгельгардту 41 500 руб.

Кредитные операции выполняли государственные учреждения на местах, например губернская или уездная канцелярия, Главное управление горных заводов, Монетная экспедиция и др.

Таким образом, наряду с банковским кредитом по мере роста товарного производства и позднее капиталистических отношений в XVIII в. и еще более в первой половине XIX в. развивался коммерческий кредит в форме векселей. Вместе с тем кредитная система дореформенной России отражала крепостническую экономическую страны с преобладанием в ней натурального хозяйства (несмотря на наличие растущего товарного производства и капиталистических отношений), о чем свидетельствовало широкое распространение докапиталистических форм кредита.

В 1823 г. в России насчитывалось 2287 так называемых менял. Частный кредит был представлен банкирскими домами Штиглица, Юнкера, Симона, Якоби, Гинзбурга, Кенгера (представителя Ротшильдов) и др. В 1857 г. было 15 частных банков в Вологде, Осташкове, Иркутске и т. д. Купец Анфилатов, желая организовать банк для кредитования купцов, мотивировал это тем, что частный кредит очень дорог — до 12 % годовых. В 1815 г. московские купцы безуспешно пытались организовать купеческий вспомогательный банк. Существовал мелкий ломбардный кредит, а в первой половине XIX в. в России возникли сберегательные кассы для приема мелких вкладов.

Несмотря на наличие нескольких городских частных и общественных банков коммерческого кредита, в России в это время все еще было распространено ростовщичество. В Одессе в начале XIX в. до учреждения банка, как сообщает «Дух журналов», процент у ростовщиков равнялся 36, с учреждением банка он понизился до 12.

В первой половине XIX в. в условиях господства крепостнического способа производства частный коммерческий кредит, конечно, не получил еще такого распространения, как в пореформенное время. И дело заключалось не только в кредитной политике министра финансов Канкрин, всячески тормозившего организацию частных кредитных учреждений, но и в отсутствии объективных условий. Лишь в конце 50-х годов нача-

лось интенсивное промышленное учредительство. Особенно быстро стал развиваться кредит после крестьянской реформы.

В 50-х годах число проектов по организации частных коммерческих банков все увеличивалось, но правительство относилось к этому вопросу сдержанно, видя в будущих коммерческих банках конкурентов государственным. Тем не менее потребности экономического развития общества с объективной неизбежностью вызвали организацию частных акционерных банков. По мере развития мануфактур и фабрик прогрессировала и капиталистическая кредитная система в России.

Накануне крестьянской реформы в 1860 г. был создан Государственный банк. Первый Акционерный коммерческий банк был открыт уже после крестьянской реформы. Организация государственных банков для обслуживания в первую очередь землевладельцев-дворян, а также (в меньшей мере) растущей промышленно-торговой буржуазии, возросшее значение коммерческого и наличие ростовщического кредита — характерные черты кредитной системы феодально-крепостнической России XVIII и первой половины XIX в., отражавшие противоречия ее экономики.

Возникновение государства у восточных славян, как и у других народов, обусловило взимание налогов с населения, которые были совершенно неизвестны родовому обществу. Развитие феодальных отношений, феодальной формы эксплуатации в Киевском государстве расширяло систему налогов, сборов, повинностей и т. д. Древнейшей формой эксплуатации населения, встречавшейся еще в дофеодальный период, была дань, представлявшая собой нередко своеобразную контрибуцию с покоренных племен. Образование государства у восточных славян обусловило превращение дани в постоянную, правда весьма примитивную, государственную подать, слившуюся по мере развития феодализма с феодальной рентой в том случае, когда дань уплачивалась землевладельцу-феодалу.

В период раннего феодализма помимо дани, платежей центральной великокняжеской власти, существовали и другие феодальные повинности, в частности оброки. В исторических памятниках термины «оброк» и «дань» употребляются и как тождественные понятия: «дани и оброки не имати», «денег-де собрано данных и оброчных», «ни оброков, ни дани не платят» и т. д.

Дань как одна из форм эксплуатации населения упоминается в исторических памятниках на протяжении почти всего феодального периода. «Повесть временных лет» сообщает, что, как правило, третью часть дани брал князь, а остальные две трети шли Киеву¹. По мере развития феодализма и экспроприации земельной собственности у свободных землевладельцев дань часто сливалась с феодальной рентой; одновременно под термином «дань» понимался налог или совокупность налогов, которые феодально зависимое население платило верховной власти — в княжескую и позднее в государственную казну.

Согласно летописи, дань бралась с плуга, «дыма» и в некоторых случаях с человека, иногда с «дворища» (объединение нескольких «дымов»). Тот факт, что дань уплачивалась преимущественно от «рала», земледельческого орудия, плуга, а также с «дыма», свидетельствует, что главным занятием восточных славян в то время было сельское хозяйство.

В Древней Руси наблюдались в элементарном виде формы обложения населения, получившие широкое развитие в позднейшее время. Иногда князья получали дань «по беле», «по куне», «по щелягу». Размер ее был неодинаков. Так, Новгород платил «гривен 300 на лето», радимичи — столько, сколько они платили хазарам, а северяне — меньше. Дань взималась в натуре и в деньгах.

Новгород платил киевскому князю дань до 1015 г., а затем прекратил ее уплату, что явилось первым признаком начавшегося отделения Новгорода от Киевской Руси. Киевская Русь знает кроме дани и другие повинности: радимичи, например, «платят дань и повоз везут». Население уплачивало «виры», «продажи», «выводную куницу» и т. д.; оно облагалось в некоторых случаях и чрезвычайно экстренными сборами. По политическим мотивам для части плательщиков размер дани иногда снижался.

Дань в период Киевской Руси, хотя и сливалась в некоторых случаях с феодальной рентой, продолжала быть примитивной формой налогообложения населения центральной, великокняжеской властью, а оброки уже в тот период были формой феодальной ренты. Если в XI в. дань взималась в ряде случаев деньгами, то феодалам

¹ См.: Повесть временных лет. М., 1950. Ч. I. С. 241.

уплачивалась примитивная отработочная рента, частично продуктовая. Князья как собственники земли получали от своей земельной собственности феодальную ренту. Вместе с тем в княжескую казну поступали кроме дани и другие сборы с населения: «тамга», «новоженная куница», «корм» данный и таможенный, «волостелин корм» и т. д.

В период феодальной раздробленности князья получали доходы в виде различных «мытов», а также судебных пошлин: «пересуд», «татин» рубль, «вина», «количное», «безадщина» и упоминавшиеся нами ранее многочисленные торговые пошлины.

В эпоху монголо-татарского владычества дань, или «ордынский выход», уплачивали феодальные княжества, на которые распалось Киевское государство. Эта дань ложилась тяжелым бременем на податное русское население, обремененное к тому же различными феодальными повинностями. В 1257 г. «приде весть из Руси зла, яко хотя Татарове тамгы и десятины»¹. Огромной данью облагали монголы и другие покоренные народы Закавказья, Средней Азии и т. д. Так, проведя перепись населения в Грузии, монголы обложили его сельскохозяйственным налогом в пользу хана, торговым налогом и специальным налогом в пользу местных монгольских должностных лиц.

На Руси татары провели несколько поголовных переписей населения, поставив над ним надзирателей, наместников хана, с военными отрядами. Вначале татары брали с населения десятину, а затем ввели поголовную дань (от которой освобождалось духовенство). Первое время они сами собирали дань, а потом отдали сбор ее откупщикам-баскакам — хивинцам, хазарам, евреям. Сбор дани сопровождался невероятными жестокостями, несостоятельных плательщиков уводили в рабство.

Дань собиралась преимущественно мехами и деньгами. Например, ханы Куюк и Батый требовали, чтобы каждый человек мужского пола, какого бы возраста он ни был, отдавал в качестве дани медвежью, бобровую, соболю, хорьковую и лисью шкуры.

Русский народ обязан был не только платить татарской орде дань, но и выполнять другие сборы и пошлины,

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 82.

другие обременительные повинности: «почестье» (сбор корма для ханских чиновников), «ям» (обязанность населения поставлять лошадей) и т. д. Всю тяжесть различных татарских податей и повинностей господствующий класс перекладывал на трудовое население — крестьян и ремесленников. Как писал летописец, «творяху бо бояре легко, а меньшим злое»¹. Непосильная дань была причиной выступлений крестьянства и городских низов против монгольского владычества: восстания в Новгороде в 1259 г., в Суздале, Ростове, Ярославле в 1262 г. Именно в результате этого сопротивления в конце XIII и начале XIV в. исчезли татарские сборщики податей, и русские князья сами стали собирать дань для отправки ее в Орду.

Феодальные князья соперничали друг с другом в получении «ярлыка», т. е. права доставлять в Орду дань; тот из князей, который обязывался давать в Орду большую сумму дани, получал «выход». Каждый князь в своем княжестве самостоятельно собирал дань и отдавал часть ее в казну великому князю, часть шла Золотой Орде.

Из договорных грамот князей видно, каким образом происходил сбор дани, каков был порядок посылки данщиков и т. п. В договорной грамоте великого князя Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем (1388 г.) указывается на то, чтобы посылать данщиков князьям вместе в города и станы.

Дмитрий Донской вносил в Орду около 5 тыс. руб., а Василий II по присоединении к Великому княжеству Нижнего Новгорода, Муром и Мещеры — 7 тыс. руб. По тому времени это были очень большие суммы. Князь Владимир Андреевич, распределяя свое имущество в духовной грамоте (1410 г.), определил, что его жена и дети должны вносить со своих уделов в ордынский «выход» 5 тыс. руб.

По мере образования централизованного Русского государства вокруг Москвы «выходы» в орду стали уменьшаться, а затем прекратились, и ордынская дань переходит в начале периода ликвидации феодальной раздробленности в казну московского князя.

В некоторых феодальных княжествах дань собиралась по сохам. В. Н. Татищев приводит сообщение о сохах, относящееся к 1275 г., из которого следует, что

¹ История СССР. М., 1948. Т. I. С. 153.

великий князь Василий Ярославович возил в Орду дань по полугривне с сохи, а в сохе числилось «два мужи работники»¹. Татарский хан Едигей в письме к великому князю Василию Дмитриевичу (сыну Дмитрия Донского) упрекает его за то, что он не прислал дани, хотя и собирал во всех своих владениях по рублю серебра с двух сох. Согласно собранию государственных грамот и договоров, этот же князь завещал сыну и княгине наложить дань на волости и села «поблюдем по силе», а несколько позднее князь Василий Васильевич пишет, что княгиня и дети его после получения уделов должны описать и обложить их «по сохам и по людям».

Таким образом, оклады производились по сохам, людям и по силе. О происхождении и содержании понятия «соха» до середины XVI в. в историко-экономической литературе нет единого мнения. Одни ученые считают, что соха была определенной единицей земли, с которой уплачивали государевы подати, другие — что в древнее время соха определялась не количеством земли, а особенностями хозяйства, и, наконец, третьи — что соха определялась количеством труда. Несостоятельность многих исследований о сошном письме была в том, что они пытались отыскать единую окладную податную единицу на Руси для периода, когда страна представляла собой несколько феодальных княжеств, полугосударств, каждое из которых имело свои особенности.

В период феодальной раздробленности характер сохи и ее размер в различных княжествах не могли быть одинаковы. Неоднородность принципов обложения в таких условиях вполне естественна. При этом обложение по сохам едва ли может быть противопоставлено обложению по людям и силе, так как соха в тот период, судя по документам, вероятно, определялась количеством рабочей силы, потребной при обработке определенной земельной площади. Иван III по присоединении Новгорода к Москве брал со всех волостей новгородских по полугривне с сохи и с одерноватых.

Надо указать, что отдельные группы феодального крестьянства облагались податями неодинаково. Так, половники государевых податей часто не платили, а если их привлекали к уплате, то, как правило, в умень-

¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. СПб., 1784. Кн. IV. С. 47.

шенных размерах. В документе первой половины XV в. читаем: «В соху два коня да третье припряжь... невод за соху, лавка за соху, плуг за две сохи, кузнецъ за соху, четыре пищцы за соху, лодья за две сохи... а кто сидит на исполовьи на том взяти за полосохи»¹.

В Новгородской земле в XIV — XV вв. кроме дани («поралья») были и другие налоги и повинности: «черный бор», городное дело, подводная и кормовая повинности. Единицами обложения в Новгородской земле были обжа и соха, количественно отличная от московской сохи. В грамоте Новгородского веча говорится, что соха равняется двум коням «да третье припряжь», и указывается отношение к сохе других объектов обложения: лавок, лодок, неводов и т. д.

Ликвидация феодальной раздробленности приводит к постепенному уничтожению самостоятельных, особенных податных единиц в отдельных княжествах, к распространению на присоединенные княжества налоговых порядков московского правительства.

В конце XV в. московская соха была введена и на вошедших в состав Московского государства землях — в бывших княжествах Ярославском, Тверском и др.

Феодальным княжествам, этим полугосударствам, имевшим свои войска и таможенные границы, были присущи определенные особенности и во взимании податей, и в денежном обращении. Лишь по мере ликвидации феодальной раздробленности складывалась известная централизация в финансово-налоговом деле. Постепенно большая московская соха вытесняла окладные единицы («выти», обжи, «луки», местные сохи), применявшиеся в различных районах страны, хотя местные особенности во взимании государевых налогов продолжали существовать. В 1551 г. была установлена общая для всех областей единица государственного обложения податью — соха. Этой реформой определялся твердый размер сохи: для «черных» земель — 500 четей (четвертей) доброй земли, 600 средней и 700 худой, для монастырских, церковных и дворцовых — соответственно 600, 700 и 800 и для служилых (поместных, вотчинных) — 800, 1000 и 2000 четей.

Таким образом, количество земли, положенной в соху, колебалось в зависимости от качества земли. Земли,

¹ Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. I. № 32. С. 24.

которых было меньше положено в соху, облагались более высокой податью. Так, «черные» земли, т. е. общинные, крестьянские земли, которых клалось в соху 500 четей, были обложены наивысшей нормой подати, вотчинные и поместные — наименьшей. Однако это не значит, что феодальное крестьянство вотчин и поместий подвергалось меньшей эксплуатации. Ведь оно кроме государевых податей платило огромную феодальную ренту в форме барщины или продуктовой ренты.

Эксплуатация черносошного крестьянства с его общинной организацией отличалась от эксплуатации владельческих крестьян. Крестьянская община (волость, погост) пользовалась правом раскладки и сбора налогов в пользу князя. В податях черносошного крестьянства налог и феодальная рента совпадали.

После реформы сошного письма поземельный характер посошного обложения сделался более четким. Это вполне соответствовало экономике Московского государства, в котором земледелие составляло основу хозяйства. Именно к пашне, к определенному количеству четей пашни приравнивались условно и другие объекты обложения: мельницы, лавки, лодки, число дворов в посадах. В основе сох, различных по размеру до реформы 1551 г., в итоге лежало известное количество земли, которое мог обрабатывать один или несколько человек, с одной или несколькими лошадьми. Поэтому до введения большой сохи размер запашки, по видимому, являлся важным показателем, так как определял тяглоспособность плательщика.

Создание централизованного государства характеризуется большими изменениями в финансово-налоговой системе: введением общей для всего государства единицы обложения, ростом денежных налогов и отменой «кормлений», расширением денежной ренты, усилением финансово-налоговой централизации и т. д. «Кормы» были известны еще Киевской Руси. «Русская Правда» определяла размер «корма», «вирнику» количеством кур, хлеба, солода и т. д. «Кормленная» система — одна из форм феодальной эксплуатации «черных» крестьянских волостей и посадского населения, в которой сливались вместе и феодальная рента, и государственное обложение. Доходы наместников и волостелов образовывались из «въезжего корма», торговых, судебных и других сборов. В некоторых княжествах наместники получали лишь часть доходов с «кормлений». Так, в се-

редине XIV в., согласно Собранию государственных грамот и договоров, в уделе великого князя Симеона наместники брали часть «корма» себе, а остальную должны были вносить в великокняжескую казну. «Корм» взимался вначале натурой, и его размеры не были регламентированы. В дальнейшем господствующий класс был вынужден взимание «кормов» регламентировать.

Рост денежных отношений и возникновение денежной ренты способствовали замене натуральных «кормов» денежными взносами, в 1556 г. при Иване Грозном «кормления» были отменены. В результате этого служилые люди стали получать денежное жалование, население же вместо «кормов» платило денежный налог («окуп», «откуп») в государеву казну. Размер «кормленного откупа» был неодинаков в посадах, «черных» и частновладельческих землях. В поместных и вотчинных землях он равнялся 42 алтынам 4 деньгам с сохи, в дворцовых — 21 алтыну 2 деньгам с сохи¹.

Вторая половина XVI в. характеризуется новым усилением эксплуатации феодального населения и переводом части налогов и повинностей с натуральных в денежные. В 1550 г. было принято решение о переводе «повоза» на деньги, за «повоз» брали по 2 алтына со двора. Однако в условиях недостаточно развитых товарно-денежных отношений платить денежные взносы было очень трудно. Недаром Еразм предлагал в целях облегчения «ратаев» (крестьян) брать с них не деньги, а натуральный оброк в размере $\frac{1}{5}$ урожая.

Войны, и тяжелейшая из них Ливонская, потребовали огромных расходов. Феодальная эксплуатация возрастала. Крестьянство обременялось уплатой непосильной ренты и государственных налогов, число которых резко увеличилось.

Характер налогов и повинностей в большинстве случаев указывал на связь их с войнами: «пищальные» деньги — на покупку огнестрельного оружия, «ямчужные» — на изготовление пороха, городское и засечное дела — строительство укреплений на окраинах страны, «полоняничные» — на выкуп русских из плена, «писчая белка» — пошлина, бравшаяся при переписи земель.

Основные государственные подати взимались с сохи. С сохи уплачивались ямские деньги, «полоняничные»,

¹ См.: Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. I. С. 138.

ратная повинность, «ямчужные», стрельцам — хлебное жалованье и т. д. Казачий «корм», называвшийся позднее стрелецким хлебным запасом, платили все категории крестьянства: одни — деньгами, другие — хлебом. В наибольшей степени прямыми налогами были обложены черносошные крестьяне, у которых на соху приходилось платежей в несколько раз больше, чем на частновладельческих и дворцовых землях. Так, крестьяне помещий и вотчин не платили данных и оброчных денег, внося большую ренту феодалам.

Многочисленные войны, эпидемии, последствия опричины, рост феодальной эксплуатации — все это обусловило глубокий хозяйственный и финансовый кризис в Московском государстве в конце XVI в., результатом которого было сокращение пахотной земли, рост цен на хлеб, увеличение числа пустых дворов. Последнее обстоятельство еще более способствовало резкому росту налогов и повинностей оставшегося тяглого населения. Трудно вычислить, какую часть прибавочного и необходимого продукта забирала у крестьянина во второй половине XVI в. феодальная монархия в форме податей, а землевладельцы — в виде ренты. Н. А. Рожков полагал, что государство брало у земледельца в степи до 80-х годов 11—5,8 % его валового дохода, а позднее — 26,1—13,8 %, в Центре и Прикамье — 5,8, а потом — 13,9, в Западном Полесье — сначала 6,8, потом 16,2 %. Землевладельцы вносили с крестьян в виде денежного оброка в степи 16,6—8,8 %, в Центре и Прикамье — 8,8 %, в Западном Полесье — 10,3 % валового дохода. В результате Н. А. Рожков делает вывод, что «в 50—70-х годах и государство, и землевладельцы в общей сложности брали с крестьянина не более 30 % его валового дохода», «в 80—90-х годах — обыкновенно 15—26 %, редко более 40 % с лишком»¹. Эти данные скорее приуменьшены, но и они свидетельствуют о возросшей в конце XVI столетия эксплуатации крестьянства.

В результате огромного роста государственных налогов и феодальной ренты деревня беднела: в расчете на один двор размер пашни, составлявший в 70-х годах 12,3 десятины (в трех полях), понизился в конце века вдвое — до 6,5 десятины.

¹ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 263.

Период феодальной раздробленности на Руси характеризовался значительной политической и экономической самостоятельностью вотчины: многие вотчины, в особенности монастыри, имели иммунитет в области налогов. Вотчина, наделенная тарханной грамотой, пользовалась податным иммунитетом. Льготные грамоты в отличие от тарханских в большинстве случаев предоставляли вотчине податные льготы на определенное время и вызывались специфическими обстоятельствами. Иногда вотчина освобождалась не от всех податей. Князья нередко нарушали льготные грамоты, выдавая, как писалось тогда, «грамоты на грамоты».

Особенно широко тарханскими грамотами пользовались крупные церковные и монастырские вотчины. Освобождение крестьянства и ремесленников в вотчинах от государевых податей давало возможность феодалу, имевшему тарханную грамоту, забирать себе и ту часть прибавочного продукта, которая шла в вотчинах, не имевших тарханских грамот, государству в виде налогов.

Создание централизованного государства усиливало центральную власть не только политически, но и экономически: податные привилегии вотчинников были уменьшены, а затем отменены. Отбираемый у феодального крестьянина прибавочный продукт перераспределялся в пользу центральной власти. Проблема заключалась в распределении прибавочного, а часто необходимого продукта между феодалом и феодальным государством, которое претендовало на изъятие известной части продукта. По мере закрепощения крестьянства феодальное государство делает землевладельцев ответственными перед казной за уплату крестьянами их вотчин государственных податей и за выполнение повинностей. Это право землевладельцы использовали для усиления эксплуатации крестьян. Феодалы, заинтересованные в получении возможно большей ренты со своих крепостных, нередко добивались уменьшения государственного налога, доказывая казне, что их крестьяне обложены по письму «тяжело», и присваивали разницу себе.

Посошная подать лежала в основе обложения преобладающей части ремесленного и торгового населения, проживавшего в посадах, кроме «обельных», «белых» и «оброчных» дворов. Число дворов, входивших в соху, было весьма различно. В Серпухове было положено средних — 50—52 двора на соху, а «молодчих» — 75—

76 дворов¹. В псковских пригородах в начале второй половины XVI в. посады были обложены так: «В Изборске 57 дворов положено в $\frac{5}{8}$ сохи... в Вороначе 371 двор... в $\frac{4}{5}$ сохи; во Вреве 105 дворов... положено в 1 соху; на Опочке 172 двора — в 2 сохи; в Себеже 75 дворов — в $\frac{1}{2}$ сохи»² и т. д.

Сошная подать, таким образом, лежала и в основе обложения большей части посадского населения в виде дворовой сохи. С сохи уплачивались «данные», ямские, «приметные» и другие деньги (20 руб.), «полоняничные» деньги (2 руб.); «пищальные» же деньги платили иногда с сохи, а иногда и со двора. Вообще в обложении посадов было много местных особенностей. Для населения, занимавшегося одновременно земледелием и торговоремесленной деятельностью, применялась так называемая комбинированная соха.

В доходах государства значительную роль в XVI в. продолжал играть оброк с пустовавших земель, промыслов и т. д. Кроме того, население платило еще и различные торговые пошлины.

Феодальная монархия по мере окончательного закрепощения крестьян сделала землевладельцев ответственными перед казной за уплату государевых налогов крестьянами их вотчин и поместий, платившими подати по принципу круговой поруки — «мира», «кости» и т. п. Феодалы использовали возложенную на них ответственность за уплату их крестьянами податей и повинностей для еще большего усиления эксплуатации. После крестьянской войны и польско-шведской интервенции экономическое и финансовое состояние страны было очень тяжелым. Правительство принимает меры к восстановлению прежде всего дворянского хозяйства и выясняет тяглоспособные силы страны. С этой целью проводится ряд переписей. Переписи проводились на Руси и раньше. После переписи в середине XVI в., в частности, была введена как податная единица большая московская соха. Любопытно, что феодалы-землевладельцы, как светские, так и духовные, принимали меры, чтобы уменьшить по переписи число крестьян в своем поместье или вотчине и показать больше пустующих

¹ См.: Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XI веке. СПб., 1899. С. 178.

² Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. II. С. 296.

земель. Делалось это для того, чтобы вотчина меньше платила государственных податей и тем самым землевладелец мог получать больше феодальной ренты. Одновременно землевладельцы записывали часть своих крестьян бобылями, поскольку бобыли или освобождались от государственных податей и повинностей, или платили в меньшем размере¹.

Дозорщики (лица, переписывавшие земли), составлявшие дозорную книгу, писали: «Дворяне и дети боярские и монастыри крестьян своих у дозорщиков во 128 году утаили, а которых и не утаили, и оне крестьян своих писали для тягла бобылями»². Крестьянские общины также старались при переписях показать больше необработанных, пустующих земель с той же целью.

Недостатками переписи было то, что «подати емлют с иных по писцовым книгам, а с иных по дозорным, а иным тяжело, а иным легко... дозорщики, которые после Московского разоренья посланы по городам будучи... писали по дружбе и за иными легко, а за иными по не дружбе тяжело, и от того Московского государства всяким людям скорбь конечная... многие посадские люди замосковских и заукраинных городов», чтобы избавиться от платежа податей, оставили свои места жительства и поселились в Москве и ее пригородах «...у племяни и у друзей... другие посадские люди пошли в кабалу к боярам и лицам других сословий»³. Дозорные книги свидетельствовали о разорении важнейших районов страны.

Сошное письмо все более не удовлетворяло интересы господствовавшего класса, поэтому правительство искало новые формы получения доходов с населения. Так, оно часто прибегало к чрезвычайным налогам, взимавшимся главным образом с ремесленно-торгового населения посадов. В 1614 и 1615 гг. Собор вынес постановление о сборе пятой деньги; во второй половине века экстренные денежные сборы собирались еще чаще. По-

¹ И воинские повинности бобыли выполняли в меньшем размере. Летопись сообщает, что воинские повинности распределялись так: «з десяти сох конь, а с сорока рублиев конь и человек в доспехе, а бобыли пеши люди» (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 84).

² Дьяконов М. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. С. 216.

³ Там же.

сошное обложение сильно выросло, особенно в 30-е годы, с введением стрелецких денег. Феодалная эксплуатация населения увеличивалась, так что размер налогов, падавших на соху, перед отменой сошного письма был значительно больше, чем в конце XVI в. Росли недоимки по налогам.

Крестьянство, изнывавшее под тяжестью феодалной ренты, государственных податей, всячески стремилось освободиться от платежа сошного письма за пустые «выти», т. е. за необрабатываемые земли разбежавшихся крестьян; в свою очередь и посадские люди пытались освободиться от податей по сошному письму. Противоречия феодалной экономики заставляли изыскивать новые формы обложения и получения доходов.

С целью увеличения числа плательщиков налогов правительство начинает переходить от обложения по сохам к обложению по дворам через так называемую *переходную единицу* — «живущую четверть»¹, состоящую из некоторого числа крестьянских и бобыльских дворов, сочетающую принцип обложения по земле с учетом наличных дворов. Была проведена повторная перепись. В ходе нее создавались переписные книги (при предыдущих переписях — писцовые), в которых на первый план выдвигался учет численности дворов, населения, а в писцовых книгах учитывались пашни, сенокосы и т. д.

Именно в экономических условиях надо видеть причины отмены сошного письма, а не в разрушении исконных порядков мирской раскладки податей, как считал С. Веселовский в «Сошном письме». В указе о введении подворного обложения подчеркивалось, что

¹ В. Сергеевич считал, что уже со второй половины XVI в. «рядом с сохой появляется и другая окладная единица — четь, т. е. живущая четверть земли» (Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1903. Т. III. С. 336).

Отдельные налоги, например «подымный» сбор, уплачивались, действительно, и до введения «живущей четверти» по дворам, но систематически учет численности наличных дворов при обложении начал применяться лишь в первой половине XVII в.

П. И. Лященко время введения «живущей четверти» относил то к первым годам после избрания Романовых (см.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1952, т. 1. С. 284), то к 1646 г. (Там же. С. 300).

новый оклад «велено положить земским старостам и выборным людям за верою на посадцких людей по торгом и по промыслам и по пожиткам, а на волостных крестьян по землям и по тяглу и по угодьям, чтоб богатые люди перед убогими в избылых не были, а убогие перед богатыми во отяхчении не были». Действительность была далека от этих намерений.

Выгодные для правительства круговая порука и принцип разверстки налогов «по животам и промыслам» между плательщиками сохранились.

В результате этой реформы старые налоги (стрелецкие деньги, данные, оброчные и др.) заменились подворным обложением под названием стрелецкой подати; некоторые из прежних налогов («пищальные», засечные и др.) были отменены. Из прежних налогов сохранились «полоняничные» деньги, слившиеся с «ямскими». Стрелецкий хлеб, уплачивавшийся отдельными категориями крестьян (вотчинными, поместными, монастырско-церковными) в натуре, был также разверстан по дворам.

Введение подворного обложения расширило число налогоплательщиков, усилило эксплуатацию феодального населения. В частности, этой реформой непашенные бобыли приравнивались в податном отношении к крестьянам, в то время как ранее они как нетяглые люди не учитывались в сошном письме. Непашенные бобыли, как правило, тягла не тянули; что же касается пашенных бобылей, они резко не отличались в податном отношении от крестьян.

Ремесленно-торговое население посадов кроме выполнения государева тягла — уплаты постоянных «ямских» и «полоняничных» налогов, стрелецкой подати и других — обязано было платить (в особенности во второй половине XVII в.) различные чрезвычайные налоги: пятую, десятую, пятнадцатую деньгу с дохода и «запросные» деньги. Первоначально пятинные деньги должны были уплачивать только торговые люди. Но потом эти деньги превратились в обыкновенный налог, взимаемый с «животов и промыслов», т. е. по принципу примитивного своеобразного подоходного обложения не только посадского, но и деревенского населения.

«Запросные» деньги вначале платили лишь ремесленно-торговые люди, посадское население, но иногда и все тяглое население. Раскладывались они обычно «по животам и промыслам». Чрезвычайные сборы участи-

лись во второй половине XVII в. С 1654 по 1680 г. 2 раза собирались пятая деньга, 5 раз — десятая, 1 раз — пятнадцатая, а также прошел рублевый сбор с торговых людей. Несколько раз собирались «запросные» деньги на войны. Купцы-промышленники также должны были уплачивать часть прибыли абсолютистскому государству. За эксплуатацию рудных месторождений и лесных угодий, которые находились на государственной земле, промышленник вносил в XVII в. определенное количество изделий по установленным ценам и оброк. Затем в 1719 г. с металлургических предприятий начали брать одну десятую «прибытка» — десятину, но в силу больших трудностей, связанных с установлением действительной прибыли заводчиков, через несколько лет налоговая система была изменена: государство стало брать налог с пуда выплавленного чугуна, а с 1739 г. — с доменной печи. Медеплавильные предприятия, как некоторое время и железодельные, уплачивали государству натурой каждый десятый пуд меди.

В дополнение к постоянным государевым податям и чрезвычайным налогам население посадов, находившееся в феодальной зависимости, платило еще ренту феодалу. При раскладке государевых налогов внутри посадского населения происходила острая классовая борьба, мятежи и ссоры «торговых лучших людей» с «маломощными людьми». Последние часто выдвигали требования раскладывать государево тягло не с земли или с двора, а с «прожиточности».

Зависимое население платило феодалу-монастырю оброк с лавок, амбаров, житниц, промышленных заведений потому, что все эти постройки стояли на монастырской земле — «на земле пречистой богородицы». Посадское население, пользовавшееся пашенной и сенокосной землей, пахотные люди монастыря уплачивали ренту натурой: хлебом (четвертый, пятый, шестой сноп) и сеном. Кроме денег и продуктов посадское население отработывало на монастырь барщину — монастырское «зделье», поденщину и караулы. Землевладелец устанавливал размер и принципы взимания феодальной ренты с посадского и крестьянского населения. В основе установления размера феодальной ренты с монастырских крестьян лежала величина занимаемого земельного участка. Некоторые повинности посадского населения устанавливались в зависимости от населенного двора, некоторые — с учетом «прожиточности».

Раскладка государева тягла, как правило, проходила под контролем феодала и под его ответственность, но производилась окладчиками, а рассматривалась и утверждалась на «мирском» совете. При взимании и раскладке государственных налогов «мир» играл значительную роль, он мог даже освободить от уплаты. Как правило, за недоимки крестьянство и мелкий посадский люд отвечали «правежом», т. е. собственной спиной. С усилением феодально-крепостнического гнета крестьян обязывали отвечать даже за долги землевладельца.

В XVII в. большинство государевых налогов взыскивалось деньгами, но некоторые налоги, например стрелецкий хлеб, хлебные запасы, сибирский хлеб, уплачивались натурой¹.

Городское население в 1672 г. начало платить хлебный стрелецкий налог деньгами, а деревенское должно было уплачивать натурой еще семь лет, до тех пор, когда была введена новая денежная стрелецкая подать. Вообще следует отметить, что взимание податей деньгами начинается раньше в посадах и у черносошных крестьян; ряд налогов посадское население уплачивало деньгами, а деревенское — натурой.

Многочисленные народности Севера, Поволжья и Сибири платили ясак главным образом пушшиной. Ясак платили ненцы (самоеды), ханты (остяки), манси (вогулы), буряты, башкиры и другие народности. В отдельных случаях ясак собирали местные князья, которые сами часто освобождались от его уплаты. Прибывшие в 1555 г. послы Едигея из Сибири предложили давать дань со всякого «черного» человека «по соболю, да по белке с человека, а черных людей, сказывали, у них 30 700»². Размер ясака, конечно, менялся. Платили по 5 соболей поголовно с человека, а в некоторых случаях — по 10 соболей с лиц мужского пола от 16 до 50 лет³. При поголовном обложении ясаком делались иногда различия между богатыми и бедными ясачниками — «окладной» и «бобыльский» ясак. Воеводам

¹ См.: Акты исторические. 1841. Т. III. № 132. С. 206.

² ПСРЛ. 1904. Т. XIII. Первая половина. С. 248.

³ «И мы их пожаловали, велели им ясык платить в Перми Великой и велено тебе с них ясак имати в Перми с человека по пяти соболей» (Акты Археологической экспедиции. 1836. Т. II. № 75. С. 168).

предоставлялось право взимать ясак («по людям и по промыслам»). За отсутствием мехов в крайнем случае разрешалось принимать в уплату ясака кожи, лосиные и олени, а также деньги; крайне редко ясак уплачивался хлебом. Лишь с 1767 г. разрешено было платить ясак хлебом. Кроме ясака взимались так называемые государевы, воеводские, подьячьи поминки, причем в некоторых случаях не с человека, а с лука.

Весь XVII в. характеризуется громадным ростом финансового обложения тяглого населения. В 1665 г. патриарх Никон, жалуясь на царя в письме к восточным патриархам (перехваченном царскими агентами), писал: «Берут людей на службу, хлеб, деньги, берут немилостиво; весь род христианский отягчил царя данями сугубо, трегубо и больше, и все бесполезно»¹.

Налоговая политика служила важнейшим средством первоначального накопления капитала в России. По мере окончательного закрепощения крестьян, завершившегося в середине XVII в., росла и феодальная эксплуатация: увеличивались не только прямые, но и косвенные налоги, хотя их рост и наталкивался порой на решительное сопротивление налогоплательщиков. Так, попытка увеличить пошлину на соль на 2 гривны с пуда в 1646 г. кончилась крахом, вызвав так называемый «соляной бунт».

Часто царское правительство отдавало кабацкие и таможенные доходы на откупа, очень разорительные для населения, но более удобные правительству, поскольку они сразу обеспечивали деньги; иногда правительство и само собирало эти налоги.

Перед войной с Польшей кабацкие откупа были уничтожены и торговля «питей» сделалась казенной монополией. Но слабость финансового аппарата вынудила вновь возвратиться к откупам «для пополнения государевой казны ратным людям на жалованье» и потому, что «медные деньги по его государеву указу отставлены и торговать ими не велено»². По имеющимся данным росписи 1680 г., денежные доходы государства достигали 1,5 млн. руб., в том числе косвенные доходы, таможенные и кабацкие, давали 650 тыс. руб.,

¹ Ключевский В. О. Соч. М., 1957. Т. III. С. 243.

² Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 61.

или почти 45 % доходов бюджета. Прямые налоги, стрелецкие, «полоняничные», оброчные, ясак, «запросные» деньги, составляли в доходной росписи примерно столько же.

В 1681 г. вновь делается попытка уничтожить откупа, составлявшие серьезный источник обогащения откупщиков и одно из средств создания крупных капиталов в России.

Крестьяне Сибири, переселившиеся главным образом с Севера, отбывали государственные повинности, как уже отмечалось, в форме государственной пашни (пашня, помол государева хлеба, постройка амбаров и т. д.) и путем изготовления различных государевых изделий. Вначале размер государственной пашни был различен. В конце XVI в. пашенные крестьяне Пелымского уезда обрабатывали государеву пашню из четвертого снопа, затем их доля была увеличена до половины. В течение XVII и начале XVIII в. размер государственной пашни стал более определенным и находился в известном соотношении с величиной участка пахотной земли. Но частые изменения размеров участков вынудили ввести в 1721 г. новый принцип обложения: пашенные крестьяне Сибири обязывались пахать десятинной пашни на каждый двор по десятине и получетверти десятины в поле.

Таким образом, размер государственной пашни не ставился уже в зависимость от количества земли у крестьян, а определялся числом дворов. На протяжении XVII в. незначительная часть крестьян Сибири уплачивала государственные повинности натурой, в виде хлебного оброка. Вначале оброк устанавливался также в зависимости от размеров государственной пашни, затем с 1721 г. его стали взимать с каждого двора по 4 четверти без полуосьмины ржи и столько же овса, а потом, как и во всей России, оброк взыскивали с «души». Около трети сибирских крестьян уже в начале XVIII в. платили государству денежный оброк, но основную роль продолжала играть десятинная пашня.

Крестьянство Сибири несло также еще одну тяжелую повинность — ямскую гоньбу. Кроме того, оно уплачивало государству в начале XVIII в. многие налоги деньгами. Размер денежных налогов, различных «изделий» был не менее обременителен, чем основная повинность — государева пашня или хлебный оброк. Налоги крестьян Сибири все возрастали. В ответ на это

очень часто вспыхивали народные волнения и участились побегии крестьян.

Эпоха Петра I с ее огромными затратами на войны с Турцией, Швецией, Персией, на создание мануфактур, морского флота, строительство городов предъявила колоссальные требования к финансовой системе. При этом военные расходы занимали в государственном бюджете петровского времени основное место, достигая в 1701—1710 гг. $\frac{3}{4}$ всех государственных расходов. Петр неустанно повторял, что стране необходимо «денег как возможно собирать; понеже деньги суть артериею войны»¹.

Введение многих новых налогов, расширение круга налогоплательщиков, широкое развитие различных оброчных сборов, казенных монополий на вино, меха, икру, смолу, расширение доходов, особенно в начале XVIII в., от монетного дела (путем чеканки неполновесной серебряной монеты и выпуска медных монет), реформа прямых налогов, введение подушной подати — все это увеличило государственные доходы в несколько раз, главным образом за счет феодального крестьянства.

«Прибыльщики» Петра систематически увеличивали число налогов, прямых и косвенных, обыкновенных и чрезвычайных. Вводились военные налоги: рекрутские, корабельные, драгунские, седельные, подворные и др. В итоге насчитывалось более 30 различных налогов, а в некоторых районах страны и более. Многочисленные сборы и налоги обременяли население «назойливым июльским оводом, приставаая, — по словам историка, — к плательщику на каждом шагу»². Так, были введены сборы и налоги: ледокольный, водительный, трубный, с мостов и переправ, с судов, с клеймения платья, с лавок, посаженный, погребной, хомутейный, поземельный, померный и весчий, подушный, пчельный, банный, мельничный и т. д.

Правительство, не удовлетворяясь доходами от обложения, само продавало многие товары, получая доходы и от торговли. Значение государственных монополий было расширено: кроме таких товаров, как вино, табак, меха, икра, клей, была установлена монополия на соль, табак, деготь, рыбий жир и др. Государственная прода-

¹ ПСЗ. Т. IV. № 2330. С. 643.

² Ключевский В. О. Соч. Т. IV. С. 133.

жа этих товаров давала большие доходы, составляя солидный процент бюджета.

Все, что не представляло государственной монополии, облагалось сетью налогов, податей, сборов и т. д. Весьма широко использовалась также система откупов. На откупа сдавалось право на рыбную ловлю, сенные покосы, постоянные двory, мельницы и мельничные сборы, бани, мосты и перевозки.

Таможенный доход, главным образом с товаров внешней торговли, играл большую роль. Таможенная политика Петра, принося значительный государственный доход, вместе с тем охраняла нарождавшуюся, молодую мануфактурную промышленность. Своей таможенной политикой Петр продолжал развивать принципы ограничения иноземного капитала, выраженные еще в Новоторговом уставе 1667 г. Петр увеличил налогообложение торговли и промышленности. Сбор десятой деньги с торгово-посадского населения превратился в постоянный налог. Наравне с посадскими людьми, платили десятую деньги и торговавшие в Москве. Хотя внутренние пошлины играли меньшую роль, чем раньше, все же Петр широко использовал налоги на внутреннюю торговлю как объект фиска, что, конечно, сдерживало ее рост.

Кроме рублевой пошлины, введенной еще 1653 г., была установлена пошлина на товары, покупавшиеся в своих городах, товары, привозимые на ярмарки и торжки. В поисках средств Петр в начале XVIII в. изъясил в пользу государства значительную часть феодальной ренты, получаемой монастырями, создав для управления монастырскими доходами специальный Монастырский приказ. Лишь позднее церкви было возвращено право распоряжаться монастырскими доходами.

Для изыскания новых налогов создали специальный институт «прибыльщиков», «вымышленников», которые выдумывали объекты обложения — от имущества до бороды. Страну наводнили фискалы, которые должны были выявлять казнокрадов и взяточников, однако казнокрадство процветало, и в немалой степени этому содействовали сами фискалы, назначенные бороться с казнокрадством.

Так, «прибыльщика» Курбатова за взятки и казнокрадство предали суду, а «обер-фискала» Нестерова казнили. О размахе взяточничества и казнокрадства говорят, например, такие сведения: из 100 собранных

податных рублей только 30 попадали в казну. Многочисленные указы, угрожавшие самыми жестокими наказаниями за казнокрадство, лихоимство и т. д., свидетельствуют о том, как широко проникли эти язвы в жизнь тогдашнего Русского государства и как мало действительны были правительственные угрозы.

Петр вместе с тем указывал на необходимость «великого бережения» денег: «...смотреть во всем государстве расходов, и ненужные, а особливо напрасные отставить»¹. Он ошибочно полагал, что тяжесть налогов определяется не столько размером их, сколько неудовлетворительной раскладкой и сбором. Однако даже самая правильная раскладка таких больших налогов не могла освободить крестьянство и посадское население от неимоверного феодального гнета. Как писал И. Т. Посошков, «покушаются с одного вола по две и по три кожи здирать»². Общая сумма податей, сборов, поступавших в казну, выросла в текущей валюте с 1,5 млн. руб. в 1680 г. до 3 млн. в 1701 г. и до 8,5 млн. руб. в 1742 г.; в золотой валюте увеличилась примерно в три раза. Рост обложения сопровождался ростом недоимок, неплательщиков податей ставили «на правеж».

За неуплату налогов и долгов как неплательщиков, «так и поручиков их» (по откупам, подрядам, государственным недоимкам, частным долгам) указано было отсылать на работу в Петербург, в Адмиралтейство, в галерную работу, а женщин — в прядильный дом и за работу засчитывать долговых денег по 1 руб. в месяц и давать корм наравне с каторжными. За неуплату налогов ссылали в Азов, в Сибирь на строительство городов-крепостей. Указом от 15 января 1718 г. предписывалось всех осужденных должников «на правеже» не держать, а заставлять отрабатывать задолженность³.

Тяглое население разбегалось, отвечало на феодальный гнет восстаниями. Посошков протестовал против крутых «правежей» и рекомендовал правительству быть более осторожным. Исходя из своей антидворянской концепции, он считал неправильным, что дворянство не обложено налогами, и предлагал исправить этот недостаток, хотя и предвидел, что подобное предложение встретит отпор со стороны господствующего класса.

¹ ПСЗ. Т. IV. № 2330. С. 643.

² Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. С. 208.

³ См.: ПСЗ. Т. V. № 3140. С. 530.

До введения подушной подати, как отмечалось, взимание налогов при Петре происходило «со дворов», исчисленных по переписи 1678/79 гг. Для получения новых данных о численности дворов и населения правительство проводит в 1710 и 1717 гг. новые переписи. Однако результаты были неутешительны. Население страны не возросло, а в ряде районов даже уменьшилось, еще больше сократилось количество дворов при росте числа душ в одном тяглом дворе (с 3,5 до 5,5 души). Эти дворы должны были не только платить подати за себя, но и вносить налоги, падавшие на пустые дворы.

Любопытно, что рост населения в отдельных районах страны сопровождался снижением числа дворов. Крестьянское и посадское население отвечало на невероятный рост платежей не только побегам, мятежами, но и укрупнением среднего размера двора. В результате укрупнения дворов казна теряла плательщиков. В то же время денег государству требовалось все больше. О недостатке денег свидетельствует то, что вместо них приказным и другим людям нередко выдавались товары. Прежние источники — монетный доход, монополии и т. д. — были использованы в максимальной степени, число налогов дошло до предела. В этих условиях назревал вопрос о реорганизации финансовой системы. Решение было найдено введением в 1724 г. подушной подати, давшей дополнительные контингенты тяглых людей.

Прежде чем установить подушную подать, выдвигались разные проекты решения финансовых затруднений. Среди них и предложения о дальнейшем ухудшении монеты, усилении откупов, развитии торговли и т. д. В конце концов одержала верх идея подушного обложения — идея не новая, поскольку поголовное обложение населения в примитивной форме на Руси практиковалось и раньше, в период феодальной раздробленности.

Петр впервые предлагает ввести подушную подать в 1717 г., правда, только для посадского населения. Он указывал сенату: «К тому же возможно (ежели нужда в деньгах) на всякие промыслы положить на время прибавку пошлины, также поголовщину по городам, как то во всем свете ведется (кроме деревень), и иные сему подобные, от чего разорения Государству не будет»¹. В этих целях производится новая перепись населения,

¹ ПСЗ. Т. V. № 3080. С. 493.

«не обходя от старого до самого последнего младенца». Окончание переписи затянулось и осложнилось утайками «душ», а также и тем, что в перепись были включены многие группы феодального населения: посадские люди, дворовые, холопы и т. д. Так как сведения об итогах переписи («сказки») были во многом неточны, правительство неоднократно назначало их ревизии.

Установив, наконец, численность лиц мужского пола в 4,5 млн. человек, включая в это число «весьма дряхлых, увечных и дураков», т. е. лиц «которые...действия и пропитания о себе никакого не имеют», определили размер подушной подати с крестьянского населения в 74 коп., а с городского, посадского тяглого населения подушная подать вместе с оброком составила 1 р. 20 к. с ревизской души. Таким путем Петр увеличил государственные доходы в несколько раз. Подушная подать с посадского населения заменила почти все другие сборы с него. Сбор казенных платежей с посадков происходил тоже по принципу круговой поруки.

Подушной податью были обложены дворовые, синодского ведомства, архиерейские, монастырские и церковные, помещичьи и вотчинные, государственные крестьяне. К государственным крестьянам относились черносошные, однодворцы, ясачные (кроме астраханских и уфимских татар и сибирских ясачных иноверцев), пашенные люди разных служб Сибирской губернии, рейтары, солдаты, казаки, пушкари и т. д. и люди разного звания, записанные в поголовную перепись. Дворянство и духовенство освобождались от платежа подушной подати.

Классовая политика правительства проявлялась не только в обложении подушной податью, но и во всей налоговой политике. Так, при платеже ясака киргизами у каждого старшего султана не облагались ясаком 300 лошадей, 200 быков, 200 баранов, у каждого бая — 200 лошадей, 100 быков и 100 баранов; потомки некоторых бывших ханов не должны были платить ясак за 1000 лошадей, 1500 быков и 1500 баранов. Не облагались подушной податью башкиры, татары и мещеряки, отставные солдаты, мастеровые, состоявшие при казенных фабриках и заводах, и некоторые другие группы населения. Холопы обязаны были вносить подушную подать независимо от того, находились они в услужении у помещиков или пахали землю. Это решение сблизило между собой холопов и крепостное крестьянство.

Таким образом, в погоне за новыми налогоплательщиками царское правительство все расширяло контингент лиц, плативших подати. Постепенно бобыли, потом так называемые задворные, деловые, дворовые люди были занесены в перепись и принуждены платить подати. Купечество через некоторое время было также обложено подушной податью, от которой оно освободилось лишь в 1775 г.¹ В общем согласно десятой ревизии около 3 млн. лиц, или около 10,5% населения Европейской России, не платили подушной подати.

Эта финансово-налоговая реформа Петра носила дворянский характер. Обеспечив увеличение государственных доходов, подушная подать усилила феодальный гнет, власть помещиков над крепостными крестьянами, расширила сферу феодально-крепостнических отношений, уничтожила холопство в России как особую форму крепостной зависимости, превратив временных холопов, кабальных людей в потомственных крепостных крестьян.

Украинские казаки, иностранные ремесленники, однопольцы в западных губерниях, колонисты, жители Бессарабии и некоторые другие категории были обложены не подушной, а особыми податями. По мере усиления феодального гнета новые группы населения начинали платить подушную подать; после воссоединения Белоруссии с Россией подушная подать белорусских крестьян составляла 70 коп., причем часть ее уплачивалась мукой.

Характерно, что подушная подать натурой взималась в отдельные периоды и в других местах России: на землях Войска Донского, в Костромской, Ярославской, Тверской и Новгородской губерниях.

Следовательно, натуральные повинности крестьян государству хотя и были заменены, как правило, денежными, тем не менее полностью не исчезли.

В 1765 г. подушная подать распространяется на Юго-Восточную Украину, так называемую Слободскую Украину, а с 1783 г. — на всю Украину, а также на население Остзейского края, платившее ее провиантом и фуражом. Размер подушной подати увеличился с первых

¹ Вместо подушной подати купечество должно было платить в казну 1% с капитала, а с 1812 г. — 4,75% (см.: ПСЗ. Т. XX. № 14516. С. 422).

лет введения бумажной валюты и до крестьянской реформы с 70—80 коп. до 3 р. 30 к., или в 4 раза. Очень быстро росла подушная подать посадско-городского населения.

Характерная особенность налоговой системы эпохи феодализма — известное противоречие между принципами правительственного обложения и «мирской» раскладки. Единицей прямого налогообложения волости, вотчины, поместья в России был земельный участок, двор, «душа». Круговая порука родилась у нас намного раньше введения подушной подати. Размер податей, падавших на определенную единицу, определялся затем путем «разметов» и «разрубов» между отдельными «тяглецами», у которых должно было учитываться состояние хозяйства, в первую очередь земли, число рабочих рук и т. д. Правительство предоставляло посадским людям право подворного обложения, сохранялся принцип раскладки «по торгам», «по промыслам», «по землям» и «по тяглу». Подати по числу «душ», как заявляло правительство, в конце XVIII в. полагаются лишь «для удобства в общем государственном счете». «Разрубы» между посадскими людьми должны были основываться на величине торговых оборотов и промыслов. Вокруг «мирской» раскладки податей развертывалась острейшая классовая борьба между верхами и низами посадов. Подушная подать падала также на всю общину государственных крестьян, на всю деревню помещичьих крестьян и т. д. Внутри общины вносились некоторые коррективы: например, в помещичьих деревнях раскладка подушной подати должна была происходить по распоряжению помещиков, по лучшему «по хозяйственному усмотрению».

Раскладка и сбор податей с черносошных крестьян производились самими крестьянами, выборными старостами, то же самое происходило в посадах. Что же касается уплаты государевых податей владельческими крестьянами, то по мере закрепощения их, особенно на протяжении XVIII в., подати государству уплачивались через посредство феодалов-землевладельцев, что еще больше расширяло права последних. На поместье за невзнос податей, согласно законодательству, мог быть наложен штраф или даже секвестр имения; последняя мера почти никогда не применялась. Приказчики, старосты и выборные за неуплату податей подлежали телесному наказанию и отвечали даже своим имуществом.

Круговая порука действовала всюду: за неуплату налогов отвечало все население общины.

Объектом обложения подушной податью в XVIII в. была ревизская душа — душа мужского пола, независимо от возраста. И лишь у раскольников, плативших двойной оклад подушной подати (одну часть в казну, другую — штраф в синод), облагались податью в половинном размере и лица женского пола¹.

Так как подушная подать устанавливалась в зависимости от числа ревизских душ, крестьянам приходилось платить за малолетних детей (мальчиков), стариков и больных. Кроме того, часто помещики, используя право раскладки податей, заставляли крестьян платить подушную подать, которую должны были внести дворовые люди. Распределялась она крайне неравномерно; например, бедный крестьянин, имевший трех малолетних сыновей, уплачивал в два раза больше зажиточного, имевшего одного взрослого сына. Однако правительство иногда отступало от принципа обложения, разрешая, например, крестьянам Сибири верстаться при подушной подати «по земле и по их тяглам».

Подушная подать, таким образом, обнаружила свою несостоятельность, и уже через несколько лет после введения встал вопрос о ее реформе, так как «не токмо крестьянство, на которое содержание войска наложено, в великой скудности обретается, и от великих податей и непрестанных экзекуций и других не порядков в крайнее и всеконечное разорение приходит; но и прочие дела, яко коммерция, юстиция и монетные дворы, весьма в разоренном состоянии обретаются»².

И. Т. Посошков, резко критикуя подушную подать, предлагал устанавливать налоги в зависимости от величины земельного участка. Через 100 лет Н. И. Тургенев также высказывал мысль о введении вместо подушной подати поземельного налога³.

Предоставление крестьянам права учитывать внутри общества, селения «выгоды от земли» при раскладке подушной подати не устраняло того обстоятельства, что местности, находившиеся в неодинаковых условиях, платили одинаковую подушную подать.

¹ Это положение было отменено в 1782 г. (ПСЗ. Т. XXI. № 15473. С. 634). Раскольники, жившие на границе, всегда платили один оклад подушной подати (ПСЗ. Т. XI. № 8083. С. 98).

² ПСЗ. Т. VII. № 5010. С. 734.

³ См.: Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. М., 1937. С. 69.

Царское правительство пыталось преодолеть недостаток подушной системы, выразившийся в несоответственности налога с доходностью земли, разделением в конце XVIII и начале XIX в. губерний страны на классы. Но и это не устранило затруднений, поскольку в одной и той же губернии при одинаковом размере подушного налога сельские общества имели крайне различное количество земли и притом разного качества.

Комиссия по пересмотру податей накануне крестьянской реформы считала, что недостатком подушной подати было то, что она не давала возможности достигнуть уравнительного распределения сборов между плательщиками в соответствии с их доходами, поскольку налагалась не на доходы или имущество, а прямо на податное лицо.

В 40—50-х годах XIX в. делается попытка при установлении оброчной подати государственных крестьян исходить не из числа душ, а из величины земельных участков в соответствии с их доходностью. В 1845 г. эта система была введена в Петербургской и Воронежской губерниях. В общем оброк с земли и промыслов взимался в 19 губерниях с 3843 тыс. душ государственных крестьян, а с 3508 тыс. человек оброчная подать взималась по старой системе.

Начиная с первого года введения подушной подати и до ее отмены недоимки были неизбежным явлением, увеличиваясь в отдельные годы до особенно высоких размеров, несмотря на самые строгие указы правительства о борьбе с недоимками. Выколачивая из тяглого населения, в первую очередь из забитой деревни, налоги, царское правительство создало специальный доимочный приказ, неоднократно меняло порядок сбора податей, передавая этот сбор иногда из рук гражданских властей в военные. За неуплату податей продавали имущество, наказывали батогами, ссылали.

По указу от 19 мая 1769 г. старост и выборных забирали в случае неуплаты крестьянами подушной недоимки под караул и использовали на тяжелых работах без платежа заработанных денег вплоть до полной уплаты податей; за недоимки податей казенных крестьян отвечало все селение.

Взимание недоимок большею частью по-прежнему сопровождалось «правежом». Н. С. Мордвинов, будучи председателем Государственной экономии, сообщал Государственному совету, что оброки и подушные собира-

ются с употреблением пыток. Круговая порука, отмеченная лишь в начале XX в. (1903 г.), была важнейшим орудием царского правительства при взимании податей. Безнадежные недоимки царское правительство вынуждено было «складывать» особыми «высочайшими указами», приурочивая их к каким-либо политическим событиям: окончанию войны, началу нового царствования и т. д.

На Украине до введения подушной подати во второй половине XVIII в. налоговая система имела свои особенности. Например, доля уплаты натурой там была несколько выше, чем в Великороссии. Казачество в отношении податей было привилегированным сословием. При вступлении в гетманство предатель Мазепа выговорил «ничего не брать в войсковой скарбь с доходов генеральных старшин и всяких знатных особ».

В 1783 г. якобы с целью гарантированного получения доходов была официально закреплена значительная часть украинского крестьянства. Вместо рублевого оклада там вводится оброк по 1 руб. с каждой души мужского пола с посполитых, т. е. с казенных, крестьян, и подушная подать в размере 70 коп. По 70 коп. подушной подати брали с монастырских, церковных и помещичьих крестьян. Согласно этому указу украинское купечество должно было уплачивать «с капиталов, по совести ими объявленных, по одному со 100»¹.

Казакам, мещанам и казенным крестьянам специальным постановлением предоставлялась возможность раскладывать между собой причитавшиеся с них налоги, а в помещичьих деревнях подробная раскладка установленных с крестьян податей оставалась на усмотрении помещиков, поскольку «подати с мещан и крестьян казенного ведомства и помещичьих полагаются по числу душ единственно для удобности в общем государственном счете»².

Постановление с небольшими изменениями было распространено и на Слободскую Украину, Белоруссию, а также Рижскую, Ревельскую и Выборгскую губернии. В Белорусском наместничестве сохранился и налог в натуре — провиантом. В прибалтийских губерниях подушная подать заменила налоги, ранее взимавшиеся с гаков, монталей, гемолтов и пр.

¹ ПСЗ. Т. XXI. № 15724. С. 908.

² Там же. С. 911.

Во второй половине XVIII в. в результате роста налогов обыкновенные доходы бюджета повысились с 18;5 млн. руб. в 1763 г. до 73 млн. в 1796 г. Главную часть доходов давали подушная подать, оброк, питейные, таможенные, соляные сборы и «горные» доходы.

И все же значение подушной подати на протяжении второй половины XVIII и первой половины XIX в. снизилось. Если в год своего введения эта подать давала свыше половины всех доходов государства, то в конце первой четверти XIX в. на ее долю приходилось уже меньше трети доходов, а с учетом чрезвычайных расходов — и того меньше. В последние годы существования она не давала и 10% обыкновенных доходов государственного бюджета. Подушная подать вступала во все большее противоречие с экономическими условиями жизни крестьянства. Поскольку она взималась с мужского населения, а зажиточность крестьян была неодинакова, то по мере роста дифференциации среди крестьянства неравномерность обложения все увеличивалась.

Подушная подать была отменена (кроме Сибири) в 1887 г. Вначале отмена касалась мещан: имелось в виду устанавливать налог в зависимости от недвижимого имущества и величины промыслов. В 1906 г. подушная подать была отменена также в Сибири и вместо нее установлена оброчная подать, которая определялась главным образом исходя из доходности земли (как правило, этот принцип не проводился в жизнь).

Оброчная подать с государственных крестьян, введенная при Петре I, была отменена в 1886 г., причем ее отмена сопровождалась увеличением платежей бывших государственных крестьян под видом перевода их на выкуп. На самом же деле сумма оброчной подати увеличилась на две трети, и крестьянство должно было выплачивать ее в течение 44 лет.

Второе (после подушной подати) место в государственных доходах во второй половине XVIII в. занимали доходы от питейных сборов, давно уже игравшие важную роль в финансовой системе России, хотя иногда и делались попытки ограничить продажу водки. В большей мере питейные доходы получались в форме откупов.

Откупа составляли характерную особенность финансовой системы феодально-крепостнической России на протяжении нескольких столетий. Они были неразрывно связаны с монополией царского правительства на торговлю отдельными товарами и являлись важнейшим

методом первоначального накопления в России. М. Чулков считал, что они, а также подряды играли большую роль, чем торговля¹. На откупках и монополиях нажили колоссальные состояния Строгановы, Шуваловы, Кокоревы, Злобиновы и др.

Среди различных откупов первое место принадлежало винным. Прибыль откупщиков от продажи водки во много раз превышала их платежи в казну. Винные откупа, тяжелейшим образом отражавшиеся на народном хозяйстве и на жизни народа, практиковались и в XIX в.; в 1819—1827 г. откупная система была заменена казенной продажей, но затем откупа были введены вновь, и лишь после крестьянской реформы в 1863 г. им на смену пришла акцизная система. На откупа часто сдавались также таможенные, внутренние и портовые сборы.

Банкир Блюх признавал, что экономические последствия откупов для народа хорошо известны: это, можно сказать, повторное его закрепощение. Финансово-кредитная система царизма, в частности откупная система, подвергалась острой критике со стороны революционных демократов А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского. Огарев в 1856 г. писал: «Мужик вырабатывает хлеб и продает четверть ржи за два целковых. Из этой четверти сделают семь ведер вина и продадут мужику в розничной продаже каждое ведро по семи целковых, т. е. четверть ржи, переделанная в вино, 2 р. переходит в 49 р. Налог невероятный!»²

Значительную статью доходов в бюджет России (как и многих государств) составляли соляные сборы. В конце XVIII в. (1796 г.) этот косвенный налог, уплачиваемый населением, давал свыше 5 млн. руб., т. е. всего лишь на 1 млн. руб. с небольшим меньше доходов от таможенных пошлин.

Во второй половине XVIII в. бюджет России достигал значительных сумм, из них больше половины расходовалось на содержание армии и флота (в 1763 г. — 53%). Затем данная статья расходов несколько уменьшилась (в 1796 г. — 37,4%). Этот период ознаменовался дальнейшим усилением эксплуатации крестьянства и

¹ См.: Чулков М. Историческое описание российской коммерции. М., 1781. Т. I. Кн. I. С. 31.

² Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. I. С. 113.

посадского населения и, как мы видели, значительным ростом налогов. Налоги были совершенно непосильными для населения: даже по официальным данным, «каждый крестьянин, не исключая ни престарелых, ни малолетних, платит от осьми и до десяти рублей»¹.

Круговая порука тяглого сословия, откупа и т. д. — все это были неизбежные атрибуты феодальной финансово-налоговой системы. Того, что финансовое состояние России в начале второй половины XVIII в. было крайне тяжелым, не могла не признать и сама Екатерина II вскоре после своего вступления на престол.

С целью покрытия дефицитов в бюджете прибегали к различным мерам, среди которых были и увеличение цен на водку, и обложение чрезвычайной податью фабрик и заводов, и предложение купечеству (которое до 1775 г. тоже платило подушную подать) откупиться за определенные суммы от подушного оклада, и т. д. Но все это не смогло покрыть дефицит бюджета, составивший за вторую половину XVIII в. свыше 200 млн. руб. Пришлось прибегнуть к новым средствам: выпуску ассигнаций, значительному государственному долгу (внешнему и внутреннему).

Углубление кризиса феодально-крепостного хозяйства в первой половине XIX в., медленный рост производительных сил осложняли финансовое положение страны. К проблеме финансов было приковано внимание передовых русских людей — дворянских революционеров, в частности П. И. Пестеля, Н. И. Тургенева и др. Пестель в программном документе Южного общества декабристов «Русской правде» высказывался за отмену подушной подати и введение прогрессивного подоходно-поимущественного налога. Причина расстройств финансов и денежной системы заключалась в общих условиях экономического и политического развития страны. Разложение крепостничества проявлялось во всех областях экономической жизни, в том числе и в финансово-денежной.

В первой половине XIX в. в стране был глубокий финансовый кризис, унаследованный от предыдущего века. Дефицит бюджета, использование печатного станка для чрезмерного выпуска ассигнаций (способа, испробованного правительством и раньше), огромные

¹ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. I. Ч. II. С. 471—472.

недоимки налогов, свидетельствующие о чрезмерной тяжести налогового пресса для трудящихся, — все эти явления существовали и в России XVIII в. Но усиление кризиса крепостного хозяйства в первой половине XIX в. и войны обострили финансовый кризис. В течение многих лет первой половины XIX в. бюджет был хронически дефицитным. За 1845—1861 гг. дефицит бюджета составил свыше 1 млрд. руб. И вновь, как и раньше, дефицит покрывался в основном путем выпуска во все больших размерах внутренних и внешних займов, а также бумажных денег.

Налоговая политика носила четко выраженный классовый характер: господствующий класс почти не платил налогов, переложив их главным образом на плечи крепостного крестьянства. Составление государственной сметы доходов и расходов находилось в неудовлетворительном состоянии. Господствующий класс скрывал состояние финансов от народа; роспись доходов и расходов не обнародовалась.

Главная часть доходов бюджета приходилась на подати (подушную, оброчную) и налоги (питейный, соляной, таможенный и др.). Перед крестьянской реформой первое место в бюджете (около 30%) стал занимать питейный доход.

По мере развития товарного производства и капиталистических отношений в стране все большее значение приобретали как источники покрытия чрезвычайных расходов выпуск ассигнаций, внешние и внутренние займы. Внешние займы в первой половине XIX в. начинают играть существенную роль в покрытии дефицитов бюджета, поскольку внутренних доходов для этого не хватало, несмотря на жесткие методы выколачивания налогов у основного налогоплательщика — крестьянина.

В 1820 г. царское правительство получает 5%-ный заем у банкиров Берринга в Лондоне и Гоппе в Амстердаме. Через два года Россия предоставил заем Парижский дом Ротшильда на тех же условиях; первый заем дал 27,3 млн. руб. серебром, а второй — 31,2 млн. Голландские банкиры кредитовали царское правительство еще в 1828, 1831 и 1832 гг. В 1842 и 1843 гг., согласно указам, были выпущены еще два внешних займа по 8 млн. руб. серебром, первый из которых предназначался для строительства Петербургско-Московской железной дороги. Неурожай во многих губерниях России, крупные расхо-

ды, связанные с интервенцией Николая I в Венгрию, еще больше расстроили финансы. Царское правительство наряду с выпуском бумажных денег добывается нового внешнего займа.

Дорого обошлась России Крымская война: дефицит бюджета за четыре года войны составил 797 млн. руб. Во время войны правительство пыталось получать внешние займы. В 1854 г. был заключен договор на заем в 50 млн. руб., а в следующем году опять пришлось прибегнуть к внешнему займу.

В общем на протяжении первой половины XIX в. государственный долг России непрерывно возрастал не только абсолютно, но и по отношению к размеру бюджета. Если в начале XIX в. сумма государственного долга (внутренние и внешние займы, ассигнации) равнялась почти четырем годовым бюджетам России, то накануне крестьянской реформы государственный долг превышал ежегодный бюджет уже примерно в восемь раз. В результате уплата процентов поглощала в отдельные периоды от 10 до 20 % бюджета, а в 1860 г. платежи по государственным долгам равнялись уже 26,6% бюджета.

Огромных расходов требовали армия и флот. В 1804 г. из 122 млн. руб. бюджета по этой статье было израсходовано почти 53 млн., в 1812 г. из 342 млн. руб. — 184 млн., в 1813 г. из 423 млн. руб. — 285 млн.; в 1855 г. из 526 млн. руб. — 270 млн. Русский народ одержал в Отечественной войне 1812 года величайшую в своей истории победу, но в финансово-экономическом отношении страна была крайне разорена. Специальные военные расходы на Отечественную войну 1812 г. равнялись 157 млн. руб. ассигнациями¹, а расходы по бюджету на армию и флот составили за три года (1812—1814) 769 млн. руб. ассигнациями, т. е. война стоила, не считая других колоссальных потерь, свыше 900 млн. руб.; она сильно ухудшила состояние народного хозяйства страны.

Финансы страны были расстроены; царскому правительству пришлось ввести новый подоходный налог — «процентный сбор с доходов от недвижимых имений» (однако он не оправдал возлагавшихся на него надежд и был отменен в 1820 г. из-за больших недоимок по налогу у дворянства).

¹ См.: Русский архив. 1874. № 9. С. 735.

В условиях хронического дефицита бюджета и при огромной потребности в деньгах, вызванных войнами, царское правительство продолжало сверх меры для покрытия дефицитов использовать печатный станок. Положение усугублялось еще и тем, что войска Наполеона ввезли в Россию немало фальшивых ассигнаций. Выпуск бумажных денег пагубно отражался на народном хозяйстве. В целях поддержания курса ассигнаций правительство ввело их принудительное обращение. Налоги и недоимки стали взиматься ассигнациями по 2 руб. за 1 руб., различные доходы (таможенные, лесные и др.) — по 3 руб. за 1 руб. серебром; все платежи между частными лицами должны были совершаться ассигнациями.

Тяжелое финансовое положение в России в первой половине XIX в. было одним из показателей разложения крепостного хозяйства. Потребности экономического развития требовали создания нового механизма обмена, новой финансовой, денежно-кредитной системы, уничтожения феодально-крепостнических отношений, тормозивших рост производительных сил в стране.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

V век до н. э.	Сведения о славянах у Геродота
I—II вв. н. э.	Более подробные сведения о славянах (венедах) римских писателей
II—IV вв.	Обособление славян на западных и восточных
VI в.	Первые государственно-политические объединения восточных славян
860	Нападение Руси на Константинополь
862	Летописное сказание о начале восточнославянского государства
882	Перенесение столицы в Киев
907	Договор Олега с греками
911	Второй договор Олега с греками
913	Поход Игоря на Каспийское побережье Закавказья
941	Поход Игоря в Константинополь
944	Договор Игоря с греками
965	Завоевание Святославом Таманского полуострова и основание Тмутараканского княжества
966	Поход Святослава в Хазарию и разгром хазар
968	Поход Святослава на Дунай
969	Печенеги в южнорусских степях и нападение их на Киев
971	Договор Святослава с греками
80-е гг. X в. н. э.	Принятие христианства на Руси
1024	Первое летописное упоминание о Суздалье в Лаврентьевской летописи
1025	Предание об основании Ярославля
1034	Осада Киева печенегами и разгром их Ярославом
1054	Начало феодального раздробления Киевского государства
1068	Нашествие половцев на Киевское государство
1108	Летописное сказание об основании Владимира
Около 1113	Уставы Владимира Мономаха о «резах» и закупах
1147	Первое упоминание о Москве
1169	Взятие Киева Андреем Боголюбским и перенесение столицы в Суздаль

1185	Поход против половцев Игоря Святославича (около 1188 г. «Слово о полку Игореве»)
1209	Первое упоминание о Твери
1221	Основание Нижнего Новгорода
1223	Нашествие монголов на Русь и битва на реке Калке
1237	Нашествие Батые на Русь и начало монголо-татарского ига (1237—1480)
1237	Взятие татарами Рязани
1239	Взятие татарами Москвы, Владимира, Суздаля
1240	Победа князя Александра над шведами на реке Неве
1240	Взятие Киева татарами
1242	«Ледовое побоище» и разгром русскими немцев
1246	Первая татарская перепись населения в Киевской и Черниговской земле
1252	Москва — самостоятельное феодально-вотчинное княжество
1255—1256	Татарская перепись населения в Суздальской земле
1257—1258	Татарская перепись населения в Новгородской земле (повторная в 1273 г.)
1302	Присоединение Переяславля к Москве
1307	Присоединение Литвой Полоцкой земли
1320	Присоединение Литвой Витебского княжества
1340	Захват Червонной Руси Польшей
1349	Захват Галицкого княжества Польшей
1362	Взятие Киева и завоевание Киевской и Подольской земли Литвой
1380	Куликовская битва русских с татарами
1382	Взятие Москвы татарским ханом Тохтамышем
1406—1408	Война Московского княжества с Литвой
1463	Присоединение Ярославского княжества к Москве
1468	Походы Москвы в Башкирию
1472	Присоединение к Москве Пермской земли
1478	Присоединение Новгорода и новгородских земель к Москве
1480	Свержение татарского ига Русским государством
1482	Нашествие крымского хана Менгли-Гирея на Киев
1485	Присоединение Твери к Москве
1497	«Судебник» Ивана III
1510	Присоединение Пскова к Москве
1514	Взятие Смоленска московскими войсками
1520	Присоединение Рязани к Москве
1523	Присоединение Северского княжества к Москве
1550	Судебник Ивана IV
1552	Завоевание Казани Иваном IV
1553	Начало книгопечатания в России (И. Федоров в Москве)

1555	Образование в Англии Русской торговой компании и выдача привилегий ей на торговлю в Русском государстве
1555	Отмена «кормлений» в Московском государстве
1555	«Уложение о службе с вотчин и поместий»
1556	Покорение Астрахани
1558	Начало торговли с Англией
1558—1583	Ливонская война Ивана IV
1564	Выход первой печатной книги в Москве
1565	Введение опричнины
1567	Расширение привилегий Английской торговой компании
1569	Разрешение англичанам устроить железный завод в Сольвычегодском уезде
1570	Поход Ивана IV на Новгород
1570—1574	Проникновение русских в Западную Сибирь
1571—1572	Набеги крымского хана Девлет-Гирея на Москву
1577	Начало голландской торговли с Москвой через Белое море
1580	Постановление церковного собора об ограничении монастырского землевладения
1581	Первый известный заповедный год
1582	Завоевание Сибирского царства Кучума Ермаком
1584	Основание Архангельска
1584	Соборное уложение об отмене тарханов на церковных землях
1586	Основание Уфы, Самары, Тюмени, Воронежа
1587	Основание Тобольска
1589	Судебник царя Федора Ивановича
1593	Основание Белгорода, Оскола, Березова
1594	Поездка послов хана Тевеккеля в Москву с просьбой о принятии казахов в подданство России
1596	Основание Нарыма
1597	Указы о служилых кабалах и о кабальных холопах и о беглых крестьянах
1598	Прекращение династии Рюриковичей
1601—1602	Временное и частичное восстановление права отхода крестьян
1601—1603	Голодные годы в царствование Бориса Годунова
1604	Основание Томска
1604	Прибытие первых торговых кораблей из Гамбурга в Архангельск
1605—1609	Указы о колонизации Сибири «пашенными» и «охочими» людьми
1606	Боярский приговор о кабальном холопстве
1606—1607	Восстание крестьян под предводительством Болотникова
1607	Указы об установлении 15-летней давности для исков о беглых крестьянах (9 марта) и о «добровольных» холопах (7 марта)

1607—1608	Первые известия о металлообрабатывающей промышленности в селе Павлове
1609	Указ Шуйского о кабальных и бескабальных холопах
1609	Приговор Боярской думы об отмене указа о холопах 7 марта 1607 г.
1619	Основание Енисейска
1619	Постановление о производстве первой поземельной переписи в Русском государстве
1621	Первые выписки из-за границы мастеров-«рудознатцев»
1621	Посольство царей Имеретии и Гурии к московскому царю Михаилу
1625—1638	Казацкие восстания против Польши
1627	Указ о запрещении раздач и отчуждений дворцовых земель
1628	Основание Красноярска
1630	Устройство первого в Зауралье (около Ирбита) железного завода
1632	Основание Якутска
1632	Основание Тульского железоделательного завода Винниуса
1633	Открытие медных месторождений в верховьях реки Камы и устройство первого медеплавильного завода
1634	Разрешение иностранцу Коэтсу устройства стекольного завода
1637	Взятие Азова казаками
1637	Первое посольство Москвы в Китай
1638	Начало заселения Слободской Украины
1643—1646	Экспедиция Пояркова на Алдан и Амур
1644	Разрешение на устройство Марселиусом и Акемой железоделательных заводов по рекам Ваге, Шексне и Костроме
1646	Перепись населения Русского государства (по «живущей четверти»)
1646	Налог на соль и «соляной бунт» в Москве в 1648 г.
1648	Экспедиция Дежнева и Алексеева на Анадырь и до Охотского моря
1649—1652	Экспедиция Хабарова на Амур
1649	Отмена привилегий англичанам о беспошлинной торговле в Русском государстве
1649	Соборное уложение царя Алексея Михайловича
1649	Отмена «урочных годов» и окончательное прикрепление крестьян
1650	Присяга имеретинского царя Александра на подданство Москве
1651	Постройка Морозовым железоделательного завода на реке Истре под Москвой
1652	Устройство в Москве иноземной слободы из иностранных мастеров
1653	Основание Читы
1654	Выпуск медных денег (на 4 млн. руб.)
1654	«Торговая уставная грамота»

1654	Воссоединение Украины с Россией
1654	Основание в Слободской Украине Харькова
1655—1656	Устройство Милославским Протвинского железодельного завода
1655	Устройство бумажной «мельницы» на реке Пахре
1660—1667	Медноденежный кризис вследствие чеканки неполноценной медной монеты
1661	Основание Иркутска
1662	Восстание в Москве, так называемый «медный бунт» (25 июля)
1666	Учреждение почты в России
1666	Производство разведок медной руды в Олонецком уезде
1667	Трактат о торговле с Персией
1667	Прекращение чеканки медной монеты и выпуск серебряной
1667	Андрусовский мир Москвы с Польшей
1667	«Новоторговый устав»
1667	Устройство Тумашевым железодельного завода на реке Нейве
1668	Постройка железодельного Вепрейского завода (Тульский район)
1670—1671	Крестьянская война под руководством Степана Разина
1678—1679	Постройка двух железных заводов (Бутенанта и Марселиуса-сына) в Заонежье
1680	Первый государственный бюджет Русского государства
1681	Устройство иностранным мастером Паульсоном бархатной и шелковой мануфактуры в Москве
1682	Отмена местничества
1686	Начало регулярного войска в России
1687—1689	Крымские походы
1689	Нерчинский договор с Китаем
1694	Устройство купцом Аристовым железодельного завода у реки Белый Колодец
1695	Начало морского флота в России
1695—1696	Азовские походы Петра I и взятие Азова
1697	Присоединение Камчатки и основание Верхне-Камчатска
1697—1698	Первое путешествие Петра I за границу
1698	Начало петровских преобразований
1698	Выписка иностранных мастеров на металлургические заводы
1699	Учреждение «земских изб» в городах для заведования повинностями, лежащими «на купецких и промышленных людях»
1699	Запрещение крестьянам заниматься торговлей и промышленностью без записи в посады
1699	Введение гербового сбора
1699	Устройство Виниусом первого на Урале доменного железного завода на реке Нейве
1700	Начало нового летосчисления (с 1 января)

1700	Второй на Урале Каменский завод
1700—1721	Северная война России со Швецией
1700	Начало разработки Нерчинских серебро-свинцовых рудников
1702—1704	Устройство третьего на Урале Уктусского железоделательного завода
1702	Указ о выписке иностранных мастеров
1703	Указ о воспрещении вырубki лесов на сплавных реках
1703	Устройство на Урале Алапаевского железоделательного завода
1703	Основание Петербурга
1703	Начало сооружения Вышневолоцкого канала (открыт в 1709 г.)
1703	Первая в России биржа (купеческие собрания) в Петербурге
1703	Первая газета в России («Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти»)
1705	Казенная монополия на продажу соли
1705	Казенная монополия на продажу табака
1707—1708	Булавинское восстание
1709	Полтавская битва
1710	Перепись населения (подворно-податная)
1710	Присоединение Эстонии к Российской Империи
1711	Денежная реформа Петра I (чеканка золотой, серебряной и медной монеты)
1711	Указ о передаче казенных полотняных заводов в Москве компании Туркина, Цынбальщикова и др.
1712	Указ об организации торгово-промышленных компаний
1712	Учреждение Коллегиума о коммерции в Москве
1712	Указ о введении откупной системы по продаже водки
1712	Указ Петра I об устройстве Оружейного двора в Туле
1712	Устройство Литейного двора в Петербурге
1713	Перенесение столицы из Москвы в Петербург
1714	Указ о единонаследии
1714	Основание Сестрорецкого оружейного завода
1715—1717	Экспедиции в Среднюю Азию
1716	Основание Омска
1716	Устройство железоделательного завода Демидовым на реке Тагиле
1717	Устройство Меншиковым табачной фабрики на Украине
1717	Экспедиция в Хиву
1718	Основание Семипалатинска
1718	Привилегия купцу П. Вестову на устройство в Москве сахарных заводов
1718	Устройство казенной Дудоровской бумажной «мельницы» в Петербурге

- 1718 Указ о первой ревизии в России (производилась в 1719—1722 гг.)
- 1718 Начало постройки Ладожского канала (окончен в 1731 г.)
- 1719 Учреждение Мануфактур-коллегии
- 1719 Выделение Берг-коллегии и ее регламент (так называемая «Берг-привилегия»)
- 1719 Учреждение инструкции о Коммерц-коллегии
- 1719 Сокращение казенных торговых монополий
- 1719 Привилегия на устройство скипидарных, канифольных заводов
- 1719 Устройство сахарного завода в Петербурге
- 1720 Указ об уравнивании в правах иностранцев с русскими в горной промышленности
- 1720 Указ о запрещении заводчикам держать рабочих «без записей»
- 1720 Устройство суконной фабрики Щеголина с К^о и Докучаева
- 1720 Выход книги И. Т. Посошкова «О скудости и богатстве»
- 1721 Ништадтский мир России со Швецией (присоединение Прибалтики)
- 1721 Указ о разрешении купцам наравне с дворянами покупать к заводам крестьян
- 1721 Указ об освобождении заводчиков от «градских служб»
- 1721 Организация государственной почты
- 1722 Учреждение гильдий и цехов
- 1722 Запрещение возвращать владельцам беглых крестьян, работающих на предпрятиях
- 1722—1727 Первая Малороссийская коллегия
- 1723 Устройство тростникового сахарного завода в Москве
- 1723 Правила «заповедности» лесов и лесоразведения в России
- 1723—1725 Постройка казенных медеплавильных заводов на Урале
- 1723 Появление в России плющильных машин в железодельном производстве
- 1724 Введение подушной подати
- 1724 Введение оброчной подати с государственных крестьян
- 1724 Таможенный тариф с покровительственными ставками
- 1724 Учреждение компании для торговли с Испанией
- 1724 Объявление всех башкирских лесов на Урале казенными
- 1725 Устройство Демидовым Нижнетагильского железодельного завода
- 1725 Устройство Демидовым первого на Алтае Кольванско-Воскресенского медного завода
- 1725 Открытие Академии наук
- 1725—1729 Арктическая экспедиция Беринга (вторая — в 1732—1743 гг.)

1726	Лишение крепостных крестьян права свободно уходить на промыслы
1729	Издание Вексельного устава
1729	Отмена правил Петра I о заповедности лесов
1730	Отмена указа Петра I о единонаследии
1730	Начало крестьянского движения в Правобережной Украине («гайдамачество»)
1730—1736	Начало железных и медных разработок на Енисее
1730—1740	Присоединение Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областей
1731	Лишение крепостных крестьян права брать откупа и подряды
1731	Соединение Мануфактур-коллегии с Берг-коллегией
1731	Новый (льготный) таможенный тариф
1731	Казахстанский хан среднего жуза Семеке принял Российское подданство
1732—1743	Академическая экспедиция в Сибирь академика Гмелина
1734	Заключение «Трактата дружбы и коммерции» между Россией и Англией (возобновлен в 1766 г.)
1734	Запрещение крестьянам заводить суконные фабрики
1735—1738	Устройство железодельных заводов у горы Благодать
1735	Основание Оренбурга и башкирские восстания
1736	Указ о «вечном закреплении» рабочих мастеровых на мануфактурах
1736	Указ о принудительной отдаче в работу на предприятия нищих, бродяг и пр.
1736	Указ о запрещении фабрикантам приобретать деревни с землей
1738	Издание первого в России руководства по сельскохозяйственной экономии
1739	Основание Барнаула
1739	Указ о передаче казенных горных заводов в частные руки
1740	Основание Петропавловска-Камчатского
1740	Хан среднего жуза Абулмамбет и султан Аблай приняли Российское подданство
1741	«Работные регулы» (законодательные правила о работах на мануфактурах)
1742	Указ о восстановлении свободы перехода посполитых крестьян на Украине
1742	Восстановление Мануфактур-коллегии и Берг-коллегии
1742	Указ о второй ревизии (производилась в 1744—1747 гг.)
1742	Указ о включении в подушный оклад фабричных крестьян
1744	Основание третьего на Алтае Шульбинского железодельного завода

- 1745—1750 Устройство первых на Южном Урале и в Башкирии железоделательных и медных заводов (Воскресенского — 1745 г., Преображенского — в 1750 г., Каслинского, Каштымского и др.)
- 1746 Запрещение недворянам покупать крепостных крестьян
- 1747 Переоборудование алтайских медеплавильных заводов Демидова на выплавку серебра
- 1747 Разрешение фабрикантам покупать деревни к фабрикам
- 1747 Выдача монополии на производство пуховых шляп в Московской губернии Черникову и Сафьянову
- 1748 Крупнейшая монополия графа П. И. Шувалова на беломорские рыбные промыслы и гороблагодатские железоделательные заводы
- 1750—1754 Начало разведок золота и добычи его в Екатеринбургском районе (Березовский завод)
- 1752 Установление норм приписки крестьян и рабочих к фабрикам и заводам по расчету на один стан
- 1753 Указ об отмене внутренних таможен (с 1 апреля 1754 г.)
- 1753 Привилегия английским предпринимателям Козенсу и Чемберлену на первую в России ситценабивную фабрику (начала работать в 1755 г.)
- 1754 Указ об учреждении первого коммерческого («Купеческого») банка в России
- 1754 Указ о запрещении фабрикантами «безуказного» производства
- 1754 Учреждение государственных дворянских заемных банков
- 1755 Новый таможенный устав
- 1755 «Медная» денежная реформа Шувалова
- 1755 Организация Русского торгового общества для торговли с Персией
- 1755 Выдача привилегии по выделке обоев иностранцу Ботлеру
- 1755 Основание Московского университета
- 1757 Введение нового таможенного тарифа
- 1757 Учреждение первой в России акционерной «Российской в Константинополе торгующей компании»
- 1757 Учреждение банковых контор в городах России для вексельных переводов
- 1758 Учреждение второй акционерной «Компании персидского торгова»
- 1758 Учреждение Медного банка в России по обороту с медными деньгами
- 1758 «Провиантские регулы» (правила) о закупке хлеба для армии
- 1758 Установление монополии винокурения для дворян-помещиков

1760	«Универсал» гетмана Разумовского об ограничении перехода крепостных на Украине
1760	Указ о предоставлении помещикам права ссылать крепостных крестьян в Сибирь
1761	Лишение крепостных права обязываться векселями
1762	Манифест Петра III 18 февраля о «вольности дворянства в России»
1762	Указ о секуляризации церковных имений
1762	Запрещение недворянам покупать к фабрикам крестьян
1762	Первые указы о свободной для всех торговле
1762	Первые проекты росписей государственных доходов
1762	Указ о третьей ревизии (1763—1765)
1762—1763	Отмена привилегий «указных фабрикантов»
1763	Разрешение иностранцам покупать крепостных к фабрикам
1763	Манифест об отводе земель иностранцам для хлебопашества
1763	Подтверждение ограничения права перехода крепостных по гетманскому универсалу в 1760 г.
1763	Устройство Лиманом ситценабивной фабрики в Шлиссельбурге (вторая в России)
1763	Устройство Ползуновым «огневой машины»
1764	Уничтожение гетманства и вторая Малороссийская коллегия
1764	Повышение соляного налога для покрытия бюджетного дефицита
1764	Секуляризация церковных имений и отобраение у церкви крепостных («экономических») крестьян
1765	Учреждение Вольного экономического общества в России
1765	Манифест о производстве генерального межевания
1765	Устав о винокурении и введении дворянской монополии на винокурение
1765	Указ о праве помещиков ссылать крепостных на каторжные работы
1766	Присоединение Алеутских островов
1766	Новый таможенный тариф
1767	Екатерининская комиссия для сочинения проекта нового уложения
1767	Первые сенатские указы о разрешении всем заводить ткацкие станы и заниматься промыслами
1767	Запрещение крестьянам подачи жалоб на своих помещиков
1767	Введение откупной системы на продажу водки (кроме Сибири)
1768	Восстание гайдамаков (колиивщина)
1768—1773	Экспедиция академика Палласа
1768—1774	Русско-турецкая война

- 1769 Учреждение двух разменных банков
 1769 Начало выпуска ассигнаций в России
 1769 Первый внешний государственный заем в Амстердаме
 1770 Второй внешний государственный заем в Генуе
 1771 Запрещение продажи крепостных с публичного торга за долги помещика
 1771 Чума в Москве
 1772 Первый раздел Польши и воссоединение с Россией части Белоруссии
 1772 Открыты ссудные и сохранные казны (кассы) краткосрочного кредита
 1773—1775 Крестьянская война под руководством Пугачева
 1773 Устройство Славянской ситцевой и выбойчатой фабрики Е. Шейдемановой
 1773 Основание Александровского пушечного завода в Петрозаводске (1774 г.)
 1774 Кучук-Кайнарджийский мир России с Турцией
 1774 Открытие первого высшего горного училища в Петербурге
 1775 Уничтожение Запорожской Сечи
 1775 Организация учреждений для управления губерний
 1775 Установление общего гильдейского сбора с купечества
 1775 Открытие в губернских городах приказов общественного призрения (ломбардов)
 1775 Льготный таможенный тариф для черноморских портов
 1775 Манифест о свободном заведении промышленных предприятий
 1775 Отмена промышленных и торговых монополий
 1775 Постройка медеплавильного Миасского завода
 1777 Основание Екатеринослава
 1779 Уничтожение Мануфактур-коллегии
 1781 Учреждение почтового департамента и установление единообразной почтовой таксы
 1781 Манифест о четвертой ревизии (1781—1783)
 1782 Закрытие учрежденного в 1754 г. Коммерческого (купеческого) банка
 1782 Манифест 28 июня об уничтожении горной регалии и признании права собственности на недра за владельцем земли
 1782 Новый таможенный тариф и запрещение ввоза ряда изделий
 1783 Окончательное утверждение крепостного права на Украине
 1783 Присоединение Крыма к России
 1783 Признание Грузией вассальной зависимости от России
 1784 Основание русских поселений на Аляске

1785	«Жалованная грамота дворянству» и «Грамота городам» Екатерины II
1785	Городовое положение
1785	Ремесленное положение
1786	Закрытие учрежденных в 1754 г. дворянских заемных банков
1786	Объединение учрежденных в 1769 г. разменных банков в Ассигнационный банк
1786	Учреждение Государственного заемного банка для ссуд под залог недвижимостей
1786	Секуляризация на Украине церковных и монастырских имений
1787	Торговый договор с Францией
1787—1792	Издание первой в России экономической энциклопедии «Коммерческий словарь» Левшина
1790	Построена иностранцем Госкойном первая в России паровая машина по типу Уатта
1790	Открытие каменного угля на юге
1791	Начало завоеваний Кабарды
1792	Восстановление отмененной в 1771 г. продажи крепостных с публичного торга
1793	Второй раздел Польши
1794	Указ о пятой ревизии (1794—1796)
1794	Основание Одессы
1795	Третий раздел Польши
1795	Присоединение к России Литвы
1796	Образование Малороссийской губернии и распространение на нее крепостного права
1797	Высокопровицельственный таможенный тариф
1797	Установление (в манифесте 5 апреля) «трехдневной барщины»
1797	Образование особой группы «удельных» крестьян
1797	Торговый договор с Англией
1797	Волнения крестьян в ряде губерний
1798	Волнения рабочих на Казанской суконной фабрике
1798	Разрешение покупать крестьян к промышленным предприятиям
1799	Учреждение первого в России торгово-колонического акционерного общества Российско-Американской компании
1799	«Устав о цехах»
1800	Повышение ставок таможенного тарифа 1797 г.
1801	Присоединение Грузии к России
1801	Запрещение продажи крепостных без земли
1801	Манифест о поощрении и выдаче привилегий изобретателям
1801	Предоставление купечеству и мещанству права покупки незаселенных земель
1802	Разрешение заводить частные типографии
1802	Первые опыты производства сельскохозяйственных машин в Москве Вильсоном

1802	Учреждение министерств
1802	Открытие свеклосахарного завода в Туле Бланкенагелем
1803	Правила о фабричных работах и о правах владельцев посессионных фабрик
1803	Указ о свободных хлебопашцах
1803	Присоединение Мингрелии к России
1804	Указ об ограничении наказаний крестьян помещиками
1804	Завоевание Ганджинского ханства
1805	Завоевание Карабахского, Ширванского и Шухинского ханств
1805	Первый паровой двигатель и машины в хлоп- чатобумажном производстве
1806	Присоединение Дагестана и Баку к России
1807	Присоединение России к континентальной системе
1807	Отмена крепостного права в бывшем герцог- стве Варшавском
1808	Первая частная бумагопрядильная фабрика
1809	Присоединение Финляндии
1809	Первые установки английских прядильных машин на Александровской мануфактуре
1810	Введение запретительного таможенного тари- фа
1810	Присоединение Имеретии и Абхазии
1811	Манифест о шестой ревизии (1811—1812)
1812	Нашествие Наполеона на Россию
1812	Разрешение частным лицам горных разведок на золото на Урале
1813	Построен первый пароход в России на петер- бургском заводе Бержа
1814	Основание Гурьевского сереброплавильного завода (близ Барнаула)
1814	Наибольшее падение курса бумажного рубля (20 коп. серебром)
1815	Волнения рабочих на мануфактурах Тамбов- ской и Ярославской губерний
1815	Крестьянские волнения в Полтавской, Кур- ской и Оренбургской губерниях
1815	Присоединение к России Варшавского герцог- ства
1815	Манифест о седьмой ревизии (1815—1817)
1816	Учреждение военных поселений Аракчеева
1816	Отмена крепостного права в Эстляндской гу- бернии
1816	Новый, частью запретительный, таможенный тариф
1817	Учреждение Государственного коммерческого банка
1817	Начало постройки шоссейных дорог (Моск- ва — Петербург)
1817	Мероприятия к сокращению количества ассиг- наций путем займов
1817	Перенесение Макарьевской ярмарки в Ниж- ний Новгород

- 1817 Привилегия заводу Берда на строительство пароходов
- 1817 Возврат от откупной системы к казенной винной монополии
- 1818 Отмена крепостного права в Курляндской губернии
- 1819 Новый (фритредерский) таможенный тариф
- 1819 Отмена крепостного права в Лифляндской губернии
- 1820 Первые заводы сельскохозяйственных машин Полторацкого
- 1820 Государственный внешний заем в Англии и Голландии на 40 млн. руб.
- 1821 Введение откупов на казенные нефтяные промыслы
- 1822 Освобождение ввоза иностранного хлопка от таможенного обложения
- 1822 Государственный внешний заем (у Ротшильда) на 43 млн. руб.
- 1822 Новый таможенный тариф с возвратом к системе запрещений
- 1823 Первый в мире керосиновый завод в Моздоке
- 1824 Предоставление владельцам посессионных фабрик права отпускать крестьян на волю
- 1825 Воспрещение отдачи помещиками крепостных в наем на фабрики «разночинцев»
- 1825 Восстание декабристов (14 декабря)
- 1825 Устройство завода сельскохозяйственных машин Вильсоном в Москве
- 1825 Присоединение Кабарды и Балкарии
- 1826 Появление прокатных станков для выделки железа (Александровский завод)
- 1826—1828 Война России с Персией
- 1826 Установление военных судов для дел о крестьянских восстаниях (за 1826—1834 гг. зарегистрировано 148 восстаний)
- 1826 Крестьянские волнения зарегистрированы в 26 губерниях
- 1827 Первое акционерное Российское страховое от огня общество
- 1827 Возврат к системе винных откупов
- 1828 Присоединение Карачая
- 1828 Вхождение Армении в состав России (ханства Эриванское и Нахичеванское)
- 1828 Учреждение Петербургского технологического института
- 1828—1829 Война России с Турцией
- 1829 Андрианопольский мир и присоединение Ахалцыха и Ахалкалаки
- 1829 Первая всероссийская мануфактурная выставка
- 1829 Учреждение Общества сельского хозяйства южной России
- 1830 Волнения и восстания в ряде городов и губерний
- 1830 Восстание в Польше

1830—1835	Первые ткацкие и прядильные механические фабрики (Волкова и др.)
1831	Устройство завода сельскохозяйственных машин братьев Бутенапов
1831	Отмена льготного таможенного тарифа для Закавказья
1832	Закон о «землеустройстве» башкир
1832	Крестьянские волнения в Воронежской, Рязанской, Саратовской и Пензенской губерниях
1832	Торговое соглашение с США
1833	Манифест о восьмой ревизии (1833—1834)
1833	Запрещение продажи крепостных с публично-торга
1833	Постройка Черепановым первого в России паровоза
1834	Волнения рабочих Купавинской мануфактуры в Богородском уезде
1835—1844	Зарегистрировано 216 крестьянских восстаний
1835	Положение о единой системе мер и весов
1835	Первые телеграфные линии системы Шиллинга в Петербурге
1835	Учреждение второго акционерного Российского страхового от огня общества
1835	Учреждение Российского общества страхования капиталов и доходов
1835	Крепостное фабричное законодательство: «Положение об отношениях между фабрикантами и рабочими»
1836	Предоставление частной акционерной компании постройки Царскосельской железной дороги (открыта в 1838 г.)
1836	Первые опыты применения горячего дутья (на Выксунском заводе Нижегородской губернии)
1837	Волнения рабочих на предприятиях Тульской губернии
1839	Манифест о восстановлении серебряной валюты
1839	Первые установки самопишущих телеграфов системы Якоби (русский изобретатель) в Петербурге
1840, 18 июня	Правила об увольнении посессионных рабочих и о посессионных фабриках
1841	Выпуск кредитных билетов
1841	Запрещение продажи крестьян в розницу
1841	Вооруженное восстание в Гурии
1842	Указ об обязанных крестьянах
1842	Открытие Зининым анилина
1843	Изъятие ассигнаций
1843	Закрытие Ассигнационного банка
1843	Первая телеграфная линия в России (Петербург — Царское Село)
1843	Разрешение свободы пароходства по всем рекам России
1843	Запрещение покупки крестьян безземельными дворянами

1843—1848	Постройка Варшавско-Венской железной дороги
1844	Учреждение акционерного Российского общества морского, речного, сухопутного страхования и транспортирования кладей и товарных складов
1844	Волнения рабочих на Вознесенской мануфактуре в Москве
1844	Волнения крестьян в разных губерниях
1844	Разрешение помещикам отпускать на волю дворовых без земли
1844—1845	Введение «инвентарей» в помещичьих имениях Белоруссии
1845	Открытие залежей каменного угля в Ткибули
1845—1854	Зарегистрировано 348 крестьянских восстаний
1846	Механическая бумаготкацкая фабрика в Шуе
1846	Отмена «хлебных законов» в Англии и увеличение русского хлебного экспорта
1846	Конвенция о торговле и мореплавании с Австрией
1847	Предоставление крестьянам права выкупа на свободу с землей при продаже имений за долги помещика
1847	Открытие Якоби электролитического способа рафинации меди
1847	Правила о введении «инвентарей» в Киевском генерал-губернаторстве
1847—1851	Постройка железной дороги между Петербургом и Москвой (открыта в 1851 г.)
1848	Предоставление крестьянам права приобретать недвижимую собственность
1848	Волнения крестьян в ряде губерний
1851—1858	Постройка железной дороги между Петербургом и Варшавой (открыта в 1859 г.)
1851	Волнения крестьян в ряде губерний
1852	Распространение правил об инвентарях на Литву и Белоруссию
1853	Первый подводный телеграфный кабель в России (Петербург — Кронштадт)
1853—1856	Крымская война
1855—1861	Зарегистрировано 474 крестьянских восстания
1856	Парижский мир (лишение России права держать военный флот на Черном море)
1856	Основание Благовещенска на реке Амур
1857, 3 января	Начало коммерческого пароходства на Черном море
1857	Первое заседание Особого секретного комитета о безотлагательной выработке плана постепенного освобождения крестьян
1857	Прекращение размена кредитных билетов на звонкую монету
1857	Крестьянские восстания в Мингрелии и в губерниях Кутаисской, Владимирской, Нижегородской, Саратовской и др.

- 1857 Рескрипт 20 ноября виленскому генерал-губернатору Назимову (официальное начало крестьянской реформы)
- 1857 Концессия акционерного «Главного общества российских железных дорог»
- 1857 Первые опыты бессемеровского способа продувки чугуна (на Всеволодовильвенском заводе)
- 1857 Умеренно-либеральный таможенный тариф
- 1857 Торговый договор с Францией
- 1858—1859 Десятая ревизия
- 1858, 8 января Образование Главного комитета по крестьянскому делу
- 1858 Айгунский договор
- 1858 Основание Хабаровска на реке Амур
- 1858 Торговые договоры с Англией (действовал до 1914 г.) и с Бельгией
- 1858 Установление единообразного почтового тарифа
- 1858 Присоединение Чечни
- 1858 Волнения крестьян в Петербургской, Нижегородской, Подольской, Самарской, Саратовской, Калужской, Рязанской, Тульской губерниях и др.
- 1859, 17 февраля Учреждение редакционных комиссий для разработки проекта положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости
- 1859 Учреждение комиссии по пересмотру системы податей и налогов
- 1859 Первые опыты выплавки чугуна на коксе (на Бахмутском казенном заводе)
- 1859 Волнения крестьян в ряде губерний
- 1860 Пекинский договор и присоединение к России Уссурийского края
- 1860 Учреждение Государственного банка
- 1860 Основание Владивостока
- 1860 Первые маслодельные артели в Тверской и Ярославской губерниях
- 1860, 10 октября Окончание работ редакционных комиссий по выработке положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, и передача проекта в Главный комитет по крестьянскому делу
- 1861, 28 января Начало рассмотрения в Государственном совете проекта положения о крестьянах
- 1861, 19 февраля Подписание Александром II «Положения о крестьянах»
- 1861, 5 марта Опубликование манифеста о крестьянской реформе

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая. Первобытно-общинный строй	4
Глава вторая. Развитие феодально-крепостнического способа производства	15
Глава третья. Феодальная собственность на землю	42
Глава четвертая. Феодальная рента	64
Глава пятая. Промышленность эпохи феодализма (домашняя промышленность, ремесло, мелкотоварное производство, мануфактура и фабрика)	87
Глава шестая. Внутренняя и внешняя торговля	142
Глава седьмая. Деньги, налоги, кредиты	189
Хронологическая таблица	255

Учебное издание

Павел Алексеевич Хромов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СССР: ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИНСКИЙ И ФЕОДАЛЬНЫЙ СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Заведующий редакцией А. В. Земцов. Редактор Л. П. Тарасова. Младший редактор Г. М. Фирсова. Художественный редактор В. П. Бабикина. Художник В. Н. Панферов. Технический редактор Е. И. Герасимова. Корректор Н. А. Кравченко

ИБ № 6786

Изд. № ЭК-684. Сдано в набор 27.07.87. Подп. в печать 02.11.87. А-03519. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 14,28 усл. печ. л. 14,28 усл. кр.-отт. 15,31 уч. изд. л. Тираж 25 000 экз. Зак. № 1088. Цена 85 коп.

Издательство «Высшая школа». 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

